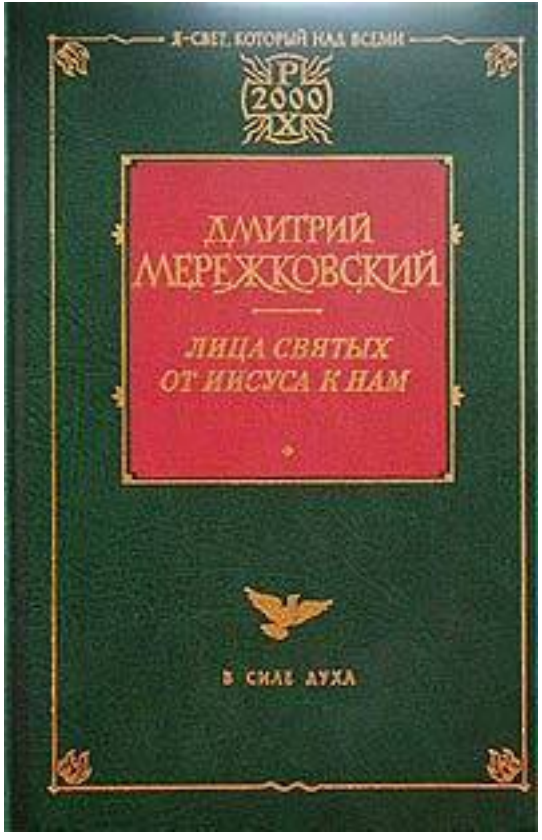
Я – СВЕТ, КОТОРЫЙ НАД ВСЕМИ
Р
2000
Х
ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ
ЛИЦА СВЯТЫХ ОТ ИИСУСА К НАМ
В СИЛЕ ДУХА

Дмитрий Сергеевич Мережковский

Жанна д'Арк

Серия «Лица святых от Иисуса к нам», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175074

Аннотация

В трилогию «Лица святых от Иисуса к нам» русского писателя и философа Д.С.Мережковского (1865–1941) вошли книги «Павел. Августин» (1936), «Франциск Ассизский» (1938) и «Жанна д`Арк» (1938), которые фактически являются продолжением его «Иисуса Неизвестного». В новой трилогии автор снова обратился к своей главной теме, соединив в одном религиозно-философском произведении многовековую мистерию христианства и современность.

Содержание

I. Св. Жанна и Третье Царство Духа 7
I 7
II 9
III 11
IV 14
V 17
VI 20
VII 22
VIII 25
IX 26
X 30
XI 33
XII 35
XIII 37
XIV 40
XV 43
XVI 44
XVII 46
XVIII 48
XIX 49
II. Жизнь св. Жанны д'Арк 51
I 51
II 53

III 56
IV 59
V 61
VI 63
VII 65
VIII 66
IX 68
X 70
XI 72
XII 74
XIII 76
XIV 79
XV 81
XVI 83
XVII 87
XVIII 90
XIX 93
XX 95
XXI 98
XXII 101
XXIII 102
XXIV 105
XXV 107
XXVI 110
XXVII 111
XXVIII 113

XXIX 116
XXX 118
XXXI 121
XXXII 124
XXXIV 128
XXXV 130
XXXVI 132
XXXVII 134
XXXVIII 136
XXXIX 139
XL 142
XLI 144
XLII 147
XLIII 150
XLIV 152
XLV 155
XLVI 157
XLVII 160
XLVIII 162
XLIX 164
L 166
LI 168
LII 170
LIII 172
LIV 174
LV 177

LVI 180
LVII 183
LVIII 186
LIX 188
LX 192
LXI 195
LXII 200
LXIII 204
LXIV 205
LXV 207
LXVI 208
LXVII 211
LXVIII 214
LXIX 216
LXX 218
LXXI 221
LXXII 224
LXXIII 227
LXXIV 228

Дмитрий Сергеевич Мережковский
Жанна д'Арк

I. Св. Жанна и Третье Царство Духа

I

Sancta Iohanna, ora Deum pro nobis!
Святая Жанна, моли Бога за нас!

Это говорят сейчас в христианской некогда, а теперь уже давно от Христа отступившей, хуже, чем языческой, – религиозно не существующей Франции, может быть, многие, но бессильные, потому что одинокие, никаким религиозно-общим, судьбы страны решающим действием не соединенные, верующие люди; или даже не говорят, а только шепчут, каждый про себя, чуть слышным тайным шепотом. Скажет ли это когда-нибудь снова христианская, ко Христу вернувшаяся Франция, внятно, громко, так, чтобы услышал весь мир?

«Скажет», – отвечают одни, может быть, слишком легко, потому что слишком этого хотят; а другие так же легко отвечают: «Не скажет», может быть, тоже потому, что этого слишком не хотят. Но не лучше ли было бы для тех и других, прежде чем ответить на этот вопрос, глубже над ним задуматься, чтоб не услышать и тем и другим одного приговора: «ты взвешен на весах и найден очень легким»; глубже задуматься и, может быть, почувствовать всю грозную тяжесть вопроса не только для одной Франции, но и для всего христианского мира, потому что если Жанна действительно святая не одной из двух Церквей, Западной, а единой Церкви Вселенской, то она принадлежит всему христианскому миру; и еще потому, что если Жанна действительно спасла Францию, то спасла и Европу, так как в XX веке еще несомненнее, чем в XV, что Европы нет без Франции и что спастись или погибнуть этой части Европейского тела – значит и всему телу погибнуть или спастись.

II

Две святые: первая – бывшей, христианской, вторая – настоящей, от Христа отступившей, и, может быть, будущей, снова ко Христу вернувшейся Франции – св. Жанна д'Арк и св. Тереза Лизьёская. Та не похожа на эту, как XV век на XIX.

> Всю мою вечность на небе я буду делать добро на земле, —

могла бы сказать и Жанна, как Тереза.[1] В этом для них обеих главном и все в их святости решающем, сказанном Терезой и молча сделанном Жанной так, как, может быть, никто из святых никогда не говорил и не делал, – в этом они больше чем друг на друга похожи – они как бы в двух телах, двух Франциях, бывшей и будущей, одна душа.

Истинную душу свою потерять – значит для народа так же, как для человека, погибнуть, а найти – значит спастись. Пять веков, отделяющих Жанну от Терезы, бывшую христианскую Францию от настоящей, религиозно не существующей, – все эти пять веков великой потери души, может быть, ничего другого не делала Франция, как только того, что потерянной души своей искала. Найдет ли, спасется, или не

---

[1] Fernand Laudet. «L'enfant chérie du monde»… sainte Thérèse de Lisieux. Tours: A. Mame et fils [1927]. P. 78. – «Je veux passer mon ciel a faire du bien sur la terre».

найдет, погибнет, – не будем отвечать и на этот слишком тяжелый вопрос слишком легко; прежде чем ответить, вспомним, как дважды на него уже ответила во времени и все еще, может быть, отвечает в вечности одна душа в двух телах: св. Жанна – св. Тереза. В этих только двух отвечает она так внятно для нас, близко к нам, как, может быть, больше ни в ком из святых:

> всю мою вечность на небе я буду делать добро на земле.

Путь всех святых – от земли к небу, от этого мира к тому; только у этих двух – обратный путь: от неба к земле, от того мира к этому. «Царство Мое не от мира сего» – это поняли св. Тереза и св. Жанна совсем не так, противоположно тому, как поняли почти все прочие святые, кроме ближайших учеников Господних. «***Ныне*** царство Мое (еще) не от мира сего» – в мир еще не пришло, но уже идет и будет в мире; «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе» – это обе они сказали и сделали уже во времени и все еще, может быть, говорят и делают в вечности.

Не потому ли от Церкви уходящий мир узнал и полюбил их обеих раньше, чем от мира ушедшая Церковь? «Мира Дитя Любимое», L'Enfant Cherie du Monde, – этим именем Терезы можно бы назвать и Жанну. Обе любят «мир, лежащий во зле», и миром любимы обе, как, может быть, никто из святых.

III

Мира не покинули обе в крайнем зле его – войне. В первой войне, едва не погубившей Францию, а с ней и всего христианского мира – все потому же, потому что мира нет без Франции, – родилась Жанна; а Тереза – до начала второй войны, большей, ближе еще приведшей весь христианский мир к самому краю гибели; до начала войны внешней родилась Тереза, а внутренне война уже началась для нее – как бы с нею уже родилась.

Жанна двумя мечами сражалась – духовным и вещественным; только одним духовным – Тереза, но так же бесстрашно и в таком же смертном бою, как Жанна.

«В детстве мечтала я сражаться на бранных полях. Помню, когда я училась французской истории, подвиги Жанны д'Арк восхищали меня… Быть, как она, мечтала я и чувствовала в себе достаточно для этого силы. Мне казалось, что Бог избрал и меня для таких же великих дел, как Жанну».[2] – «Ты, Господи, сказал: „Не мир пришел Я принести, но меч“. Дай же мне Твой меч, вооружи на войну! „Надо сражаться, чтоб Господь даровал нам победу“, – сказала Дева Жанна, невеста Твоя. Так же, как она, буду и я сражаться до конца жизни моей за Тебя, Иисус!»[3]

---

[2] Laudet. 134.

[3] Novissima Verba. Derniers entretiens de St.Thérèse. 1926. P. 211.

Вещий сон приснился ей, умирающей: будто бы не хватает солдат для какой-то великой войны. «Надо послать сестру Терезу», – говорит кто-то. «Лучше бы я хотела пойти на святую войну!» – отвечает она, но все не идет и на эту войну, грешную. «О, если бы мне в Крестовом походе сражаться!» – воскликнула, вспоминая тот сон, и, помолчав, заплакала: «Да неужели же я так и умру на постели?»[4]

Вещий сон исполнится с точностью: послана будет Тереза на войну, сначала самую грешную, а потом – на самую святую – в последний будущий Крестовый поход, вместе с Жанной: обе – Крестоносицы, именно в той стране, откуда начался первый Крестовый поход за три века до св. Жанны и за восемь веков до св. Терезы.

Кто спас Францию в первой, едва ее не погубившей войне XV века, знают все – Жанна; а кто спас ее во второй войне XX века, знают, может быть, только «маленькой Сестры Терезы, Девы Окопов», маленькие братья, солдаты Великой войны. Первые молитвы шептались ей там, в огне и крови; святости первым венцом увенчано «мира Дитя любимое» там, в миру. «Надо бы нам поторопиться, чтобы голос народов нас не предупредил», – говорили сановники Римской церкви, когда зашла речь о признании Терезы святой.[5] Но

---

[4] Novissima Verba. 115.

[5] La Bienheureusc Thérèse de l'Enfant Jesus. Histoire d'une âme. 1923. P. 317. – Cardinal Vico: «il faut nous hâter de glorifier la petite Sainte, si nous ne voulons pas que la voix des peuples nous devance».

как ни торопились – не успели: голосом мира предупрежден был голос Церкви.

Первый певец Жанны, одна из первых жертв Великой войны, Шарль Пэги, писавший «Таинство любви Жанны д'Арк» в те самые дни (1898 г.), когда умирающей Терезе, будущей «святой Деве Окопов», снился вещий сон о войне, – не успел, но мог бы узнать, как никто, в этих двух святых, Жанне и Терезе, одну святую душу Франции.[6]

[6] Charles Péguy. Le Mystère de la charité de Jeanne d'Arc. Paris: Cahiers de la quinzaine, 1926.

IV

«Жанна, смерть твоя спасает Францию», – молится Тереза, живя и умирая в вещем сне. Францию не только спасла, но и спасает смерть Жанны.

Снова приди, спаси![7]

Кажется, теперь, в XX веке, спасение еще труднее и требует если не большей, то уже совсем другой, новой святости, чем тогда, в XV веке. Если бы Жанна пришла сейчас, то около нее началась бы, может быть, внутренняя война между самими французами, более жестокая, чем та, с англичанами, внешняя, от которой едва не погибла Франция.

В той войне французы прозвали англичан «Годонами», Godons, за вечную брань с хулой на имя Божие: «God damn», а также – «Хвостатыми», Couès, за то, что мучили они французов в их же собственной земле, как дьяволы в аду мучают грешников.[8] Чувство суеверного ужаса, которым внуше-

---

[7] Stephen Coubé. Sainte Thérèse de France. 1928. P. 37. «Viens nous sauver pour la seconde fois!».

[8] Antoine Jean Victor Le Roux de Lincy, ed. Recueil de chants historiques français depuis le XII jusqu'au XVIII siecle. Paris: C. Gosselin, 1841. I. 300–301. – Charles Du Fresne Du Cange. Glossaire françois, faisant suite au Glossarium mediae et infimae latinitatis, avec additions de mots anciens extraits des glossaires de la Curne de Sainte-Palaye, Roquefort, Burguy, Diez, etc., et une notice sur Du Cange. Niort: Typ. de L.

ны эти два прозвища, слишком понятно: нечто в самом деле небывалое за память христианского человечества происходило в этой войне-нашествии – убийство одного народа другим, в мертвом молчании всего христианского мира и Церкви.

«Люди с хвостами» кажутся нам нелепым вымыслом средних веков; но слишком памятен и нам ужас Великой войны – земного ада, где человек человеку был дьяволом, чтоб не задуматься, нет ли чего-то действительного в религиозном опыте христианства, олицетворяющем крайнее в человеке, нечеловеческое зло, в образе ада и дьявола.

Первое нашествие Годонов, Хвостатых, на Францию – только детская игра по сравнению со вторым нашествием – Великой войной. Кончилась как будто война, а на самом деле, может быть, продолжается, и кажущийся мир – только перемирие накануне второй войны, величайшей и последней, потому и воевать было бы некому в третьей.

Между старыми и новыми Годонами разница та, что нашествие тех было внешнее, а этих – внутреннее; те были чужие, а эти – свои; те были народом, а эти всемирны, или, говоря о гнусном деле гнусным словом, «интернациональны»; тех были десятки тысяч – горсточка, а этих – миллионы, и с каждым днем плодятся они и множатся так, что кажется

Favre, 1879. Au mot: Caudatus. – Jacobus de Varagine. La légende dorée; traduite du latin d'après les plus anciens manuscripts, avec une introduction, des notes, et un index alphabetique, par Teodor de Wyzewa. Paris: Perrin, 1923. La legende de S. Grégoire.

иногда, что скоро совсем не будет цельных людей – французов, немцев, англичан, а все будут только на одну половину людьми, а на другую – «Годонами», «Хвостатыми».

V

Вечная метафизическая сущность новых и старых Годонов одна – безбожие. Но старые – имя Божие хулят, потому что верят во что-то, а новым – и хулить нечего, потому что Бог для них ничто. Только тело народа убивали старые, а новые убивают и тело, и душу.

«Что же это такое, Господи! Неужели же из Франции будет изгнан король и все мы сделаемся англичанами?» – спрашивал с отчаянием и ужасом один француз в 1438 году тогда еще никому почти не известную крестьянскую девушку Жанну.[9] Если слово «король» заменить словом «дух» или «душа», а слово «англичане» – словом «Годоны», то в 1938 году француз, бывший участник Великой войны, мог бы спросить с таким же отчаянием и ужасом маленькую Терезу, «Деву Окопов»: «Что же это такое, Господи! Неужели же из Франции изгнана будет душа, убита и все мы сделаемся Годонами, Хвостатыми?»

«Я изгоню чужеземцев из Франции!» Кто это говорит – св. Жанна в XV веке? Нет, св. Тереза в XIX, когда ни о каких «чужеземцах» во Франции никто и не думает.[10] Старых Годонов соединяет она пророчески с новыми; знает, что гу-

---

[9] Jules Etienne Joseph Quicherat. Procés de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite La Pucelle. Paris: J. Renouard et cie, 1841–1849. II. 436.

[10] Novissima Verba. 211. – «Je chasserai 1'etranger du royaume…».

бителями Франции, «Безбожниками», Годонами могут быть не только чужие, но и свои.

> Желчью меня напоили дети мои:
> Бог для них – ничто, —

говорит устами Терезы в молитве к Жанне Франция».[11]

Старые Годоны честнее новых. Те говорят: «Война» – и что́ говорят, то делают; «мир», – говорят эти и готовят вторую всемирную войну.

Видимы те, эти незримы. Очень трудно их узнать, а обличить невозможно. Кто посмел бы им сказать в лицо: «Хвостатые», – того засмеяли бы. Только те из Годонов, кто поглупее, все еще прячут «хвосты» под одежду, а умные давно уже поняли, что незачем невидимого прятать, потому что сам Отец лжи спрятал их в свое небытие, переместил из нашей геометрии, земной, в свою, неземную, и только изредка, чтобы подразнить сходящих с ума от ужаса, высовывает кончик хвоста из того мира в этот, как черт Ивана Карамазова. – «Донага раздень его и, наверное, отыщешь хвост, длинный, гладкий, как у датской собаки»… Нет, ничего не отыщешь, кроме голой спины. «Ты не сам по себе, ты – ***я***… и ничего более!» – «По азарту, с каким ты меня отвергаешь, я убеждаюсь, что ты все-таки веришь в меня!»[12]

---

[11] Laudet. 182:…Mes enfants m'abreuvent de douleurs:Dieu m'est rien pour eux…

[12] Достоевский. Братья Карамазовы. XI. – Черт. Кошмар Ивана Федоровича.

В том-то и сила Отца лжи, что его ***как будто нет***; что он, по слову Августина, «есть, не есть», est non est. Нынче и добрые католики в него не очень верят. Ходит, гадит между людьми невидимый; ложью подтачивает истину – то, что есть, – тем, чего нет.

VI

Что такое наших дней Годоны, лучше всего можно судить по Анатолю Франсу в книге его: «Жизнь Жанны д'Арк», написанной в те самые дни, когда писал и Шарль Пэги «Таинство любви Жанны д'Арк» и когда умирающей св. Терезе, будущей «Деве Окопов», снился вещий сон о Великой войне.

Франс – такой же чистейший француз, как Рабле и Вольтер, но вместе с тем и Годон чистейший – в родной земле чужеземец, уже коммунистам, а значит, и Второму и Третьему Интернационалу сочувствующий, мнимо или подлинно – это несущественно для Франса, потому что все в нем мнимо-подлинно: «есть, как бы не есть».

Древних сатиров и фавнов недаром любит он с родственной нежностью: он и сам, как они, двуестественен – полубог, полузверь; в верхней половине тела – француз, человек; в нижней – Годон, Хвостатый.

Надо отдать справедливость гению Франса: первый понял он чудо годоновской незримости, первый обнажился перед всем миром с таким же невинным бесстыдством, как делывал это (о чем рассказывает сам) перед нимфами Булонского леса, где проходившие мимо лесные сторожа, узнавая в нем Академика, Бессмертного, скромно потупляли глаза. То же делает он и в книге о Жанне д'Арк: так же перед Святою Девою обнажается, как перед теми лесными, грешными де-

вами.

VII

«Мнимое безумие Жанны разумнее всей нашей мудрости, потому что это – безумие мучеников – то, без чего люди никогда не создавали ничего великого… Все государства, империи, республики строятся только на жертвах».[13] Это значит: «святая Дева Жанна – святая жертва за Францию». Так говорит человек, француз, а вот что говорит Годон, Хвостатый: «Вечные галлюцинации делали ее неспособной различать истину от лжи».[14] Вечная ложь – «самообман» – одно из ее главных свойств.[15] Все откровения Жанны – «вымысел некий», fictio quaedam, – соглашаются с Франсом, Годовом XIX века, судьи Жанны, отцы Святейшей Инквизиции, Годоны XV века. «Все посланничество Жанны – лишь гордая, пагубная и богохульная ложь».[16] – «Вовсе не Жанна выгнала англичан из Франции; она скорее замедлила освобождение… Все поражения англичан объясняются очень естественно», – заключает Франс.[17]

Более стыдлив и осторожен знаменитый врач душевных

---

[13] Anatole France. Vie de Jeanne d'Arc. Paris: Calman Lévy, 1908–1909. Vol. I. P. LXV.

[14] France. I. P. III.

[15] France. I. P. LXY.

[16] Procès. I. 431, 438.

[17] France. I. P. XLIX.

болезней Жорж Дюма, ставящий в своем ответе Франсу диагноз о «клиническом случае» Жанны: «Если у нее и была истерия, то для того только, чтобы сокровеннейшие чувства ее могли воплотиться в небесных виденьях и голосах… как бы открытая дверь, через которую входит в жизнь ее нечто божественное ***или то, что она считала божественным***, – вот что такое истерия Жанны».[18] В этом-то «или» – весь вопрос; здесь и проходит черта, отделяющая ложь от истины, – то, что «есть, как бы не есть», от того, что действительно есть. Надо сделать выбор между тем и этим. Слишком осторожный ученый Дюма выбора не делает, но за него делает Франс. Книгу свою о Жанне д'Арк кончает он явлением Жанны Ла Ферон, самозванки, второй Девы, более будто бы «святой», чем первая. Эта вторая Жанна, явившаяся в 1449 году, в 1456 году оказывается, к радости всех Годонов, тогдашних и нынешних, в том числе и Франса, наложницей монаха-расстриги, содержательницей дома терпимости, «распутною девкою».

«Дева-Девка», Pucelle-Putain, – звучит и в смехе Вольтера, как в брани английских ратных людей, Годонов, с Орлеанских окопов. Но и Вольтер двуестественен так же, как Франс. «Девка», – говорит Годон, Хвостатый; «мученица», – говорит человек, француз. «Жанну сожгли на костре, но она имела бы жертвенник в те героические дни, когда люди ста-

[18] France. II. 465.

вили своим освободителям жертвенники».[19] Надо было бы опять сделать выбор между тем и этим. Но Вольтер его не делает; за него сделает Франс.

[19] Voltaire. Essai sur les moeurs. LXXX.

VIII

«Только одно гнуснее, чем суд над Жанной в 1431 году, – ее оправдание в 1456 году», – скажет не Годон, а француз наших дней.[20] Можно бы прибавить: все почти «оправдания» – не только XV, но и следующих веков гнуснее, чем осуждения. «Вы говорите, что вы – судьи мои; но берегитесь, как бы ваш суд не оказался неправедным, потому что я воистину Божия посланница», – говорит Жанна судьям XV века; то же могла бы сказать она и судьям будущих веков.[21] «Я себе кажусь Жанной д'Арк на суде», – скажет св. Тереза Лизьёская: участь обеих и в этом одна.[22]

Старые Годоны честнее новых: те Жанну просто сожгли, а эти ставят ей плохенькие памятники, чугунные куклы, осеняют их в день ее годовщин самыми унылыми тряпками трех самых полинялых в мире цветов – Свободы, Равенства, Братства – и до следующего года сваливают вместе с прочим казенным хламом в полицейские участки Третьей Республики.

---

[20] J. Bainville. Marie Loise Amiet. La condamnation de Jeanne d'Arc vue à la lumière des grands événements du moyen-âge. Paris: Nouvelle éditions du siècle [1934].

[21] Procès. I. 62, 154.

[22] Novissima Verba. 87. – «On me harcèle de questions; cela me fait penser à Jeanne d'Arc devant son tribunal».

IX

Но самое, может быть, страшное – то, что Жанну судит и Церковь так же надвое, как мир: то осуждает, то оправдывает, и второе хуже первого.

«Было ли дело ее Божеским или только человеческим, я не могу решить, – скажет в 1463 году, через семь лет после оправдания Жанны, знаменитый гуманист Эней Сильвий Пикколомини, будущий папа Пий II. – Некоторые думают, что люди, стоявшие тогда во главе Франции, разделившись вследствие победы врага и не желая подчиняться никому из своих, прибегли к военной хитрости, чтобы остановить успехи англичан, полагая, что небесное посланничество Девы будет полезно для власти… ибо кто из людей дерзнул бы воле Божьей противиться? – решили они поставить Жанну во главе военных сил».[23]

«Жанна была во всем удивления достойна, – скажет св. Антонин Флорентийский, почти современник Жанны, – но какой в ней действовал Дух – неизвестно. Думали, однако, что ***скорее*** Дух Святой».[24] Думали, но не знали наверное, Святой Дух или Нечистый. Если этого не знают святые, то грешные люди тем более. «Имя Девы было столь велико и

[23] Procès. IV. 518. – Gabriel Hanotaux. Jeanne d'Arc [Paris]: Hachette et cie, 1911. P. 122–123.

[24] Procès. IV. 506. – Hanotaux. 123.

прославлено, что никто не смел ее судить ни в добре, ни во зле», – вспоминает летописец тех дней.[25] И «Мещанин Парижский» тех же дней: «Это было существо под видом женщины, которое называли „Девою“, а чем оно было на самом деле, Бог знает».[26]

Брат Ришар, францисканский монах, будущий духовник Жанны, при первой с нею встрече заклинает ее и кропит святой водой издали, чтобы узнать, от кого она – от Бога или от дьявола.[27]

Этого никто не знает ни в миру, ни в Церкви, «какой в ней действовал Дух» – Святой или Нечистый; что́ «входило через нее в жизнь» – действительно ли «нечто божественное или то, что она только считала божественным» – этого никто не может решить – ни папа-гуманист Пий II, ни св. Антонин в XV веке, ни знаменитый врач душевных болезней в XIX веке.

Только очень простые люди это решили раз и навсегда: «Жанна – величайшая после Богоматери Святая».[28] Легенды

---

[25] Georges Chastellain. Chronique des ducs de Bourgogne. Paris: Verdière, 1827. – Louis Petit de Julleville. Sainte Jeanne d'Arc. Paris: J. Gabalda et fils, 1928. P. 86.

[26] Journal d'un bourgeois de Paris, ap. Jules Michelet. Jeanne d'Arc. Paris: Calman Lévy, [1856]. 212. – «…Une créature qui était en forme de femme… qu'on nommait la „Pucelle“. Que c'estait? Dieu le sait».

[27] Procès. I. 100. – Guillaume Gruel. Chronique du comte de Richemont. Paris, 1838. P. 71. – Eberhard Windecke. Chronique. 178–179.

[28] Pierre Lanéry d'Arc. Le culte de Jeanne d'Arc au XVe siècle. Orleans: Herluison, 1887. – Auguste Valllet de Virville. Note sur deux médailles de plomb relatives à Jeanne d'Arc. Paris: Bureaux de la «Revue archeologique», 1861.

о ней распространяются по Италии, Фландрии, Германии – по всей Европе.[29]

Ее почли Святою
За добрые дела…
Потом сожгли в Руане,
Но слух прошел в народе,
Что будет вновь жива, —
воскреснет, как Христос воскрес.[30]

Это знают очень простые, малые люди в миру и только два великих человека в Церкви: целестинский монах Жерсон и архиепископ Эмбренский Жак Жэлю.[31] Но от подозрительного по «ереси» Жерсона так же пахнет дымом костра, как от самой Жанны, а голос архиепископа Эмбренского прозвучит и умолкнет в мертвом молчании Церкви: «Чтобы посрамить всех, кто верит в Бога так, как бы не верит, угодно было… Царю царствующих и Господу господствующих помочь

[29] Chronique d'Antonio Morosini; extraits relatifs à 1'histoire de France, pub. pour la Société de 1'histoire de France, introduction et commentaire par Germain Lefèvre-Pontalis, texte établi et traduit par Léon Dorez. Paris: Librairie Renouard H. Laurens succ., 1898–1902. – France. I. 543.

[30] Georges Chastellain. Vigiles de Charles VII. 1724. P. 120:Sainte fut adoréePar les oevres que fit…Arse à Rouen en cendre,Donnant depuis entendreSon revivre autrefois.

[31] Anne Louise Masson. Jean Gerson, sa vie, son temps, ses oeuvres; précédé d'une introduction sur le moyen âge. Lyon: E. Vitte, 1894. – Auguste Vallet de Virville. Histoire de Charles VII, roi de France, et de son epoque. 1403–1461 Paris: Vve J. Renouard, 1862–1865. Vol. II. P. 94. – Archevêque d'Embrun, Jacues Gelu.

королю Франции… через воспитанную в навозе девочку».[32] Голос этот, хотя и никем тогда не услышанный, – единственный вечный голос уже не Римской, а Вселенской Церкви.

[32] Procès. III. 395, 410.

X

«Жанна предана была огню… врагами Святейшего Престола», – сказано будет римскими судьями Жанны в 1909 году о судьях 1431 года.[33] Бóльшую несправедливость трудно себе и представить: вовсе не врагами Святейшего Престола судится Жанна в XV веке так же, как в XX, а самим же Святейшим Престолом, потому что нет никакого сомнения в том, что суд над нею по Римскому церковному законодательству правилен. Жанну судил и тогда не кто иной, как Римский Первосвященник в лице своего полномочного на суде представителя, Инквизитора Франции.[34]

Жанна предана была огню за «ересь»; главная же ересь ее – в том, что она «непослушна» Римской Церкви, земной, Воинствующей: «Я пришла от Бога, от св. Марии Девы и от всех Святых – от Церкви Торжествующей. Только ей одной я была и буду послушна во всем, что делала и делаю».[35]

«Церкви земной и никакому на земле человеку ты не подчиняешься, а одному только Богу», – сказано будет и в смерт-

---

[33] Petit de Julleville. 206. – Decret de beatification et canonisation de Jeanne d'Arc: «…ayant été livrée au feu du bucher par les hommes, qui étaient surtout les ennemis du Saint-Siège».

[34] Amiet. 66.

[35] Procès. I. 174, 176.

ном приговоре над Жанной.[36] «Церкви Воинствующей отказалась она подчиниться, вопреки Символу веры: „во единую Вселенскую (Католическую), Unam Sanctam Catholicam“, – говоря, что между нею, Жанной, и Богом не может быть никакого посредника, и признавая над собою не суд Церкви, а суд Божий».[37] – «Жанна не верила ни прелатам, ни папе и никому в мире, говоря, что это (Голоса и видения) имеет от самого Бога».[38] – «Это я не от людей узнала, это мне сам Бог открыл», – могла бы сказать и Жанна вместе с Франциском Ассизским.

> Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей… благоволил открыть во мне Сына Своего… я не стал советоваться с плотью и кровью (человеческой) и не пошел в Иерусалим., к Апостолам (в Церковь), —

могла бы Жанна сказать и вместе с Павлом (Гал. 1, 16–17).

> «Я не поверил бы и самому Евангелию (Христу), если бы меня не побуждала к тому власть Церкви», —

этого Жанна не могла бы сказать вместе с Августином, потому что Церковь для нее – от Христа, а не Христос – от Церкви.[39]

---

[36] Procès. I. 430, 437. – Première sentence. Article XII.

[37] Amiet. 158. – Première sentence. LXI. – «Qu'elle était à Dieu sans intermediaire… S'en referant a Lui… et non au jugement de 1'Eglise».

[38] Michelet. 247. – «Non credabat nec praelato, nec papae, nec cuiumque, quia hoc habebat a Deo».

[39] August. Contra Epist. Fundamenti. VI. – «Ego vero Evangelio non crederem, nisi

«Церкви я подчиняюсь, но ***Богу послуживши первому***».[40] Больше, чем Преобразование Церкви, Реформация в этих трех словах: «Богу послуживши первому» – в них Переворот, Революция. Это верно понял главный судья Жанны, епископ Бовезский Пьер Кошом. «Дело идет о том, чтобы сохранить целость святой католической веры, – пишет он главному инквизитору Франции Жану Граверену. – Истине дать воссиять может только Святейшая Инквизиция».[41] Так же верно понял и Парижский университет, сообщая папе: «Жанна отказалась подчиниться какой бы то ни было власти духовной, даже самой высшей (папе)»; но «с помощью Божьей осуждена та, чьим ядом отравлен был почти весь христианский мир».[42]

Вот почему на трех концах мира вспыхнули почти одновременно три костра – Виклеффа, Яна Гуса и Жанны.

---

me Catholicae Ecclesiae commoverat auctoritas».

[40] Hanotaux. 306. – «Ne vous croyez-vous donc pas soumise à 1'Eglise de Dieu qui est sur la terre?..». – «Oui, je m'y crois soumise, mais Dieu premier servi»

[41] Amiet. 67. – Evêque de Beauvais, Pierre Cauchon. – Jean Graverend.

[42] Procès. I. 409.

XI

«Жанна, во что вы верите больше, в ваши Голоса или в Церковь?» – так или почти так поставлен был вопрос на суде с неотразимою ясностью. «Верю в мои Голоса больше, чем в Церковь», – ответила Жанна с такою же ясностью.

«Если бы Церковь… объявила вам, что откровения ваши от дьявола, послушались бы вы Церкви?» – «Нет, я послушалась бы Господа нашего Иисуса Христа, чью волю я всегда исполняла». – «А если бы Церковь приказала вам сделать не то, что вы считаете волей Христа?» – «Я послушалась бы все-таки Христа».[43]

«Так говорят все ложные пророки (еретики); но если это допустить, то вся власть Церкви будет ниспровергнута… ибо не покоряться людям Церкви – значит восставать на Бога», – решают судьи Жанны, ***по совести***, потому что этих слов ее в самом деле достаточно, чтобы поколебать всю власть Римской Церкви.[44]

Это верно понял и Шарль Пэги: «Что же делать? Жанна предпочитала Архангела Михаила аббату Константину… В ней всего удивительнее то, что она никогда никого не слушалась и шла всегда своим путем мимо всего».[45] Шла и мимо

---

[43] Amiet. 162. «Je m'en rapporterais… à notre Sire».

[44] Amiet. 158, 198.

[45] Jerôme et Jean Tharaud. Notre cher Péguy. Paris: Plon-Nourry et cie, 1926. II.

Римской церкви, ко Христу.

Жанна умерла, потому что не было Церкви Вселенской и для того, чтобы она была.

«Нынешняя (Римская) Церковь Петра – только тень будущей (Вселенской) Церкви Иоанна», – учит св. Августин в V веке и Скот Эриген в IX: «Видимость Церкви настоящей, Сына, рассеется, как тень, в восходящем солнце будущей Церкви Духа Святого».[46] – «Дни Римской Церкви сочтены… Церковь Иоанна, Вселенская, воздвигнута будет на развалинах старой церкви Петра», – учит Иоахим Флорский, в XIII веке.[47]

То, чему учат, о чем говорят они все, – сделает Жанна: выйдет из Церкви Западной, Римской, бывшей, чтобы войти в будущую Вселенскую Церковь.

---

144. – «Elle a toujours passé outre».

[46] August. De civitate Dei. XX, XXII. – In Johan. Evang. Tractat. XXVI. 124. – Émile Gebhart. L'Italie mystique; histoire de la renaissance religieuse au moyen âge. Paris: Hachette et cie, 1890. P. 59.

[47] Joach. Florens. Exposit. in Apocalyps. Fol. 83.

XII

В первый год Великой войны, 1914-й, поднято было в Риме снова, после многих колебаний и отсрочек дело о признании Жанны святой. Но дело это оказалось труднее, чем думали. Прежде, чем объявить Жанну святой, надо было ее оправдать, очистить память ее от обвинения в злейшей ереси – в непослушании Римской Церкви, а сделать это было не так-то легко, потому что обвинение казалось канонически правильным и потому что судьи Жанны в 1431 году, в лице полномочного инквизитора Франции, были те же римские судьи, что и в 1914 году. «Римом сказано – дело кончено». Roma locuta, causa finita: сказано в XV веке, кончено в XX веке. «Дело Жанны да будет отложено, causa reponatur», – решает или не может решить папа Пий X так же точно, как за пять веков до него Пий II: «Было ли дело ее Божеским или только человеческим, не могу решить».[48]

Дело Жанны казалось навсегда отложенным. Но во время Великой войны солдаты в окопах, те бесчисленные «маленькие души», о которых говорила св. Тереза Лизьёская: «тем же путем войдут и они, как я», – просили папу объявить Терезу святою так настойчиво, что отказать им было невозможно.[49] В сонм Святых вошла Тереза, а вместе с нею, второю

[48] Coubé. 37.

[49] La Bienheureuse Thérèse de l'Enfant Jèsus. Histoire d'une âme 295, 317.

«Девой Окопов», вошла и первая – Жанна.

Но все еще нехотя, как бы вопреки себе, приняла ее Церковь: приобщила к сонму Святых Дев, но не Мучениц.[50] Это значит: Жанна свято жила, но как умерла, кем и за что предана огню – неизвестно. Церковь как бы проходит мимо костра ее, закрывая на него глаза, остерегаемая чьим-то голосом: «этого тебе не нужно видеть».

«Горе нам. Мы сожгли Святую», – этого Римская Церковь не скажет, как английские палачи говорили у костра Жанны.[51] «Все мы согрешили, воистину, все» – не скажет и этого Римская Церковь о Жанне, как сказал один из пап о Лютере.[52]

«Страсти Дочери Божьей» на Огненном Кресте совершились тогда и все еще совершаются. Но кто кем осужден, св. Жанна Римскою Церковью или Церковь Жанною, – в этом, конечно, весь вопрос.

---

[50] Amiet. 282.

[51] Michelet. 287.

[52] Hanotaux. 244.

XIII

Странно и удивительно чередуются в Жанне то глубочайшая скрытность и замкнутость, то детская доверчивость. Кажется, именно так, детски доверчиво говорит Жанна в 1429 году капитану Роберу Бодрикуру, военному начальнику соседнего с ее родным селением городка Вокулёра, откуда суждено ей было отправиться к дофину Карлу VII для спасения Франции.

– Когда я исполню это великое, назначенное мне от Господа дело, то выйду замуж, и родится у меня три сына: первый будет папой, второй – императором, а третий – королем Франции…

– Если будут у тебя такие сыновья, я бы хотел быть отцом одного из них! – шутит капитан Бодрикур.

– Ни-ни, благородный Робер, этого не будет, – отвечает Жанна. – Три эти Сына родятся у меня от Духа Святого![53]

Что такое этот разговор? Голый вымысел? Едва ли. Как могло бы прийти в голову капитану Бодрикуру, покровителю Жанны, сочинить такой разговор, да еще донести о нем злейшим врагам ее, судьям-инквизиторам, вспоминающим его

[53] Procès. I. 219–220. – Robert de Baudricourt, capitaine de Vaucouleurs. – «Une fois accomplies les grandes choses j'ai à faire de la part de Messire, je me marierai et j'aurai trois fils, dont le premier sera pape, le seconde empereur, le troisième roi». – «Piusqu'ils seront si grands personnages, je voudrais t'en faire un». – «Nenni, gentil Robert, nenni! Il n'est pas temps: le Saint-Esprit y ouvrera».

на суде потому, конечно, что одного этого разговора достаточно, чтобы осудить ее за неслыханное кощунство и ересь.[54] Нет, если это отчасти и вымысел, то все-таки слышится в нем что-то слишком особенное – личное, ни на кого, кроме Жанны, не похожее, чтобы все могло быть ***только*** вымыслом. Что именно говорила Жанна, мы никогда не узнаем, но очень вероятно, что она могла говорить или, по крайней мере, думать нечто подобное.

Главное и самое удивительное, неимоверное, в этих словах Жанны – рождение трех ее Сыновей «от Духа Святого».

Вспомним согласно повторяющееся в веках от Августина в «Граде Божием» до Иоахима Флорского в «Вечном Евангелии», то видимое, то невидимое, тайное, как течение подземной реки, учение о Трех Заветах.

Только два Лица Божия – Сын и Отец – увидены христианством во временном, историческом, известном нам Евангелии, а в неизвестном, Апокалипсическом, Вечном, – увидены будут все три Лица – Отец, Сын и Дух. «В первом Завете – Отца – звездный свет, ночной; во втором Завете – Сына – свет утренний, сумеречный; в третьем Завете – Духа – дневной, солнечный». – «В первом – Закон, во втором – Любовь, в третьем – Свобода».[55]

---

[54] Amiet. 141.

[55] Joach. Florens. Expositio in Apocalyps, ed. Venezia, 1527. Fol. 94, verse. – Concord. Vet. et. Nov. Testam. Lib. V. – Fournier. 8. – Renan. Nouvelles études historique. 286.

Именно здесь, в откровении Духа – в Свободе, Жанна, может быть, ближе всех святых к духовному сыну Иоахима, св. Франциску Ассизскому.

«Вот когда я наконец могу сказать ***свободно***: не отец мой Пьетро Бернардоне, а Господь, Небесный мой Отец!» – первое слово Франциска в самом начале служения, а последнее – в самом конце: «Господи, благодарю Тебя за то, что Ты дал мне умереть ***свободным*** от всего».[56] – «Только Он один (Христос) может меня ***освободить***!» – последнее слово Жанны.[57]

Огненный Крест ее – крещение Духом Святым и Огнем, вхождение в «третье состояние мира, в Духе, огненное», status igneus, по Иоахиму Флорскому.[58]

> Я крещу вас в воде… Но Идущий за мною сильнее меня… Он будет крестить вас Духом Святым и Огнем (Мт. 3, 11).

«Дух – Свобода – Огонь»: в этом религиозном опыте уже почти геометрически для нас очевидно, Иоахим, Франциск и Жанна стоят на какой-то последней между двумя Заветами черте: между «вторым состоянием мира, водным», в Сыне, и «третьим, огненным», в Духе; на какой-то соединяющей их точке – последней Второго Завета и первой Третьего.

---

[56] Celano. V. S. II. 163.

[57] Procès. I. 483. – …»Celui-là seul qui me peut délivrer».

[58] Joach. Florens. Concord. V. 84.

XIV

– Это королевство, Франция, по-настоящему не принадлежит дофину. Но Мессир хочет, чтоб дофин был королем и получил от Него королевство ***во временное владение***, – говорит Жанна капитану Бодрикуру, может быть, после того удивительного разговора о «трех сыновьях ее от Духа Святого».

– Кто этот Мессир? – спрашивает ее Бодрикур.

– Царь Небесный, – отвечает Жанна.[59]

«Жанна попросила однажды короля сделать ей подарок и, когда тот согласился, потребовала у него королевства Франции. Очень удивился король, но не захотел отречься от своего обещания. Тут же составлена была торжественно четырьмя королевскими нотариусами дарственная запись, и, когда король заслушал ее, Жанна, указывая на него присутствующим, сказала: „Вот сейчас беднейший рыцарь во всем королевстве Франции!“ И немного погодя такой же дарственной записью передала полученное в дар королевство Богу, а от Бога – опять королю».[60]

---

[59] Procès. II. 456. – «De fait, le royaume n'appartient pas au dauphin. Mais Messire veut que le dauphin soit fait roi et qu'il ait le royaume en commande…». – «Qui est Messire?». – «Le Roi du Ciel».

[60] Procès. III. 91; IV. 140, 486. – Léopold Victor Delisle. Nouveau témoignage relatif à la mission de Jeanne d'Arc. Paris: H. Champion, 1885. P. 649. – Germain Lefèvre-Pontalis. Les sources allemandes de 1'histoire des Jeanne d'Arc. Eberhard

Что значит эта притча в действии? Кажется, лучше всего поняла ее св. Тереза Лизьёская: «Я изгоню чужеземцев из Франции так же, как это сделала Жанна д'Арк, и так же ***провозглашу Иисуса Царем***».[61] Это значит: Франция да будет царством Божиим, «на земле, как на небе»; «всю мою вечность на небе я буду делать добро на земле».

В Ветхом Завете Отца – иудействе – царство Божие исполняется только на земле; в Новом Завете Сына – христианстве – только на небе; а в будущем Завете Духа – на земле, как на небе. Вечная молитва Сына в Духе: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе» – и есть «Вечное Евангелие Духа Святого», Evangelium Aeternum Spiritus Sancti,[62] по Иоахиму Флорскому.

Вот что значит: будет у Жанны три сына от Духа Святого. Первый сын ее, папа, поведет людей к царству Божию в Отце, только на небе; второй сын, император, поведет их к царству Божию в Сыне, только на земле; а третий сын, король Франции, поведет их к царству Божию в Духе, на земле, как на небе.

Вот почему молится Жанна за Францию здесь еще, на земле, и будет молиться на небе: «Господи… дай королю Франции вместе с народом его… прийти к Тебе, ибо Ты – путь,

---

Windecke. Paris: A. Fontemoing, 1903. P. 52–53.

[61] Novissima Verba. 87. – Laudet. 134.

[62] Joach. Florens. Concord. Ed. Lable. Vol. XI. Part. 2. Col. 2361–2362.

истина и жизнь».[63]

[63] Procès. V. 104. —Lanéry d'Arc.

XV

Царством Божьим будет сначала Франция, а потом и вся Европа – весь христианский мир, потому что дело Жанны не только народно, «национально», как мы говорим, но и всемирно; дело это не в римском, а в вечном смысле, «католическое», «вселенское», вопреки Бонапарту: «Жанна д'Арк доказала, что нет такого чуда, которого не мог бы совершить гений Франции, когда ***национальная*** независимость ее угрожаема».[64] Нет, если бы чудо Жанны было только «национальным», а не всемирным, то оно не спасло бы и Франции.

«Я иду на войну за вечный мир», – могла бы сказать и Жанна вместе с первым певцом своим Шарлем Пэги.[65] «Мне меча не нужно: я не хочу убивать никого, – мог бы сказать и Пэги вместе с Жанной.[66] «Я никогда не могла видеть, как льется французская кровь, без того, чтобы волосы у меня на голове не вставали дыбом от ужаса».[67] Так же видеть не может, как льется и английская кровь; так же плачет над убитыми англичанами, как над французами.

---

[64] Moniteur. 10 Pluviose, au XI – 30 Janvier 1803. – France. I. P. LXIV.

[65] Tharaud. II. 244. – «Je pars soldat pour le desarmement général et la dernière des guerre».

[66] Michelet. 187. – «Nolebat uti enso suo, nec volebat quemquam interficere». – Procès. I. 78. – «Onques n'ai tue personne».

[67] Procès. III. 212–213.

XVI

«Идучи однажды во Францию, св. Франциск с братом Массео собирали в одном селении милостыню. И когда дошли до какой-то церкви, то Франциск, войдя в нее и укрывшись за жертвенник, начал молиться и в некоем видении божественном так воспламенился жаждой святой нищеты, что, выйдя к брату Массео, весь пламенел в огне любви, и лицо его казалось огненным, и пламя как будто исходило из уст его».[68]

Это «пламенение» Франциска Духом Святым – приближение к тому, что в Иоахимовом религиозном опыте предчувствуется как «третье состояние мира, огненное», – происходит, может быть, не случайно во Франции, будущей родине Жанны, потому что и духовная родина Франциска – «Французика» (таков смысл этого имени-прозвища) – тоже Франция: здесь начинает он любить свою «Прекрасную Даму, Бедность», как провансальский трубадур, «скоморох Божий», joculator Domini. Первые песни будет Ей петь в «восхищении», «экстазе», raptus, не на родном итальянском, а на всемирном для него, французском языке. Первые легенды о Жанне распространят не только по Франции, но и по всей Европе «Нищие Братья» св. Франциска, и оба круга легенд

[68] Fioretti. XIII.

о нем и о ней сплетаются в один венок.[69] Птицы, клюющие зерно из рук семилетней девочки Жанны, – сродни тем, которым проповедывал Франциск; волки, которых не боятся овцы пастушки Жанны, – сродни губбийскому волку Франциска.[70]

Брат Ришар, ученик св. Бернардина Сиеннского, «меньший брат» св. Франциска, – духовник Жанны:[71] он-то, может быть, и внушает ей мысль о новом всемирном Крестовом походе, не для войны, а для обращения неверных. Эта последняя мысль Франциска – первая мысль Жанны: в первом же походе из Блуа в Орлеан, только что начиная спасение Франции, предлагает она англичанам соединиться с французами в общем Крестовом походе, чтобы «совершить прекраснейшее из всех когда-либо в христианстве совершенных дел».[72]

Это – в начале, а в конце: Англия, Франция, Италия – все христианские народы, «обратившись ко Христу и покаявшись, облекутся в одежды Нищих Братьев и заключат между собою вечный мир», – «да будет царство Божие на земле, как на небе».[73]

---

[69] Morosini. III. 78.

[70] Procès. V. 115, 121. – Journal d'un bourgeois de Paris. 237.

[71] Wadding. V. 130.

[72] Procès. III. 74; IV. 139. – «…Feront le plus bel fait que onques fut fait pour la Chrestienté».

[73] Morosini. III. 64–65.

XVII

Может быть, и Жанна сама принадлежала к Третьему Братству св. Франциска, Tertius Ordo, – к «Третьему Царству Духа».

Слышится, может быть, во всех «Голосах», откровениях Жанны один голос Духа.

> Голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит (Ио. 3, 8).

Этого не знает ни Франциск, ни Жанна; знает, может быть, только один человек на земле – Иоахим.

> Дух Святой, прииди!
> Veni Creator Spiritus, —

с этим гимном Иоахима выступит и Жанна в первый поход свой, для спасения Франции.

«Жанну отвергнуть… значило бы ***Духу Святому противиться***», – решает королевский Совет в Пуатье после «испытания» Жанны.[74]

Голубь Духа Святого выткан на знамени ее вместе с именами Jhesus-Maria и с надписью «От Царя Небесного».[75]

Кто-то из англичан, злейших врагов Жанны, видит, как из

---

[74] Procès. I. 78, 300. – «De par le Roi du Ciel».

[75] Procès. I. 78, 300. – «De par le Roi du Ciel».

пламени костра, на котором умирает она с последним воплем «Иисус!» – вылетает голубь Духа Святого.[76]

Огненный Крест с распятым на нем Серафимом в Альвернском видении Франциска и Огненный Крест – костер Жанны – два пророческих знамения «третьего состояния мира, огненного» – Царства Духа – Свободы. В Духе – Огне умирают Жанна и Франциск за освобождение мира.

Вот почему и в детской молитве св. Терезы Лизьёской Франция молится Жанне.

Видишь, руки мои в цепях…
Снова приди…
Цепи мои разбей,
Освободительница Жанна.[77]

[76] Procès. III. 186, 355. – Michelet. 286.

[77] Laudet. 182.

XVIII

Если крайнее насилие – война – есть начало всех рабств, то понятно, почему после Великой войны наступило великое рабство.

Много раз пытаясь освободиться в политических и социальных революциях, помимо или против Христа, и все больше и больше отчаиваясь в свободе, западноевропейское человечество все глубже и глубже впадало в метафизически-чудовищное извращение воли – тягчайшее, может быть, следствие «первородного греха» – то, когда воля к свободе становится в человечестве ***волею к рабству***, пока, наконец, после Великой войны в строящейся на месте Церкви абсолютной государственности наших дней, на всем ее протяжении от фашизма до коммунизма, от диктатуры кесарей до диктатуры пролетариата, эта воля к рабству усилилась так, как еще никогда за память человечества, ни даже в древних абсолютных монархиях Египта, Вавилона и Рима. Люди сами в цепи идут, жаждут рабства неутолимо: чем иго тяжелее, тем ниже и мягче гнутся шеи рабов, так что, наконец, самым мертвым и холодным из всех человеческих слов сделалось в наши дни самое живое, огненное слово Духа – Свобода.

XIX

Только в Великой войне могло родиться на месте бывшей России великое царство новых Годонов, поработителей. И только что оно родилось – потянулись к нему сердца всех обуянных волею к рабству народов, как уста жаждущих – к воде и голодных – к хлебу.

Самое непонятное и невозможное сейчас – не только для Франции, но и для всей Европы – то, чего хотела св. Жанна д'Арк, когда замышляла всемирный Крестовый поход для освобождения Святой Земли от ига неверных: «Мы совершим прекраснейшее из всех когда-либо в христианстве совершенных дел»; и то, чего хотела св. Тереза Лизьёская: «О, если бы мне в Крестовом походе сражаться!» Это дело, самое как будто сейчас невозможное для Европы и Франции, – может быть, единственное для них спасение.

О, если бы знала Франция, что ожидает ее под игом этих новых Годонов, всемирных завоевателей и поработителей! О, если бы знала она, о каком освобождении, от каких цепей молится Жанне Тереза:

Слушай, в ночи —
Франция плачет:
«Вспомни!
Снова приди и спаси меня, кроткая мученица Жанна!
Видишь, руки мои – в цепях…

Лицо закрыто, очи заплаканы,
И величие мое унижено…
Снова приди,
Цепи мои разбей,
Освободительница Жанна!»

II. Жизнь св. Жанны д'Арк

I

Главное для Жанны и самое действительное в жизни, – то, что называет она своими «Голосами», «Видениями». Если это «обман», то и все остальное в жизни ее тоже обман; но тогда непонятно, как эта семнадцатилетняя крестьянская девочка спасла не только Францию, но и всю Европу – весь христианский мир. А если это истина, то в Голосах ее – одно из величайших явлений Духа во всемирной истории. Чем-то в религиозном опыте Святых явление это может быть предсказано, но в самой истории – как будто ничем.

Так же как в те незапамятно древние дни, когда закалались человеческие жертвы волхвами, друидами, «Деве Рождающей», Virgo Paritura, – шепчутся, и в эти дни Жанны, дремучие дубы древнего Вогезского леса, откуда «выйдет Святая Дева»; так же водят свои хороводы, при месячном свете, под «Фейным деревом», «Лесные Госпожи»; так же, в зеленой тени плакучих ив и ольх, воды Мёзы льются, такие прозрачные, что виднеются сквозь них серебряно-голубые, с розовыми пятнами, форели и длинные, как русалочные волосы, травы; так же уныло поет пастушья свирель, над холмами, низкими и нежными, как девичьи груди, под небом

невинно-лазурным, как девичий взгляд; так же тихо плачет утренний колокол, Ave Maria, и вечерний, Angelus. И так же человеческие краткие звуки, слабые шумы войны – зловещий набат, пушечный гул – не нарушают, а углубляют тишину земли и неба бесконечную.

В этой-то тишине и раздается тишайший, но сильнее громов небо и землю потрясающий голос Духа:

– Дочерь Божия, иди, иди! Я тебе помогу, – иди![78]

[78] Procès. III. 12.

II

Жанна родилась около 1410–1412 года, в глухом лорренском селении Домреми, у самой опушки Вогезского леса, от бедного поселянина-пахаря, владельца маленькой фермы, сельского старосты-дойена Жако д'Арк.[79]

Домик его, с выбеленными стенами, тусклыми, слюдяными оконцами и низко, почти до земли, нависшею кровлею, находился у самой церковной ограды, – только перейти кладбище.[80]

Мать Жанны, Изабелла «Ромея», Romée, «Римлянка» (прозвище паломниц, ходивших в Рим), была усердной поклонницей соседней Пью-Велейской Богоматери, «Черной Девы», привезенной будто бы во дни Крестовых походов св. Людовиком из Египта, а туда – из Вавилона, где пророк Иеремия выточил ее из сикоморового дерева, наподобие Пресвятой Девы Марии, виденной им уже в Духе.[81] В тех же местах, где, поклонялась мать Жанны Матери Божьей, эта «Черная Дева, но прекрасная», nigra, sed formosa – «Черная Мать-Земля», была почитаема древними кель-

---

[79] Procès. I. 46; V. 116. Siméon Luce. Jeanne d'Arc à Domremy. Paris: H. Champion, 1886. P. 360. – Remi Boucher de Molandon. Jacques d'Arc, père de la Pucelle. 1885.

[80] Vallet de Virville. Histoire de Charles VII. II. 43.

[81] Francisque Mandet. Histoire du Velay. Le-Puy-en-Velay: M. P. Marchessou, 1862–1863. Vol. I. P. 570. – La Verge Noire de Puy-en-Velay. – Luce. XII.

тами-друидами под именем «Девы Рождающей». «Черную Землю-Мать, mêter gêmalaina, из Олимпийских божеств величайшее», призывал и Солон Законодатель в свидетельницы скрепляющих законы клятв.[82]

Всех детей твоих, Матерь,
Помилуй, спаси, защити! —

призывает ее и древневавилонская клинопись.[83] Bel-ti, одно из имен ее, значит «Госпожа моя». Ma-donna: имя – одно от Ассурбанипала до св. Франциска Ассизского и св. Жанны д'Арк; или еще более древнее, детское имя: Mami. С ним человечество проснулось; с ним же, может быть, и уснет последним сном.

«Семя Жены сотрет главу Змия», – сказано первому человеку, Адаму, и услышано первым человечеством. «Семя Жены» – Спаситель мира.[84] К Сыну от Матери – путь первого человечества. «Мать», – сказано оно Богу раньше, чем «Отец».

Матерь Моя – Дух Святой
hê mêter mou to hagion pneuma, —

---

[82] A. Dietrich. Mutter Erde. 1905. S. 37.

[83] Êdouard Paul Dhorme. La réligion Assyro-Babylonienne; conferences donnees a 1'Institut catholique de Paris. Paris: J. Gabalda, 1910. P. 260.

[84] Быт. 3, 15. – Franz Julius Delitzsch. Die Genesis. Leipzig: Dërffling und Franke, 1872. S. 148–150.

это «незаписанное слово Господне», Agraphon, совпадает с евангельским словом в древнейших списках Луки:

> Ты – Сын Мой возлюбленный;
> Я днесь родил Тебя,
> egô sêmeron gegenneka se, —

или по-арамейски, на родном языке Иисуса, где Rucha, «Дух», женского рода:

> Я днесь родила Тебя.[85]

Если Дух есть Мать, то путь второго человечества, нашего, обратен пути первого: уже не от Матери к Сыну, а от Сына к Матери – Духу.

Вся религия Жанны – религия Духа – Матери.

---

[85] Origen. In Johan. II. 12, 6. – Resch. 216, 344–345. – Johannes Weiss. Das älteste Evangelium. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1903. S. 132–133.

III

Черный камень, бэтиль (что значит по-еврейски: «Дом Божий»), почитался с незапамятной древности и в Пью-Велейском святилище Черной Девы, Матери Божьей.[86]

«Смысл его темен», ratio in oscuro, – говорит Тацит о пафосском бэтиле, черном, гладком, конусообразном камне – аэролите, «подобном ристалищной мете», посвященном Афродите Урании.[87] Если бы Тацит вспомнил, что на таком же точно камне, привезенном из Пергама на Палатин в 205 году, во время нашествия Ганнибала, основано все величие Рима, он, может быть, понял бы кое-что в «темном смысле» бэтиля. Мог бы ему объяснить этот смысл и св. Климент Александрийский, посвященный, до своего обращения в христианство, в мистерии бога-богини, Кибелы-Аттиса: конус бэтиля – небесный знак земного пола. Эти черные, обугленные, небесным огнем опаленные, камни-аэролиты суть «семена Божьего сева».

В Библосе, Пафосе, Амафонте, Эдессе и других «священных городах», «иераполях», языческой древности, так

---

[86] Étienne Médicis. Le livre De Podio; ou, Chroniques d'Étienne Médicis, bourgeois du Puy. Publiees au nom de la Société académique du Puy par Augustin Chassaing. Le-Puy-en-Velay: M. P. Marchessou, 1869–1874. Vol. I. P. 135. – Louis Alexandre Pascal. Bibliographie du Velay et de la Haute-Loire. Le-Puy-en-Velay: M. P. Marchessou, 1903. Vol. I. – Hanotaux. 52.

[87] Tacit. II. 3, 19.

же как в Пью-Велейском святилище Девы Марии, бог-богиня, Сын-Мать, заключены в одном бэтиле, «Мужеженском», arsênothelys.[88] Что это значит? Лучше всего отвечает на этот вопрос Гераклит: «Льнет природа не к подобному, а к противоположному и рождает из него некое созвучие, гармонию». – «Из взаимно противоположного (возникает) прекраснейшая гармония». – «Так сочетала природа мужское с женским и первичное установила согласие с помощью противоположностей». – «Все противоположности – в Боге».[89]

На тот же вопрос отвечает и «не записанное» в Евангелии слово Господне, Agraphon:

> Царство Божие наступит тогда, когда два будут одно… Мужское будет, как женское, и не будет ни мужского, ни женского.[90]

«Ты прекраснее сынов человеческих» (Пс. 45, 3). Чем же красота Его больше всех красот мира? Тем, что она ни мужская, ни женская, но «сочетание мужского и женского в прекраснейшую гармонию». Он в Ней, Она – в Нем; вечная Женственность в Мужественности вечной: Два – Одно.

Вот почему и на знамени Жанны, Отрока-Девы, два имени – одно: Jhesus-Maria.

Святость Жанны – одно из лучезарнейших явлений той,

---

[88] Ch. Villay. Les cultes et les fêtes d'Adonis-Thammouz. 1904. P. 58. – Hugues Vincent. Canaan. Paris: V. Lecoffre, J. Gabalda, 1914. P. 127.

[89] Heracl. Fragm. 8, 10, 67, 31.

[90] Clement. Roman. II. 12, 2. – Resch. 93.

идущей от Иисуса Неизвестного к нам, «прекраснейшей гармонии», мужественно-женственной прелести, которая сияет на последней черте между двумя Царствами – Вторым, Сына, и Третьим, Духа.

IV

В детстве Жанна пасла овец и занималась домашним хозяйством, особенно шитьем и пряжей, будучи в них великой мастерицей. «Шить и прясть я умею не хуже руанских женщин», – будет простодушно хвастать на суде. [91]

Матернин подарок, бедное латунное колечко с тем же именем, как потом на знамени: ***Иисус-Мария***; красная, вся в заплатах, домотканой шерсти, юбка, да в чердачной светелке несколько едва покрытых войлоком, вместо постели, досок – все имущество Жанны; а пища – кусок черного хлеба с белым кислым вином или ключевой водой. [92] Но и это все отдает она нищим странникам (их на всех больших дорогах великое множество, по причине долгой и лютой войны). Свято лишь одно колечко хранит. О, с какою, должно быть, пронзительно-сладостной, целомудренно-страстною негою целует на нем потихоньку то чудное, страшное, двойное имя: ***Иисус-Мария***!

Грамоты не знает; никогда ей не училась и не научится. «Я ни А, ни В не знаю», – скажет на суде, тоже как будто хвастая. [93] В книгах ничему не научилась – ни даже в Евангелии, писаном, «временном»; но в сердце ее – неписаное «Вечное

---

[91] Procès. I. 66, 51. – «Pour filer et coudre je ne crains femme de Rouen».

[92] France. I. 7.

[93] Procès. III. 74.

Евангелие».

Чем кончает Франциск Ассизский – «наготой, нищетой совершенною» – тем начинает Жанна. «Блаженные нищие» – оба по-разному: тем же будет и золотая парча, чем было бедное рубище для Жанны, но не для Франциска; в этом она сильнее, чем он.

V

Все, что знает, – узнала она от матери.

> Я – бедная, старая женщина;
> я ничего не знаю, книг никогда не читала;
> в церковь только хожу… вижу там Ангелов,
> с арфами и лютнями, в раю,
> вижу, и в аду, мучимых грешников;
> ада боюсь, рая хочу, —

могла бы сказать и мать Жанны, так же как мать тогдашнего поэта, Франсуа Виллона.[94]

Отче наш, Богородица, верую, – этим молитвам выучилась Жанна от матери.[95] Слышала от нее и легенду о Михаиле Архангеле, и жития св. Катерины и св. Маргариты. Видеть их могла и на первых выходивших тогда из-под печатного станка картинках, разносимых по селам и городам книгоношами, и в церкви на иконах, где св. Маргарита с кропилом в руке попирала главу Дракона, Змия древнего: «семя Жены

---

[94] Francois Villon:Femme je suis, povrette et ancienne,Je rien ne sais, onques lettres ne lus.Au moutier vois, dont suis paroissienne,Paradis peint où sont harpes et luts,Et un enfer où damnés sont boulus:L'un me fait peur, 1'autre joie et liesse…

[95] Procès. I. 46–47. – «A matre dedicit Pater Noster, Ave Maria, Credo, nec alibi didicit credentiam nisi matri».

сотрет главу Змия».[96]

«Радуйся, Катерина Святейшая, Дева Пречистая и Прекрасная! Я – Архангел Михаил, посланный Богом, чтобы тебе возвестить, что ты победишь их и получишь венец от Господа», – говорит св. Катерине на суде Архангел.[97]

«Так же и мне скажет» – знает – ***помнит*** Жанна. Из дому бежит св. Маргарита в мужской одежде и остригши волосы.[98] «Так же убегу и я» – помнит Жанна. «Умер Иисус за меня; умру и я за Него», – говорит св. Маргарита палачам своим. Тело ее сожжено огнем, а душа вознеслась на небо в образе Белого Голубя.[99] «Так же будет и со мной» – помнит Жанна.

---

[96] Henri Francois Xavier Marie Bouchot. L'oeuvre de Gutenberg, 1'imprimerie – l'illustration. Paris: H. Lecène et H. Oudin, 1889. P. 15. – Hanotaux. X. – Celestin Bourgaut. Guide et souvenirs du pèlerin à Domremy. Nancy: Impr. Berger-Levrault et cie, 1878. P. 60. – Emile Hinzelin. Chez Jeanne d'Arc. Paris: Berger-Levrault et cie, 1904. P. 65, 72.

[97] Varagine. Legenda Aurea. – Jules Douhet. Dictionnaire des légendes du christianism, ou Collection d'histoires apocryphes et merveilleuses se rapportant à 1'Ancien et au Nouveau Testament, de vies de saints également apocryphes et de chants populaires, tels que cantiques, complaintes et proses. Paris: J.-P. Migne 1855. P. 282. – France. I. 39:Ave, très sainte Cathérine,Vierge pucelle nette et fine.

[98] Varagine. Vita S. Margaritae. – «…Tonsis crinibus, in virili habitu». – Michelet. 174.

[99] Douhet. 824–836.

VI

К западу, в полуверсте от селения Домреми, находился на холме древний, дремучий лес, куда никто не ходил, от страха кабанов и волков, а у подножья холма, в смородинных кустах, – источник «Добрых Фей Господних», как называли его поселяне, может быть желая окрестить этих древних богинь, «Лесных и Водяных Госпож», то благодатных, то страшных, подкидывавших в колыбели младенцев «судьбы-жребии».[100]

Тут же, на лесной опушке, находился очень старый, дремуче-тенистый и развесистый бук, «Дерево Фей» или «Май-Прекрасный».[101] «В старые годы Госпожи Лесные водили хороводы по ночам, под Маем-Прекрасным, но теперь уже из-за грехов своих не могут этого делать», – сказывала Жанне одна из ее крестных матерей, а другая своими глазами все еще видела в лунном свете пляшущих Фей.[102] Но Жанна сама их не видела и не верила в них, или боялась верить, думая, что это «грех», «колдовство».[103]

Юноши и девушки сходились по ночам у Смородинно-

---

[100] Procès. Table, aux mots: Bois Chesnu, Fopntaine des Groseillers. – Journal d'un bourgeois de Paris. 267. – Wolf. Mythologie des fées et des elfes. 1828. – A. Magury. Les fées au Moyen âge. 1843. – France. I. 12. – «Fontaine-aux-Bonnes-Fées-Notre-Seigneur».

[101] Procès. II. 422. – «Le Beau-Mai».

[102] Procès. II. 396, 450; I. 67, 209.

[103] Procès. I. 185–186.

го источника, пили из него целебную будто бы воду, вешали венки на ветви старого бука, «Мая-Прекрасного», и, так же как Феи, водили под ним хороводы.[104] С ними плясала и Жанна, но только в раннем детстве, а потом перестала, тоже боясь «волшебства», и, вместо Фейного дерева, вешала венки перед изваянием Богоматери в находившейся тут же часовне.[105]

Точно такое же Фейное дерево осеняло и черный камень-бэтиль у часовни Пью-Велейской Черной Девы Матери: вот, может быть, почему боялась Жанна волшебства Мая-Прекрасного.

---

[104] Procès. II. 422.

[105] Procès. I. 67, 209–210.

VII

«Выйдет некая Дева из древнего Леса Дремучего, чтобы исцелить Францию от многих ран», – это пророчество слышала в детстве Жанна и в шуме Дремучего Леса, и в шелесте книжных листов:

Деву видели в Духе
Бэда, Мерлин и Сибилла
Тысячу лет назад, —

«Деву Рождающую», Virgo Paritura, древних кельтов-друидов.[106]

Жанна и этому не верила, или боялась верить, потому что и это казалось ей «волшебством», «действием Силы Нечистой». Но, слыша пророчество, сердце в ней замирало, как будто уже верило.

---

[106] Michelet. 173. – «…Quod debebat venire Pucella ex quodam nemore Canuto…». – Procès. III. 347. – «Une Pucelle sortira du Bois Chesnu pour guérir les blessures de France». – Hanotaux. 5:…Car Merlin, et Sibile, et Bède,Plus de mille ans a, la virentEn Esprit…

VIII

Первая наука Жанны – молитвы и легенды матери; вторая – шелест Дремучего Леса, а третья – война.

Мира Жанна не знала вовсе: только что начала помнить себя – услышала о войне французов с англичанами, людей – с «Хвостатыми», «Годонами»; а потом и своими глазами увидела, что такое Война.

В битве под Азинкуром, в 1415 году, когда Жанне было три-четыре года, погиб цвет французского рыцарства и Париж был предан огню и мечу.[107] В те же дни королева Изабелла Баварская, супруга пораженного безумием французского короля Карла VI, отдавая, по Тройскому договору, Францию английскому королю Генриху V в приданое за дочерью, «сделала из благородных Лилий Франции подстилку Леопарду Англии».[108] Смертные останки Франции делит Англия с Бургундией. Английский король Генрих VI, сын Генриха V, колыбельный младенец, признан единственным законным наследником обоих соединенных королевств, Английского и Французского.

Домреми находилось на большой дороге войны, на самой границе между двумя воюющими странами, Англией—Бур-

---

[107] Hanotaux. 6–7. – Azincourt.

[108] Claude Carlier. Histoire du duché de Valois. Paris: Guillyn, 1764. Vol. II. 441 et suiv. – Luce. III. – (Traite de Troyes).

гундией и Францией. Голод – от войны, а «черная смерть», чума, – от голода. Люди годами не сеют, не жнут. Волчьи стаи бродят в запустевших полях и роют землю, отыскивая трупы.[109] Поселяне пашут только близ городов и замков, не дальше, чем может видеть часовой с колокольни или крепостной башни; все остальные земли пускают под пар, так что они зарастают колючим кустарником и сорными травами. Издали завидев приближающихся ратных людей, часовой бьет в набат или трубит в рог. Во многих местах так часто били в набат, что волы, овцы и свиньи, едва заслышав его, сами заходили в ограды.[110]

Ужас войны увидела Жанна, только что открыла глаза на мир. Ночью, внезапно пробуждаясь от набата, видела кровавое на темном небе зарево пожаров и слышала далекий пушечный гул. Но ей было не страшно, а жалко. «Сказывал мне Архангел Михаил о великой, бывшей в королевстве Франции жалости», – вспомнит она в конце жизни то, что было в начале.[111]

---

[109] См. сноску выше.

[110] См. сноску выше; Thomas Basin. Histoire de Charles VII, éditée et traduite par Charles Samaran. Paris: Société d'édition «Les Belles lettres», 1933. Vol. I. Ch. IV. – A. Tucty. Les écorcheurs Charles VII. 1874. II, passim, – H. Lepage. Episodes de 1'histoire des routiers de Lorraine. P. 161 et suiv.

[111] Petit de Julleville. 132. – «…L'Ange me racontait la grande pitié qui était au royaume de France».

IX

Жанне исполнилось лет шестнадцать, когда родители ее вместе с остальными домремийскими жителями бежали из родного селения от бургундского нашествия в соседнее местечко Нёфшато, а когда возвратились, то нашли на месте Домреми только обгорелые развалины: Жаннин дом, сад, церковь, кладбище, селение, поля, – все было опустошено, осквернено и разграблено.[112]

Хуже всего было то, что люди пали духом. «Что нам делать? – говорили. – Вот уже не год, не два, а четырнадцать-пятнадцать лет, как началась эта чертова пляска, и большая часть французского рыцарства погибла злою смертью, без покаянья, от меча и яда, от измены и предательства… Лучше бы нам служить неверным, чем христианам… Бросим жен и детей, бежим в леса, чтобы жить, как дикие звери живут… Нет ни добра, ни зла; будем же делать зло – все равно один конец, хуже не будет… Предадимся дьяволу!»[113]

---

[112] Procès. II. 392, 454; I. 51, 214. – Luce. CLXXVI.

[113] Journal d'un bourgeois de Paris. 164. – «Que ferons nous? Mettons nous en la main du duable. Il ne nous chaut de ce que nous allons devenir, car, par mauvais gouvernement et trahison, il nous faut renier femmes et enfants, et fuir dans les bois, comme bêtes sauvages. Et il n'y a pas un an ou deux, mais déjà quatorze ou quinze ans que cedanse douloureuse commença… Mieux nous voudrait serviles Sarrazins que les chretiens. Autant faire du pis qu'on peut comme du mieux. Faisons du pis que nous

В этой жалобе Франции, поруганной, изнасилованной и убиваемой Англией, как на большой дороге девушка насилуется и убивается разбойником, – самое глубокое слово: «чертова» или «скорбная пляска».

Весь народ как бы сходит с ума, и люди заражают друг друга безумием в страшной «Пляске Смерти». Все начиналось с легких судорог в лице и в теле; самое страшное в них было сходство с веселою пляской. Судороги эти постепенно ускорялись, и люди хватали друг друга за руки, образуя неистово пляшущий круг. Многие сначала, глядя издали, только смеялись, но вдруг, охваченные общим безумием, пускались тоже в пляс; и видно было, как тянется он по большим дорогам, точно исполинский извивающийся змей. Остановить его нельзя было ничем; можно было только разрубить, кинувшись на пляшущих так, чтобы прорвать их тесно сомкнутый круг; лишь таким внезапным прорывом могли они освободиться, а иначе доплясались бы до смерти.[114]

---

pourrons…».

[114] Memoir. de l'Acad. d. Science. Vol. XVI. P. 424–427. M. Larrey. La Danse de Saint-Guy. – Michelet. 117–118.

X

«Нет ни добра, ни зла; предадимся же дьяволу!» – говорил темный народ; а первые люди Франции, такие, как маршал Жиль дё Ретц, из дома герцогов Бретонских, – этого не говорили, но хуже – делали.

Древняя, похожая на ведьму, старуха, с черной, полуопущенной на лицо рединой, подстерегая маленьких детей в сумерки, в уединенных местах, заманивала их ласками в замок дё Ретца, где была великолепная часовня с большим хором мальчиков и девочек, потому что маршал славился ревностью к благолепию церковному. В хор поступали и заманенные дети, а потом дё Ретц, служа на крови их «черные обедни» дьяволу, замучивал их медленно, в сладострастных пытках. Люди окрестных селений были им так напуганы, что никто не смел на него донести, и четырнадцать лет предавался он злодействам своим безнаказанно. Судя по найденным костям, было замученных детей до полуторы сотен. И когда уже осудили его, то все еще не смели исполнить над ним приговор – сжечь на костре: задушили прежде, чем пламя коснулось тела его, и благородные дамы похоронили его в святой кармелитской обители, с почестью.[115]

Встреченная в сумерки, в поле, старою ведьмою, с черной на лице рединой, заблудившаяся маленькая девочка Жанна

[115] Michelet. 318–324. – Biblioth. Royale. Manuscr. 493.

– святая душа Франции.

XI

Жанне было лет тринадцать, когда она услышала однажды в саду, в тишине бездыханного полудня, чей-то Голос. Тихо только позвал он: «Жанна!» – но она испугалась так, как никогда ничего не пугалась в жизни.[116]

Так, по одному свидетельству, а по другому – иначе: бегая будто бы на цветущем лугу с подругами, так легко, что казалась летающей, вдруг остановилась, прислушиваясь к чьему-то зову, «в восхищении, как бы вне себя», и, подумав, что зовет ее мать, побежала домой; но услышала, в саду, все тот же зов и только тогда испугалась.[117] Это второе свидетельство подтверждается отчасти и самою Жанною: «Голос мне послышался – ***явился***, когда я пасла овец в поле».[118]

Что значит этот неведомый зов, лучше всего объясняет великий русский тайновидец Гоголь: «Мне всегда был страшен этот таинственный зов. Помню, в детстве я часто слышал его: вдруг позади меня кто-то явственно произносил мое имя. День обыкновенно был самый ясный и солнечный; ни один лист в саду на дереве не шевелился; тишина была мертвая… Но признаюсь, если бы ночь, самая бешеная

---

[116] Procès. I. 52, 72–73, 89, 170. – «…Magnum habebat timorem».

[117] Petit de Julleville. 10. – Lettre du sénéchal de Berry, Perceval de Boulainvilliers au due de Milan, année 1429. – «…Ravie et comme hors de sens…».

[118] Procés. III. 204. – «Comme je gardais les animaux, une Voix m'apparut».

и бурная, со всем адом стихий настигла меня одного среди непроходимого леса – я бы не так испугался, как этой ужасной тишины среди безоблачного дня. Я, обыкновенно, бежал с величайшим страхом и занимавшимся дыханием из сада и тогда только успокаивался, когда попадался мне навстречу какой-нибудь человек, вид которого изгонял эту страшную сердечную пустыню».[119]

Этот «панический ужас» знали и древние: им тоже слышался в нем доходящий из того мира в этот таинственный зов.

[119] Гоголь. Старосветские помещики.

XII

«Жанна!» – позвал ее Голос трижды, и в третий раз узнала она, что с нею говорит Архангел Михаил. Детски просты, понятны были слова его и как будто не страшны:

– Жанна, будь доброй и умной девочкой; часто ходи в церковь, молись![120]

В первый раз узнала она тогда и потом узнавала Михаила Архангела по рыцарским доспехам – шлему, броне и копью, пронзавшему Змея, – точно таким же, как в церкви, на иконах и в изваяниях Архангела; узнавала его также и «по рыцарской любезности, courtoisie, и по исходившим из уст его прекрасным словам».[121]

Вместе с Михаилом Архангелом прилетало иногда и множество маленьких ангелов, плясавших, как ослепительные искры или те бесчисленные пылинки, что вьются в проникающем сквозь ставни в темную комнату солнечном луче.[122]

Жанна узнавала Архангела, но не всегда и не совсем и вдруг начинала бояться, не зная наверное, он ли это или не он.[123]

---

[120] Michelet. 174–175. – «Jeanne! sois bonne et sage enfant; va souvent à 1 église».

[121] Procès. I. 173, 248, 249. – P. Ch. Cahier. Caractéristique des Saints dans l'art populaire. Paris: Pousselique frères, 1867. Vol. 1. P. 363.

[122] Procès. I. 72, 75.

[123] Amiet. 97. – «La première fois… j'eus grande peur. J'eus aussi grand doute si

«И Голос мне сказал: „Очень жалеет Господь французский народ. Жанна, тебе должно идти во Францию!“ И, услышав эти слова, я заплакала».[124]

Плачет от «великой жалости, бывшей в королевстве Франции». Жалость так велика, что ею и страх заглушается; может быть, только по ней узнает, что говорит с нею не кто иной, как Михаил Архангел.

---

c'était Saint-Michel… se tenait à quelques pas, et Tune des Saintes faisait la navette pour prendre conseil de 1'Archange».

[124] Procès. I. 52.

XIII

«Завтра приведу я к тебе двух святых, избранных тебе в советницы Отцом Небесным. Слушайся их и делай все, что они тебе скажут», – обещал ей однажды Архангел и, как обещал, так и сделал: привел к ней св. Катерину и св. Маргариту, стал немного поодаль от нее, и то одна из святых, то другая ходила от нее к нему, а от него – к ней, «как челнок ходит в ткацком станке». «Я спрашивала у них, а они – у Архангела и потом давали мне ответ».[125]

Большею частью слышались ей Голоса с правой стороны, оттуда, где была церковь,[126] и оттуда же сиял ей «великий Свет», может быть, такой же, как Павлу, на пути в Дамаск:

> около полудня вдруг осиял меня великий Свет с неба… превосходящий сияние солнечное (Д. А. 22, 6; 26, 13).

«Около полудня» услышала Голос и Жанна, в первый раз, а может быть, увидела и Свет.

Чаще всего слышались ей Голоса в звоне колоколов, вечерних и утренних. Очень она их за то полюбила и обещала собственного печения хлебцы пономарю, чтоб он звонил

---

[125] См. сноску выше.

[126] См. сноску выше.

усерднее.[127]

Никому никогда не говорила о Голосах – ни отцу, ни матери, ни духовнику.[128]

«Видели ли вы во плоти сущих Ангелов?» – спросят Жанну судьи. «Видела, как вижу вас!» – ответит она.[129]

Видела «лики их, великолепно и драгоценно венчанные».[130] Часто обнимала и целовала их, чувствуя теплоту и обоняя благоухание прославленных тел, подобное благоуханию райских цветов.[131] А когда святые уходили – целовала землю там, где стояли их ноги.[132]

Страха теперь уже не было: знала, что Черная Мать-Земля и Черная Дева, Матерь Божия Пью-Велейская, – одно и то же; вот почему, услышав первый таинственный Зов, узнала в нем голос матери. Эти «Госпожи Небесные», Святые, и те «Госпожи Лесные», Феи, говорили ей об одном и том же, хотя и по-разному.

Видела нередко Ангелов и на людях: «Потому что часто бывают они среди людей, но люди их не видят, а я вижу».[133] Это сказано так просто, как, может быть, не говорилось ни-

---

[127] Procès. I. 480; II. 413. – «Promiserat dare lanas… ut diligentiam haberet pulsando».

[128] Procès. I. 218. – «Celavit visiones curato, patri et matri».

[129] Procès. I. 73.

[130] Amiet. 93. – «Leurs figures sont couronnées moult richement et préciesement».

[131] Procès. I. 186.

[132] Procès. I. 130.

[133] Procès. I. 130.

когда, с первых веков христианства, и потому именно, что это так просто и что душа человеческая это пьет невольно, как жаждущий воду, мы чувствуем, что это ***было*** – не могло не быть.

«Когда мне бывает тяжело, что люди с трудом верят тому, что я говорю им от лица Мессира (Господа), я ухожу от людей к Нему и молюсь, и жалуюсь Ему. И тотчас же после того слышу Голос: „Дочерь Божия, иди, иди! Я тебе помогу – иди!“ И, слыша то, я очень радуюсь, и мне хотелось бы всегда быть в этой радости».[134] – «А когда они (Ангелы или Святые) уходили от меня, я плакала и мне хотелось, чтоб они взяли меня с собой».[135]

«В первый же раз, как услышала я Голоса, я дала обет девства». Бедное латунное колечко с двумя именами в одном: ***Иисус-Мария*** – отдает Святым, а те, тронув его, возвращают ей, в знак того, что невеста обручилась Жениху, поселянка Жанна – Царю Небесному.[136]

---

[134] Procès. III. 112.

[135] Procès. I. 73.

[136] Procès. I. 128. – Hanotaux. 9.

XIV

Если все еще плачет иногда от страха, то теперь уже потому, что не Голосов страшится и не в них сомневается, а в себе самой: «Я – бедная девушка; ни ездить верхом, ни сражаться мечом не умею»… – «Знамя Царя Небесного возьми, дочерь Божия, и смело ступай! Бог тебе поможет», – утешают ее Голоса.[137]

С каждым днем все чаще говорят они с ней, все ближе, внятнее и неотступнее. «Дня не проходит, чтоб я их не слышала. И они мне нужны».[138] – «Дочерь Божия, ступай в город Вокулёр, к капитану Роберу Бодрикуру: он даст тебе ратных людей, чтоб отвести тебя к Дофину!»[139] – «Ступай во Францию!» – «Освободи Орлеан!» – «Венчай короля!»

Целых пять лет, от тринадцатого года до восемнадцатого, длится борьба ее с Голосами, такая же, как у св. Франциска Ассизского. «Чти отца и матерь твою…» – «Если кто не возненавидит отца и матери своей, тот не может быть Моим учеником». – «Самое тяжкое из всего, что пришлось мне вынести в жизни, – это уход от отца и матери», – могла бы сказать и Жанна, так же как Франциск.[140] «Но будь у меня

---

[137] Procès. I. 52–53.

[138] Procès. III. 57.

[139] Procès. I. 53.

[140] Gebhart. 90.

сто отцов и сто матерей, я все равно от них убежала бы!»[141]

[141] Michelet. 244.

XV

Жанна обратилась за помощью к троюродному дяде своему, Дюрану Лаксару, жившему в соседнем с Домреми селении Бюрей, ближайшем к городку Вокулёру, и сообщила ему пророчество о Деве: «Францию погубила Жена, а Дева спасет». – «Жена» – королева Изабелла Баварская, а «Дева» – Жанна.[142]

Дядя согласился отвести ее в Вокулёр, к тамошнему коменданту, сиру Роберу дё Бодрикуру. Это был человек не глупый и не злой, но грубый, пьяный и распутный, похожий на всех тогдашних ратных людей; пахло от него конюшней, кабаком и домом терпимости.[143]

Бедная крестьянская девушка, в красной заплатанной юбке, но с лицом, озаренным нездешним светом, смело вошла в находившийся высоко над городом замок, протеснилась сквозь толпу полуразбойничьей-полурыцарской челяди

---

[142] Remi Boucher de Molandon. La famille de Jeanne d'Arc; son séjour dans 1'Orléans d'après des titres authentiques récemment découverts, tableaux généalogique. Orleans: H. Herluison, 1878. P. 146. – Durand Laxart ou Lassois. – Burey. – Vaucouleurs. – Procès. II. 443.

[143] Chronique de la Pucelle. 271. – Jean Chartier. Chronique de Charles VII, roi de France, publiée avec notes, notices et eclarcissemens par Vallet Viriville. Paris: P. Jaunet, 1858. Vol. I. P. 67. – Maurice de Pange. Le pays de Jeanne d'Arc, le fief et 1'arriere fief. Les Baudricourt. Paris: [Nogent-le-Rotrou, impr. Daupeley-Gouverneur], 1903.

и, услышав Голос: «Вот он!» – прямо подошла к сиру Роберу и сказала:

– Я к вам от Мессира. Пошлите сказать Дофину, чтоб он крепко держался, но битвы врагам не давал… потому что до Преполовения (половина Пятидесятницы, празднуется от христианской Пасхи до праздника сошествия Святого Духа) Мессир поможет Дофину… Воля Мессира, чтобы Дофин был королем, и, вопреки всем врагам своим, он им будет: я это сделаю, отведу его на королевское венчание…

– Кто же такой этот Мессир? – спросил Бодрикур с удивлением.

– Царь Небесный, – ответила Жанна.

Молча посмотрел сир Робер сначала на нее, потом – на дядю Лаксара и, наконец, пожав плечами, сказал:

– Отведи ее назад, к отцу, надавав ей пощечин![144]

---

[144] Procès. II. 436; I. 53; II. 456, 444. – Robert de Baudricourt: «reconduis-la à son père avec de bons soufflets». – Leon Mougenot. Jeanne d'Arc, le Duc de Lorraine et le Sire de Baudricourt; contribution à 1'histoire de la Pucelle et de la region lotharingique. Nancy: Impr. Berger-Levrault et cie, 1895.

XVI

Жанна вернулась в Домреми. Люди смеялись над ней, указывая на нее пальцами:

– Вот кто восстановит королевский престол и спасет Францию![145]

Думали, что она «порченая»: «Видно, с Жаннетой что-то попритчилось у Фейного дерева!»[146]

Страшный сон приснился отцу Жанны: будто бы она убежала из дому с ратными людьми.

– Если бы это с нею и вправду случилось, я бы хотел, чтоб вы утопили ее своими руками, а если этого не сделаете вы, то я сделаю сам! – говорил он сыновьям своим, Жану и Пьеру, и по тому, как говорил, видно было, что сделает.[147]

Глаз с нее не спускали родители, чтоб не убежала, и, думая образумить ее, хотели выдать замуж за молодого поселянина, но она отказала ему, потому что была уже обручена иному Жениху – Царю Небесному.[148] И, обманутый будто бы ею, жених подал на нее жалобу в суд, где, робкая всегда и стыдливая, Жанна удивила всех такою смелостью, как будто

---

[145] Procès. I. 131–132, 219. – «Voilà celle qui relevra la France et le sang royal!». – Procès. II. 421, 433. – «Juvenes de la deribant».

[146] Procès. I. 68. – «Jeannette a pris son fait près de 1'arbre des Fées!».

[147] Amiet. 85 – «Me tenaient en grande sujestion». – Procès. I. 128, 215.

[148] См. сноску выше.

суд был для нее привычным делом.[149]

Вскоре после того, в мае 1428 года, отпросилась она из дому к беременной тетке, дядиной жене, чтобы ухаживать за ней после родов.[150]

Знала, что уходит навсегда из родного селения. Весело как будто прощаясь со всеми, только с той из подруг, которую любила больше всех, Овиеттой, не имела духу проститься и прошла мимо дома ее потихоньку.[151]

Знала ли, что делает с отцом и с матерью? Знала. «Когда я убежала в Вокулёр, отец мой и мать едва не лишились рассудка».[152]

Снова идет в Вокулёр и здесь поселяется у дядиного друга, Леруайе, тележного мастера; помогает жене его по хозяйству: стряпает, шьет, вяжет, прядет; посещает больных и каждый день ходит в замковую церковь, где маленький певчий, видевший, как молится она, «в восхищении», навсегда запомнил ее озаренное нездешним светом лицо.[153]

Снова, как девять месяцев назад, Жанна идет к сиру Роберу Бодрикуру и говорит ему так же смело, как тогда:

– Знайте, мессир, что Господь снова велел мне идти к Дофину, чтобы, взяв у него ратных людей, освободить Орлеан

---

[149] Eugene Misset. Jeanne d'Arc. Champenoise. Paris: H. Champion, 1895. P. 28.

[150] Procès. II. 228, 434.

[151] Procès. II. 419. – Hauviette.

[152] Amiet. 85. – «Peu s'en fallut que mes père et mère perdissent le sens».

[153] Procès. I. 51, 214; II. 392, 395. – Leroyer. – Gasquet. 45.

и отвести Дофина в Реймс, на венчание![154]

Сир Робер, выслушав ее на этот раз внимательно, призадумался и уже ничего не сказал о пощечинах, но отослал ее все-таки ни с чем.

В городе заговорили о ней, и кое-кто уже начинал ей верить. Первый поверил один из ратных людей коменданта, молодой лорренский рыцарь Бертран дё Пуленжи, а за ним – Жан дё Метц – тоже молодой рыцарь.[155]

– Как же нам быть, сестрица? – говорит ей дё Метц. – Неужели из Франции изгнан будет король и все мы сделаемся англичанами?

– Я пришла к сиру Роберу, чтоб он отослал меня к Дофину. Но ему до меня и горя мало, – ответила Жанна. – А между тем до Преполовения надо мне у Дофина, потому что спасти Францию не может никто, кроме меня… хотя мне лучше хотелось бы сидеть у бедной матушки моей, за прялкой… Но я ***должна***, ***должна идти***! И пойду, если бы даже пришлось мне на коленях ползти, потому что этого хочет Мессир!

– Кто этот Мессир? – спросил ее дё Метц, так же как Бодрикур.

– Царь Небесный! – ответила Жанна.

– Вот вам слово, что я отведу вас к Дофину! – вдруг воскликнул дё Метц и, подавая ей руку, как бы в знак торжественной клятвы, спросил:

---

[154] Chronique de la Pucelle. 273. – Dom Calmet. Hist. de Lorraine. III. Col. VI.

[155] Procès. II. 450. – Bertrand de Poulengy, Jean de Metz.

– Когда же в путь?
– Лучше сегодня, чем завтра, а завтра лучше, чем потом!
– Так и пойдете в женском платье?
– Нет, в мужском![156]

[156] Procès. II. 435–457. – «Eh bien, ma mie, que faites-vous ici? Faut-il que le roi soit chassé du royaume et que nous soyons tous Anglais?». – «Avant qu'arrive mi-carême, il faut que je sois devers le daufin dussé-je, pour y aller, user mes pieds jusqu'aux genoux… car nul au monde… ne peut recouvrer le royaume de France… Il n'y a secours que de moi, quoique pour ma part, j'aurais bien plus cher filer près de ma pauvre mère, vu que ce n'est pas là mon état. Mais il faut que j'aille. Et je ferai cela parceque Messire veut que je fasse». – Gaston Louis Emmanuel Beaucourt. Histoire de Charles VII. Paris: Libraire de la Sociêtê Bibliographique, 1881–1891. Vol. II. P. 396.

XVII

Девять месяцев, от мая 1428 года до февраля 1429 года, длятся переговоры Жанны с Бодрикуром; девять месяцев она «беременна»: «Тяжко мне ждать, как женщине, готовой разрешиться от бремени. Я больше не могу терпеть!»[157]

Сир Робер написал о Жанне Дофину и в ожидании ответа отправил ее в город Нанси к лорренскому герцогу Карлу II, больному и старому, который надеялся, что Жанна, «святая» или «колдунья», его исцелит.[158]

Кажется, больше всего убедило и капитана Бодрикура в «колдовстве» или «святости» Жанны ее исполнившееся предсказание о великом поражении французов в Рувейском бою.[159] Но, чтобы узнать наверное, откуда она, от Бога или от дьявола, сир Робер попросил священника заклясть ее, и тот окропил ее святой водой, говоря: «Если ты – благое, приблизься; если ты – злое, рассыпься!» Жанна не «рассыпалась»: была, значит, «благое».[160]

По возвращении ее от герцога Лорренского получен был

---

[157] Procès. II. 447. – «Le temps me dure, comme à une femme prêt d'accoucher». – Amiet. 16. – «Je ne puis plus durer où je suis».

[158] Procès. III. 7; II. 391, 441; I. 129. – Dom Calmet. III. Col. VI.

[159] Journal du siège d'Orléans. 48. – Chronique de la Pucelle. 275. – Rouvray.

[160] Procès. II. 446. – «Si tu es chose mauvais, éloigne toi; si tu es chose bonne, approche».

ответ Дофина с требованием послать Жанну к нему.

Кое-кто из ее вокулёрских почитателей заказал для нее портному мужское платье – камзол и штаны, а башмачнику – высокие сапоги со шпорами. Сир Робер купил ей коня. Волосы подстригла она в кружок, как у молоденьких мальчиков и у св. Маргариты.[161]

«Как-то вы пройдете такой путь, когда всюду ратные люди?» – остерегали ее, но она отвечала спокойно: «Я ничего не боюсь… Бог строит мне путь, для этого я и пришла!»

«Ну, Жанна, ступай, и будь, что будет!» – сказал ей сир Робер на прощанье, когда в февральское туманное утро выезжала она из Вокулёра через Ворота Франции.[162]

Ехали глухими тропами в лесах, укрываясь от Годонов, Хвостатых. Войлоком обертывали копыта лошадей, чтоб по мерзлой земле и камням не стучали.[163]

Ночью Жанна спала одетая между Бертраном дё Пуленжи и Жаном дё Метцем, и шепотные велись под одним одеялом беседы молодых людей с Отроком-Девой. «Жанна была так целомудренна, что ни одной дурной мысли не приходило нам в голову», – вспоминали они об этих беседах.

«Сделаете ли вы, Жанна, то, что говорите?» – спрашивали они.

«Сделаю, – отвечала она. – Я по воле Божьей иду, и Братья

---

[161] Procès. I. 54; II. 438, 445–547.

[162] Procès. II. 449.

[163] Gabriel Pimodan. La première étape de Jeanne d'Arc. Paris: H. Champion, 1891.

мои небесные (Ангелы) говорят мне, что надо делать… Вот увидите, как милостиво примет нас благородный Дофин!»[164]

[164] Procès. 457–458. – «Mes frères du Paradis me disent ce que j'ai à faire».

XVIII

Кто Карл VII – сын ли короля Карла VI или герцога Орлеанского – этого никто не знал наверное, ни даже он сам; знала только мать его, королева Изабелла Баварская, «Иродиада Нечистая», «Большая Свинуха», – та самая, что сделала из благородных Лилий Франции подстилку Леопарду Англии.[165] «Так называемый Дофин» – позорный титул несчастного Карла в государственных грамотах, подписанных королевой-матерью:[166] «так называемый» значит «ненастоящий». Год рождения Карла, 1403-й, совпадает с тем годом, когда прелюбодеяние матери его с герцогом Орлеанским было в наибольшем разгаре. Страшное оружие в руках англичан – то, что не только для них, но и для самих французов Карл VII – сомнительный сын короля Франции Карла VI, а колыбельный младенец Генрих VI – несомненный сын английского короля Генриха V и внук французского короля, следовательно, единственный законный наследник обоих соединенных престолов, английского и французского.

Карл VII, сын прелюбодеяния, – воплощенный грех матери. Мать его – прелюбодеица, а отец – сумасшедший: этим отравлена вся его жизнь. Жалкою смертью умрет он от зло-

---

[165] Michelet. 163. – France. I. 198. – «Herodiade gonflée d'impuretés», «Grande Gorre».

[166] Michelet. 164. «Le soit-disant Daufin».

качественных язв на ноге и во рту, считая себя, может быть не без основания, отравленным: в самом рождении его влит в жилы его прелюбодеянием матери и безумием отца медленный яд.[167]

Робкий, забитый, запуганный, всеми покинутый и презираемый, вечно колеблющийся и сомневающийся, «нетрагический Гамлет», думает он только об одном: как бы уйти от всего, уснуть во внутренних дворцовых «опочивальных и каморах».[168]

«Что ты спишь, Государь? Quare obdormis, Domine?» – говорит ему один из преданнейших слуг его, Жувенель дез-Урсин, будущий архиепископ Реймский.[169] В жизни происходит с Карлом VII то же, что на одной заставной картинке тех дней: сонный, покоится король на ложе, между старухой Меланхолией, Безумием и юношей Разумом.[170]

Доброе в Карле то, что он любит мир и ненавидит войну. Жалкого королевства жалкий король, он кроток сердцем и жалостлив к бедным людям, таким же несчастным, забитым и запуганным, как он сам, чувствует по себе самому «великую жалость» – великое бедствие королевства Франции.[171]

---

[167] Chartier. III. 114–121.

[168] Hanotaux. 211. – «Chambres et retraites».

[169] Jean Juvenel des Ursins. Epitre aux Etats d'Orléans. Bibl. Nat. Manuscr. franç. 2701. – Beaucourt. II. Ch. IV.

[170] Alain Chartier. Diets et Ballades. 1489. Bibl. Instit. L. 60. – Charles VII, couché entre Entendement et Mélancolie. – Hanotaux. 163.

[171] Amiet. 31. – «Pileux envers povres gens… ne s'armait volontiers et n'avait point

Может быть, от зрелища этого бедствия он и уходит во внутренние дворцовые опочивальни и каморы, чтобы уснуть в них – о, если бы не временным, а вечным сном! Спит король, и все королевство вокруг него засыпает сном смертным.

Бедный король, зачатый, рожденный и вскормленный на куче навоза царственного, спит, ожидая предопределенной спасительницы своей, бедной девочки, вскормленной на куче навоза деревенского. Жанна разбудит короля ненадолго, но все же на столько времени, чтобы спасти Францию.

---

chère la guerre s'il eût pu s'en passer».

XIX

Через подъемный мост Шинонского замка уже переходила Жанна, а Дофин все еще не решил, что сделает: примет ли ее как Божью посланницу или прогонит как «ведьму». Слушал врагов и друзей ее одинаково, но чем больше слушал, тем больше сомневался и не мог решить, что сделает. Так и не решил до той минуты, когда уже вводили Жанну ее друзья в большую королевскую палату замка.

Больше трехсот вельмож и рыцарей толпилось в палате шумно, как на рыночной площади, в тусклом свете пятидесяти факелов, чадивших под расписными потолочными сваями.[172]

Рыцари – в латах, вельможи – в узких камзолах с опушкой лисьего меха, с прорезными, дутыми на плечах и локтях рукавами, в сафьянных башмаках с такими острыми и тонкими носами, что они загибались. Дамы в платьях из жесткой, как лубок, золотой парчи с длинными хвостами и в высоких рогатых чепцах-кокошниках с падавшими сзади до полу прозрачными дымками. Грубыми и тяжелыми духами, подобными восточным благовониям – мастике, ладану и мускусу, – пахло от дам, а от мужчин сквозь духи пахло так же, как от сира дё Бодрикура, конюшней, кабаком и домом терпимо-

[172] Procès. I. 79, 141. – Chronique de la Pucelle. 273. – Journal du siège d'Orléans. 46–47. – Thomas Basin. Charles VII et Louis XI. Vol. I. P. 68. – Château de Chinon.

сти.

Дамы тщательно прятали волосы под кокошники, потому что показывать мужчинам волосы считалось для женщин таким же стыдом, как открывать наготу тела самую тайную.[173]

Когда в палату вошел или вошла неизвестно кто – мальчик или девочка, простоволосая, – дамы не знали куда девать глаза от стыда, и если бы не любопытство, то все разбежались бы. «Оборотень, ведьма… сжечь… утопить!» – пронесся между ними шепот возмущения и ужаса, а может быть, и тайной зависти, потому что многих мужчин то и пленяло невиданной прелестью в Жанне, что она была неизвестно кто – мальчик или девочка.

[173] Procès. I. 75; III. 17, 92, 115. – J. Chartier. 67. – Chronique de la Pucelle. I. 273. – Journal du siège d'Orléans. 46.

XX

Тем, кто не знал Дофина в лицо, невозможно было узнать его в тесно окружавшей его толпе вельмож и рыцарей, потому что он одет был хуже всех. «С продранными локтями ходит король, и когда однажды сапожник принес ему пару заказанных им башмаков для примерки, то унес их назад, видя, что ему за них нечем будет заплатить» – такие рассказы внушали богатым людям презренье к королю, а бедным – нежную к нему любовь и жалость.[174]

Был он и с виду не похож на короля: маленький, худенький, на тонких кривых ножках с нерасходящимися толстыми коленями; сонное, одутловатое лицо с оттянутым книзу над тонкими поджатыми губами мясистым носом и узкими под высоко поднятыми бровями щелками таких оловянно-тусклых заспанных глаз, как будто он хотел и не мог продрать их – проснуться совсем.[175]

Жанне было тем труднее узнать Дофина, что он робко от нее прятался в толпе, может быть, для того, чтоб ее испытать. Но все-таки сразу, только что вошла в палату, она узнала его и прямо к нему подошла. Как могла узнать? Те ли из вельмож, кто ей покровительствовал, подвели ее к нему, или, мо-

---

[174] Beaucourt. II. 195. – Amiet. 335.

[175] Hanolaux. 162. V. – Musée de Louvre, portrait de Charles VII, par Lohan Fouquet.

жет быть, ее «Небесные Братья» Ангелы шепнули ей на ухо: «Вот он!»

Прямо подошла к нему, сняв мужскую шапочку (в комнатах, даже при короле, все ходили в шляпах, как на улице), поклонилась ему, по сельскому обычаю приседая на одно колено, и сказала:

– Доброго здоровья да пошлет вам Господь, благородный Дофин!

– Кто ты такая и чего тебе нужно? – спросил ее тот, все еще, быть может, не решив, что́ сделает – примет ли ее, как Божью посланницу, или прогонит, как «ведьму».

– Имя мое – Дева Жанна, – ответила она. – Царь Небесный послал меня к вам, благородный Дофин, чтобы сказать, что вы будете венчаны в городе Реймсе в наместники Царя Небесного, единого Короля Франции!

И, подумав, прибавила:

– Дайте мне ратных людей, чтоб освободить Орлеан!

Что-то было в лице и голосе ее, от чего Дофин решил, или почти решил: «Нет, не ведьма – Божья посланница!» Взяв ее за руку, отвел в сторону и начал с нею тайно беседовать.

– Вот я тебе говорю, – шепнула она ему на ухо, переходя с «вы» на «ты» с простотою детской и ангельской, – вот я тебе говорю от лица самого Мессира Господа, что ты – истинный наследник престола и законный сын Короля…[176]

---

[176] Procès. I. 75, 92, 115. – «Dieu vous donne bonne vie, gentil Daufin». – Procès. II. 103. – «J'ai nom Jeanne la Pucelle, et vous mande le Roi des cieux que vous serez sacré

И тут же будто бы напомнила ему три тайных молитвы его в Лошском замке на повечерии Всех Святых, а может быть, и в церкви Пью-Велейской Черной Девы, Богоматери, куда он пять раз ходил паломником, потому что чтил ее так же усердно, как Жаннина мать и сама Жанна: первая молитва была о том, чтобы, если он, Дофин, – незаконный наследник, Бог дал ему силу прекратить войну с англичанами; вторая – о том, чтобы, если по его вине страдает народ, он, король, был один наказан; и третья – о том, чтобы, если народ страдает по своей вине, Господь простил его и помиловал.[177]

Только что это услышал Дофин, как лицо его просветлело так, как будто светивший в Жанне свет неземной озарил и его. Ожило вдруг сонное, мертвое лицо, точно первый раз в жизни проснулся он как следует.[178] Но, увы, ненадолго: скоро опять заснет и усомнится, кто она – «ведьма» или Божья посланница.

Чтоб самому ничего не решать, он отослал ее в город Пуатье, в свой королевский парламент, на испытание докторов-богословов.[179]

---

et couronné à Reims el serez lieutenant du Roi des cieux que est le Roi de France». – Chronique de la Pucelle. 273. – J. Chartier. I. 67–68. – Procès. III. 103. – «Je te dis, de la part de Messire, que tu es vrai héritier de France et fils du Roi».

[177] Amiet. 14. – Gallia Christiana. II. 732. – Vallet de Virville. Châtles VII. II. 253. – Château des Loches.

[178] Procès. III. 116.

[179] Procès. III. 116, 209.

XXI

Жанну испытывали в течение трех недель ученые законоведы и клирики, «многими мудрыми и тихими словами доказывая, что нельзя ей верить на слово».[180]

Жанна отвечала на вопросы нехотя. Часто, сидя на конце скамьи, только молча хмурилась и отворачивалась в сторону.

– Жанна, мы спрашиваем вас от лица короля, – напоминали ей судьи.

– Я это вижу. Но ничего не знаю, ни А, ни В! – отвечала она почти с явной насмешкой.

– С чем же вы пришли к королю?

– С чем? – воскликнула вдруг, оживляясь, и чудный огонь вспыхнул в ее глазах. – С тем, чтоб снять осаду с Орлеана и венчать короля! Мэтр Жан, есть у вас перо и бумага? Пишите же: «Английские военачальники, от имени Царя Небесного приказываю вам: вернитесь в Англию»…[181]

– Жанна, на каком языке говорят ваши Голоса? – спросил ее однажды брат Сэгин, доктор богословия, «кислого нрава человек», лимузинец с шепелявым говором.

---

[180] Amiet 18. – Procès. III. 19–20.

[181] Procès. III. 73–74. – Boucher de Molandon et A. de Beaucorps. L'armée anglaise vaincue par Jeanne d'Arc sous les murs d'Orléans; documents inédit et plan par m. Boucher de Molandon et le baron Adalbert de Beaucorps. Orléans: H. Herluison; Paris: L. Baudoin, 1892. P. 111.

– Будьте покойны, мессер, Голоса мои говорят на языке получше вашего! – возразила Жанна весело.

– Веруете ли вы в Бога? – спросил ее брат Сэгин с видом еще более кислым.

– Крепче вашего! – ответила Жанна.[182]

Если же духовные отцы возражали ей от книжной мудрости и от учения Церкви, она отвечала им:

– Слово Божие мудрее вашего: есть у Мессира Господа книга, которой никакой клирик не разумеет, как бы он ни был учен![183]

Судьи Жанны хорошо понимали, что этого дерзкого ответа достаточно, чтобы разрушить всю Церковь, и что обличить Жанну в «ереси» очень легко; но дело шло теперь не о том, чтобы изгонять ереси из Церкви, а о том, чтобы изгнать англичан из Франции, потому что и у них самих, нищих подданных, так же пусты были котлы и продраны локти, как у короля их, нищего. Вот почему, хотя и чувствовали, что «пахнет от Жанны паленым», прятали они когти до времени.[184] А может быть, вспоминали и два таинственных пророчества; первое – Бэды Достопочтенного:

---

[182] Procès. III. 204. – Seguin.

[183] Procès. III. 86. – «Il y a aux livres de Notre-Seigneur plus qu'aux votres». – «Messire Dieu a un livre, en lequel oncques clerc n'a lu, tant soit-il parfait en cléricature».

[184] France. I. 230. – «Jeanne sentait la persinée». – Juvenel de Usins. Hist, de Charles VI. 359.

Вот запылает война, и Дева подымет знамена.

Второе – Мерлина Волхва: «Выйдет некая Дева из древнего леса дремучего, чтоб исцелить Францию от многих ран!»[185]

Зная, что дьявол похищает у ведьмы девство, прежде всего судьи подвергли Жанну испытанию «ученых жен и опытных дев», в том числе и герцогини Анжуйской, королевы Иерусалимской. Но девство Жанны найдено было «совершенным, без пятна и порока»: как подробно ни осматривали тело ее, не могли найти на нем тех черных пятен, что оставляют, как ожоги, поцелуи дьявола.[186]

После всех этих испытаний судьи пришли наконец к заключению, что Жанне можно верить, о чем и написали Дофину: «Деву Жанну, ввиду постоянства в ее словах и в желании идти в Орлеан, дабы там явить божественное знамение, должно королю послать туда с войском в надежде на Бога… ибо отвергнуть ее значило бы Духу Святому воспротивиться».[187]

---

[185] Beda Venerabilis. The Venerable Bede's Ecclesiastical history of England. Also the Anglo-Saxon chronicle. Edited by J. A. Giles. London: H. G. Bohn, 1847:Ecce beant bella, turn fert vexilla Puella.Procès. V. 12. – Le Band. Hist. de Bretagne. 1638. P. 451. – Arthur de La Borderie. Les véritables prophéties de Merlin, examen de poémes bretons attribues à ce barde. Paris: H. Champion, 1883.

[186] Procès. III. 210. – «Mulieres doctae, peritae virgines». – Morosini. 99.

[187] Procès. III. 391–392. – «Car avoir crainte d'elle ou la rejeter… serait repugner au Saint-Esprit».

XXII

Этот мудрый совет исполнил Дофин: послал Жанну в Орлеан с войском, хотя и жалким: несколько тысяч ратных людей, наряженных в долг, а остальных – добровольцев.[188]

В городе Туре оружейных дел мастер выковал для Жанны рыцарский доспех.[189] В серой, жесткой, холодной, стальной куколке лат – теплая, нежная, белая бабочка, Психея, – святая Дева – святая душа Франции.

Меч, зарытый под алтарем Фиербуазской часовни и найденный, по бывшему Жанне откровению, сделался ее мечом, для спасения Франции.[190]

В светлых латах, на белом коне, Дева была прекрасна, как св. Георгий Победоносец или сам Архангел Михаил. Глядя на знамя ее, с вытканными на лазурном поле, рядом с белым голубем Духа Святого, двумя именами в одном: ***Иисус-Мария***, – люди могли понять, что значит: Два в Одном: Он в Ней, Она – в Нем».[191]

---

[188] Amiet. 335.

[189] Procès. III. 67, 94, 210; IV. 3, 304, 363.

[190] Procès. I. 77. – Chapelle de Fier-bois. – Chronique de la Pucelle. 277. – J. Chartier. 69–70.

[191] Procès. I. 77, 30. Relation du grafflex de la Rochelle. 338. – Morosini. 110.

XXIII

Сила Жанны – в чистоте. «Не было на свете никогда такой целомудренной девушки, как Жанна… чистейшая из чистых», – вспомнит один из свидетелей.[192]

Ева, Жена, погубила мир; Дева, Мария, – спасла. Вот почему Ангел Благовещания говорит Деве Марии, «превращая имя Евы»: «радуйся, Дева», «Ave-Eva».[193]

Тот же смысл и в легенде о Единороге: это чудесное животное, полукоза-полуконь, белизны ослепительной, с рогом-мечом во лбу, бегает так быстро, что ловцы на быстрейших конях не могут его изловить; но если девушка, сидя в лесу, позовет его, то он подходит к ней, кладет ей голову на грудь, и слабые руки ее для него крепче железных цепей. Если же к нему приближается не совершенно чистая девушка, то он пронзает ее рогом, как мечом.[194]

Рог-меч Единорога – война, а Дева-Укротительница – Жанна.

Знамя носит в бою вместо меча, «чтоб никого не уби-

---

[192] Procès. II. 438, 457; III. 100, 219. – «Erat casta, erat castissima… Non credit aliquam mulierem plus esse castam quam ista Puella erat».

[193] Abbé Mignard. La Sainte-Vierge. 1877. P. 382. – «Dicit Ave, mutans Evae nomen».

[194] R. de Fournival. Bestiaere, ap. Paulin Paris. Manuscr. franc. IV. 25. – A. Mayry. Croyances et légandes du moyen âge. 262 et suiv. – Jules Berger de Xivrey. Traditions tératologiques. Paris: Imprimerie royale, 1836. P. 559.

вать».[195]

– Что вам было дороже, меч или знамя? – спросят Жанну судьи.

– Знамя, знамя! – ответит она. – Во сто крат знамя дороже меча![196]

Люди, на войне делаясь хуже зверей, продолжают считать себя добрыми христианами, – вот что в войне страшнее всего.

– «Сам Господь Бог, будь Он ратным человеком, сделался бы грабителем!» – говорит капитан Ла Гир и, на грабеж идучи, молится без лишних слов, потому что уверен, что Бог поймет его с полуслова: «Сделай, Господи, для капитана Ла Гира то, что сделал бы он для Тебя, если бы Ты был им, а он – Тобою!»[197]

Ратные люди, врываясь в осажденные города, где насилуют не только женщин, но и маленьких детей, служат такие же «черные обедни» дьяволу открыто, какие служил тайно Жиль дё Ретц. Вот каких извергов надо было Жанне превратить в людей, и она это делает.

Всех «распутных женок» выгоняет из лагеря; этим начинает, а кончает тем, что ставит в середине лагеря под откры-

---

[195] Amiet. 103.

[196] Procès. I. 78. – Petit de Julleville. 121.

[197] Michelet. 189. – «Si Dieu se fesait homme d'armes, il serait pillard». – «Sire Dieu, je te prie de faire pour La Hire ce que La Hire ferait pour toi, si tu étais capitaine et si La Hire etait Dieu».

тым небом алтарь; священник служит обедню, и все причащаются![198]

Новая жизнь для них началась: Дева родила их всех «вторым рождением, свыше».

Ходят за нею, как маленькие дети – за матерью; смотрят ей в глаза, как влюбленные мальчики; пошли бы за нею на край света, и радостно умер бы за нее каждый из них, потому что, когда смотрят на нее, то «видят Бога».[199]

[198] Michelet. 190.

[199] Michelet. 191.

XXIV

«***Иисус-Мария. – Жанна-Дева***. – Король Англии, и вы, герцог Бедфорд, называющий себя регентом Франции, и вы, сир дё Тальбо, называющий себя наместником герцога… послушайтесь Царя Небесного, отдайте ключи всех городов, взятых вами у Франции, Деве, посланной Царем Небесным… Мир готова она с вами заключить… Если же вы этого не сделаете… я настигну ваших людей всюду, где бы ни были они… и волей-неволей заставлю их уйти из Франции, ибо я для того и послана Богом… Просит вас Дева и умоляет не губить себя… Если вы послушаетесь ее, то можете с нею идти (в Св. Землю), чтобы совершить прекраснейшее из всех, когда-либо в христианстве совершенных дел. Дайте же ответ, хотите ли вы мира… чтоб от великих бед избавиться».[200]

Это письмо было послано из города Блуа, в марте, на Пасхальной неделе 1429 года.

Слишком легко было предвидеть, как примут Годоны, Кощунники, Хвостатые, этот детский и ангельский зов к ми-

---

[200] Procès. III. 74; IV. 139. – «Elle est toute preste de faire paix… Et se ainsi ne le faietes… en quelquq lieu que j'actaindrai vos gens en France, je les en ferai aler, vuellant ou ne vuellant… La Pucelle vous prie et vous requiert que vous ne vous faictes mie destruire. Se vous lui faictes raison, encore pourrez venir en sa compagnie, 1'ou que les Franchois feront le plus belle fait que oncques fut fait pour la chrestienté. Et faietes respouse se vous velez faire la paix…».

ру.[201] «Дура или сумасшедшая!» – так все они думали или только хотели бы думать, но втайне, может быть, знали, что слова ее мудры и святы. Нет никакого сомнения, что если когда-нибудь наступит на земле царство Божие, то потому, что людей, думающих так, как Жанна, будет все больше.

[201] France. I. 291–292.

XXV

27 апреля выступило войско Девы из города Блуа на Орлеан. Крестный ход с хоругвями и с пением:

Дух Святой, приди!
Veni Creator Spiritus! —

шел впереди, и на белом коне под знаменем с надписью: ***Иисус-Мария*** – ехала Жанна. Следовало за нею около семи-восьми тысяч ратных людей, шестьсот нагруженных съестными и военными припасами телег и четыреста голов скота. Шли весь день, а на закате солнца, когда запели Angelus и вдали, меж черных камышей, зажелтела, как медь, Луара, остановились и переночевали в поле. На следующий день двинулись дальше, бесконечной равниной Солоньи, по левому берегу Луары, и к вечеру увидели крепостные башни и колокольни Орлеана.[202]

Только теперь поняла Жанна, что ее обманули: привели к Орлеану по левому, а не по правому берегу, где был английский лагерь, – как она хотела и требовала от военачальников; но те ее не поняли или, не желая понять, сделали по-своему.

Только что войско остановилось, вышел из города навстречу Жанне военный наместник Орлеана, будущий граф

[202] Procès. III. 104–105. – Blois, Sologne.

Дюнуа, побочный сын Орлеанского герцога Людовика, Жан «Батард». Это было почетное звание, потому что «детей любви» считали более одаренными, чем рожденных в законном браке. Двадцатишестилетний Батард Жан был одним из просвещеннейших, умнейших и любезнейших тогдашних рыцарей.[203]

– Вы – Батард Орлеанский? – спросила его Жанна.

– Я, и очень рад вас видеть, – начал он с любезностью, вглядываясь, может быть, с удивлением в это странное, никогда не виданное существо в образе женщины.

– Ваш ли военный совет решил меня привести по левому берегу? – прервала его Жанна.

– Я и другие люди, умнее моего, решили так, полагая, что это лучший и вернейший путь…

– Жив Господь! Божий Совет умнее и вернее вашего, – опять прервала его Жанна. – Вы хотели меня обмануть, но сами себя обманули, потому что я прихожу к вам с лучшею помощью, нежели кто-либо. Помощь эту не ради меня, а по молитвам св. Людовика и св. Карла Великого подаст вам Господь, сжалившись над Орлеаном и не желая терпеть, чтобы вы и город ваш сделались добычей врага…[204]

Почему надо было Жанне подойти к Орлеану по правому

---

[203] J. Chartier. II. 105. – Journal d'un bourgeois de Paris. 221. – Vallet de Virville. I. 25; II. 389. – Comte Dunois, Bâtard d'Orleans.

[204] Procès. III. 5–6. – Chronique de la Pucelle. 284. – Boucher de Molandon. Première expédition de Jeanne d'Arc. 49.

берегу Луары? В чем ее главная мысль? В том, чтобы идти прямо в английский лагерь, находившийся на правом берегу, к военачальнику, сэру Джону Тальбо, и предложить ему мир; только после отказа англичан от мира она могла начать войну и победить, уже не по человеческому, а по Вышнему Совету и разуму. Втайне, может быть, надеялась, что, явившись в английский лагерь со знаменем в руках, в сопутствии госпожи св. Катерины и госпожи св. Маргариты и монсиньора Михаила Архангела, убедит она англичан покинуть Францию, пав перед ней на колени, сэр Джон Тальбо послушается не ее, а Того, Кем она послана, так что без пролития капли крови, французской или английской, равно для нее драгоценных, совершится то, для чего она пришла. Вот какую святую победу вырвали у нее из рук французские военачальники; вот о чем она скорбит и на что негодует.[205]

[205] France. I. 303–306. – Talbot.

XXVI

Прежде чем войти в Орлеан, надо было переправить через Луару, в виду англичан, на тяжелых плоскодонных парусных дощаниках ратных людей, скот и телеги с припасами. Но так как ветер был противный, то переправа казалась невозможной.

– Погодите, ветер, Бог даст, переменится, и мы войдем в город, – сказала Жанна, и, как сказала, так и сделалось: ветер переменился на попутный и под глазами англичан, не сделавших ни одного выстрела, «не пошевелившихся», как предсказала Жанна, – войско, благополучно переправившись, вошло в Орлеан.[206]

Так совершилось первое чудо Жанны – чудо ***предзнания***.[207]

---

[206] Procès. III. 105. – Chronique de la Pucelle. 284–285.

[207] То же «чудо предзнания» – у всех великих полководцев, от Александра и Цезаря до Наполеона. – Charles Augustine Sainte-Beuve. Causeries de Lundi. Paris: Garnier frères, 1852–1862. Vol. VIII. P. 221. – Napoléon à Roederer: «j'ai prévu tout ce que devait arriver… C'est le don particulier que j'ai reçu en naissant».

XXVII

Ночью, при свете факелов, Дева, на белом коне, в полном рыцарском доспехе, въехала в город через Бургундские ворота. Чтобы к ней, или хотя бы к лошади ее, прикоснуться, люди давили друг друга почти до смерти; и радовались так, как будто сам Бог сошел к ним в город; руки и ноги ее целовали с такой благодарностью, как будто она уже освободила их от осады.[208]

В узкой улице, где толпа стеснилась еще больше, вспыхнуло знамя Девы, подожженное одним из факелов. Жанна, пришпорив коня, подскочила, быстрым и ловким движением схватила знамя, свернула его и потушила.[209] Это показалось народу чудесным, как все для него было в ней чудом.

Вспыхнувшее знамя, в этом первом явлении Девы, предрекает последнее: Огненный Крест – костер.

На первое письмо Жанны, отправленное с герольдом из Блуа, англичане ничего не ответили, только посмеялись над ней или сделали вид, что смеются, потому что под смехом был страх; заковали герольда в цепи и грозили сжечь, как «ведьмина посла».[210]

---

[208] Journal du siège d'Orleans. 74–75. – Chronique de la Pucelle. 287. – Porte de Bourgogne. – Procès. III. 30. – «Comme s'ils veissent Dieu descendre entre eulx».

[209] Journal du siège d'Orleans. 76–77.

[210] Chronique de la Pucelle. 284. – Procès. III. 26–27.

Но Жанна все еще не верила, чтобы люди могли не услышать «гласа Божия», и хотела исполнить свой долг до конца. Вечером 30 мая, выйдя из Мостовых ворот к окопам Бэль-Круа, взошла на стену и, сложив ладони так, чтобы голос как можно дальше хватал, крикнула стоявшим в окопах английским ратным людям:

– Именем Божьим говорю вам: если хотите остаться в живых, сдавайтесь!

– Подлая девка, коровница, уж изловим тебя и сожжем! – ответили ей англичане, но стрелять в нее не посмели, может быть, сами не зная почему.[211]

[211] Journal du siège d'Orleans. 79. – Chronique de la Pucelle. 290. – Porte du Pont, Bastille de Belle-Croix. – «Rendez-vous, de par Dieu, vos vies sauves seulement!». – «Vachere! si nous te tenons, nous te ferons bruler!».

XXVIII

1 мая, в воскресение, огромная толпа осадила дом, где остановилась Жанна, чтобы увидеть Святую Деву. Множества человеческие влекла она к себе такою же неодолимою силою, как Пью-Велейская «Черная Дева-Мать».[212] Знака ее только ждали эти обезумевшие люди, чтобы кинуться на английские окопы и, может быть разбившись о них, погибнуть бессмысленно. Но сельская девочка, не знавшая военного дела, да и никаких человеческих дел, нашла в себе достаточно здравого смысла, чтобы вести их не на английские окопы сражаться, а в церковь молиться.[213]

В это воскресение, после обедни, Жанна снова предложила мир англичанам. Выйдя из Лисьих ворот, подошла она к английским окопам Круа-Морена и, сложив ладони так же, как намедни, крикнула:

– С Богом возвращайтесь в Англию, а не то вам будет плохо!

– Ведьма, шлюха, девка продажная! – ответили ей англичане с окопов, но стрелять в нее почему-то опять не посмели.[214]

---

[212] Procès. III. 211. – France. I. 323.

[213] Journal du siège d'Orléans. 80. – Philippe Mantellier. Histoire du siège d'Orléans. Orléans: H. Herluison, 1867. P. 92–95.

[214] Journal du siège d'Orléans. 80. – «Retournez, de par Dieu, en Angleterre! Si non,

Самые храбрые, ни одного человека не боящиеся английские ратные люди дрожат и бледнеют перед этой семнадцатилетней крестьянской девочкой; дьявола сами боятся эти несчастные «Хвостатые дьяволы».[215] «Чем черт не шутит? – думают они.

– Что, если она и вправду ведьма… или Божья посланница?»

В складках волшебного белого знамени Девы чудились им тучи порхающих белых бабочек – белых Лилий Франции или белых Ангелов.[216]

Жанна кажется французам Ангелом Божьим, а врагам их – дьяволом. В этом-то двойном образе – главная сила Девы: непобедимой, потому что сверхъестественной, кажется она французам и англичанам одинаково.[217]

Как бы остолбенело вдруг от ужаса все английское войско и пало духом. «Двое англичан еще накануне обратили бы в бегство десять французов; но только что Жанна вошла в Орлеан, четверо-пятеро наших остановило бы все войско врагов».[218]

Так велик был ужас Девы, что английские ратные люди и начальники отказывались ехать во Францию. «Эта подлая

---

je ferai que vous serez afflegés!». – Procès. III. 68. – «Ribaude… sorcière…».

[215] Louis Jarry. Le compte de 1'armée anglaise au siège d'Orléans. 1428–1429 Orléans: H. Herluison, 1892. P. 61.

[216] Procès. I. 103.

[217] France. I. 321.

[218] Petit de Julleville. 42.

девка есть орудие сатаны, врага человеческого рода, – говорили они. – Можно сражаться с людьми, но как сражаться с дьяволом?» Нужен был особый указ «против боящихся ведьминых чар». Но действие указа было обратное: он напугал людей еще больше.[219]

«Бедствие великое, в образе Девы-колдуньи, исчадия адова, послано Богом на англичан, – пишет герцог Бедфорд юному английскому королю Генриху VI. – Злыми чарами она не только истребила их множество, но и всех остальных лишила мужества».[220]

---

[219] Germain Lefevre-Pontalis. La panique anglaise en mai 1429. Paris: E. Boullon, 1894. – Jean Baptist Joseph Ayroles. La vraie Jeanne d'Arc. Paris-Gaume et cie, 1890–1892. Vol. III. P. 272–274. – Michelet. 227. – «Contra terrificatos incantantionibus Puellae».

[220] Procès. V. 137.

XXIX

Верили Жанне и во Франции только простые люди, а военачальники сомневались в ней и держали ее в стороне от военных советов.

– Я узнал от верных людей, что капитан Фальстаф идет на помощь англичанам с подкреплениями и съестными припасами, – сообщил ей однажды граф Дюнуа.

– О, Батард, Батард! Я приказываю тебе именем Божиим: только что ты узнаешь о приходе Фальстафа, сказать мне об этом, а если не скажешь, я отрублю тебе голову!

– Ладно, скажу, – отвечает Батард и опять, вглядываясь в нее, удивляется – ужасается: что это? кто это?[221]

Жанна становится сразу единственной властью в городе, выше всех военных и гражданских властей.[222] Бедная девочка, «бедная пастушка», «не знающая ни А, ни В», сводит их на ничто.[223]

– Я послана Богом для утешения бедных людей, – говорит она идущему к ней простому народу.[224]

– Бедные люди шли ко мне охотно, потому что я их лю-

---

[221] Procès. III. 212.

[222] Journal du siège d'Orléans. 43–44, 78–79.

[223] Michelet. 182. – «Pastoure», «pastourelle», «paupercula bergeretta».

[224] Procès. III. 88. – «J'ai été envoyée pour la consolation des pauvres et des indigents».

била.[225]

Подвиг этой «дочери Божьей», так же как Сына Божия, – подвиг любви, мира и милости: Жанна снимет осаду не только с Орлеана, но и со всей Франции – со всего человечества; освободит не только французов от Годонов, но и всех бедных и угнетенных от всех богатых и угнетающих.

[225] Petit de Julleville. 125. – «Les pauvres venaient à moi volontiers, parce que… j'aimais à les supporter».

XXX

Кощунственной плоскостью могло бы казаться посвящение «Таинства любви Жанны д'Арк» Шарля Пэги: «Всем, кто жил и умер за всемирную Социалистическую Республику», если бы не был он уже в те дни, когда писал «Таинство», одним из величайших, хотя и бессознательных христиан наших дней.[226]

Что хотел он сказать этим посвящением? То же, что говорит св. Августин: «Жизнь Града Божия вся должна быть общинной, socialis; лишним владеть – значит владеть чужим; общая собственность – закон Божественный, частная – закон человеческий».[227] То же, что говорит Иоахим Флорский: в «Третьем Царстве, Духа» совершится «великий переворот»: собственники – «богатые, великие, сильные мира сего, будут низвергнуты, а нищие, малые, слабые, возвышены… и увидят они правосудие Божие, совершенное над их палачами и угнетателями».[228] То же, что говорит св. Франциск Ассизский: «Я не хочу воровать, а если бы я не отдал того, что

---

[226] Pégui: Le mistère de la chérité de Jeanne d'Arc, 1899.…A tous ceux qui auront veculeur vie humaine…et à tous ceux qui seront mortde leur mort humaine,Pour l'établissement de la Républiquesocialiste universelle.

[227] August. De civit. Dei. XIX. 17. – Sermo. 285. – «Res alienae possidentur, cum superflua possidentur». – Ad Joh. VI. 25.

[228] Joach. Flor. Expos. in Apocalyps. Fol. 199.

имею, беднейшему, то был бы вором».[229] То же, что говорит Жанна д'Арк: «Я послана Богом для утешения бедных». То же, что и мы говорим так плоско и недостаточно, потому что нерелигиозно, о «социальной проблеме» – этом страшном узле, который грозит в наши дни, затянувшись в мертвую петлю, задушить человечество.

Если Начинатель «великого переворота» – «всемирной социальной революции», по-нашему, – Сын Божий, то продолжательница его вернейшая – «дочерь Божия», на Огненном Кресте распятая, св. Дева Жанна.

Что сделала бы она, если б не была убита, едва начав дело свое, – об этом так же трудно судить по тому, что она уже сделала, как по пшеничному зерну – о колосе. Но нет никакого сомнения, что Жанна думала уже не только о французском, но и о всемирном деле, когда брала с короля обещание «миловать всех приходящих к нему богатых и бедных равно»;[230] или когда хотела, чтобы Франция, Англия, Италия – все христианские народы, «обратившись ко Христу и покаявшись, облеклись в одежды Нищих Братьев и заключили между собою вечный мир».[231] Это – начало, а конец – «царство Божие на земле, как на небе».

Жанна – «мятежница» не только против Церкви, но и про-

---

[229] Specul. Perfect. I. 3, 4.

[230] Lefèvre-Pontalis. Eberhard Windecke. 52–53. – «…Qu'il s'humiliât assez, pour que tous ceux, pauvres et riches… qui viendront à lui, il les recût en grâce».

[231] Morosini. III. 64–65.

тив государства, бóльшая, чем Августин и Франциск, – такая же, как Иоахим и Павел. Первый мятеж ее против Церкви поняли судьи Жанны, а второй – против государства остался для них непонятным. В этом и до наших дней св. Жанна д'Арк, так же как сам Иисус, – непонятная, неизвестная.

XXXI

Это уже чувствуется в первом явлении Девы, когда становится она единственной властью в осажденном Орлеане.

4 мая французские военачальники, обиженные тем, что над ними поставлена безграмотная девочка-крестьянка, делают, не предупредив об этом Жанну, вылазку на крепостную башню-бастилью Сэн-Лу, в нескольких милях к востоку от города.[232] Но англичане сопротивляются так доблестно, что французы должны отступить.

Ночью Жанна, проснувшись и вскочив с постели, зовет оруженосца своего, Жака д'Олона, и на вопрос его, что с нею, – отвечает:

– Жив Господь! Мой Совет велит мне идти на англичан… Где мое оружье?.. Кровь наших людей льется, я это чувствую!

И, увидев маленького пажа Мюго, кричит:

– Ах, скверный мальчишка! Зачем же ты мне не сказал, что льется французская кровь?

Выбежав из дому, поспешно вооружается. Знамя подают ей из окна, и, вскочив на коня, мчится она по улице так, что из-под лошадиных копыт на мостовой брызжут искры.[233]

---

[232] France. I. 130. – Plan d'Orléans. – Bastille de Saint-Loup. Autun.

[233] Procès. III. 212–218. – Jean d'Aulon. Mugot. – «En nom de Dieu! mon Conseil m'a dit que j'allasse centre les Anglais». – Procès. III. 106. – «Oû sont ceux qui doivent

Доскакав до Сэн-Лу, прямо кидается в бой. Семнадцатилетняя девочка, никогда на войне не бывавшая, стоит бесстрашно со знаменем в руках, в опаснейшем месте боя, у крепостного рва, под арбалетными стрелами и пушечными ядрами.[234]

В первый раз в жизни, увидев кровь на войне, ужасается, но не за себя, а за других: «Я никогда не могла видеть, как льется французская кровь, без того, чтобы волосы у меня на голове не вставали дыбом от ужаса».[235]

Только что увидев Жанну, отступающие французы кидаются в бой с новой отвагой, идут на приступ, поджигают башню и врываются в крепость. Множество пленных перебито. «И, видя то, Дева была очень прискорбна». Хитростью спасает она англичан, укрывшихся в женской обители и нарядившихся там в церковные ризы.[236]

Выгоды этой первой победы огромны: все верхнее течение Луары освобождено и, что́ важнее, доказано, что англичане – вовсе не «Годоны», «хвостатые дьяволы», а такие же слабые люди, как французы, и что можно их ловить, как мышей в подпольи, выкуривать, как ос в гнезде.

---

m'armer? Le sang de nos gens coule!». – Procès. III. 68. – «Ha! sanglant garcon, vous ne me disiez pas que le sang de France fut répandu!».

[234] Procès. III. 109, 127. – Chronique de la Pucelle. 295.

[235] Procès. III. 213. – «Je n'ai jamais vu sang Français que les cheveux ne me levassent sur la tête».

[236] Procès. III. 106. – «La Pucelle etait toute dolente». – Chronique de la Pucelle. 289, 295.

Вся эта победа – дело одной только Жанны; без нее ничего бы не сделали: легкую и бесполезную стычку превратила она в глубокий и тяжелый удар. И что еще важнее – павший дух французов был поднят.[237]

На следующий день, 5 мая, в Вознесение, Дева отправляет к англичанам письмо с четвертым и последним предложением мира. Привязывает письмо к арбалетной стреле и велит пустить ее в английский лагерь у окопов Бель-Круа.

– Шлюха, девка продажная! – отвечают ей Годоны опять все тою же бранью, и горько плачет она, не от обиды, а от жалости к врагам. Но, услышав Голоса, утешается.

– Я получила от Мессира добрую весть! – сообщает войску радостно.[238]

---

[237] France. I. 338–339.

[238] Procès. III. 107–108. – «J'ai des nouvelles de Messire». – Chronique de la Pucelle. 286. – Journal du siège d'Orléans. 79.

XXXII

Главная твердыня англичан, крепостная башня-бастилья Турелли, находилась на левом берегу Луары. С городом соединял ее деревянный, с одной, посредине, сломанной аркой, мост. Перед Туреллями возвышалась башня Августинцев: чтобы войти в ту, надо было сначала взять эту.[239]

Приступ на нее начался 6 мая, на восходе солнца, длился весь день до заката и был отражен. Жанна, собрав отступавших и воткнув древко знамени в землю у самого рва, крикнула с такой отвагой и верой: «Смело входите!» – что после нового отчаянного приступа башня была взята и сожжена. Но, глядя на освещенные за нею красным заревом пожара в черном ночном небе неприступные башни Туреллей, французские военачальники говорили с безнадежностью: «Этого и в месяц не возьмем!»[240]

– Вы были на вашем совете, а я на моем, и верьте мне, совет Господен исполнится, а ваш погибнет! – ответила им Жанна спокойно и, немного подумав, прибавила, обращаясь к духовнику своему, брату Паскерелю:

– Много будет у меня завтра хлопот… и кровь из тела прольется![241]

---

[239] France. I. 130. – Plan d'Orléans. – (Bastille des Tourelles. Bastille des Augustins).

[240] Journal du siège d'Orléans. 85. – Perceval de Gagny. 146. – Procès. III. 214–215.

[241] Procès. III. 108–109. – «Vous avez été à votre conseil, et j'ai été au mien, et

XXXIII

«Ранним тихим утром 7 мая начался приступ на башни Туреллей. Двадцать раз подходили французы к окопам и двадцать раз отступали под страшным огнем кулеврин и бомбард; но каждый раз шли снова в бой, с еще большей отвагой, чувствуя себя как будто бессмертными».[242]

Жанна была опять впереди всех и всех ободряла:

– Будьте мужественны, верьте, мы скоро войдем в крепость![243]

После полудня, приставляя к стене первую осадную лестницу, Дева была ранена в плечо, над правым сосцем, арбалетной стрелой, пробившей стальной наплечник, как бумагу, и вышедшей с другой стороны плеча на четверть локтя.

---

croyez-moi que le conseil de Messire sera accompli… et que le votre pèrira». – «… Exire crastina die sanguis a corpore meo supra mammam». Два последних слова: «над сосцом», – принадлежат, вероятно, не самой Жанне, а брату Паскерелю (Pasquerel), прибавившему их для того, чтобы усилить чудесную точность пророчества. Но что оно все же исполнилось, и А. Франс отрицать не смеет. – France. I. 351: «que Jeanne ait longtemps d'avance annoncé qu'elle serait bléssée, on ne peut le nier». – То же пророчество сохранилось и в счетных книгах Брабантского двора от 1429 года. – Procès. IV. 426: «dixit quod ipsa aute Aureliam in conflicto telo vulnerabitur. Жанна предсказала, что будет в бою у Орлеана ранена стрелою». Точность предсказания в самом деле чудесная: ранена будет не ядром, не пулей, а «стрелою», как и была действительно ранена. «Я предвидела все, что будет: это особый, от рождения мною полученный дар», – могла бы сказать, и в этом случае, Жанна, вместе с Наполеоном.

[242] Michelet. 197. – «Sembloit… qu'ils cuidassent estre immortels». – Journal du siège d'Orléans. 85. – Procès. III. 214–215.

[243] Journal du siège d'Orléans. 85. – Chronique de la Pucelle. 293. – «Ayez bon coeur, ne vous retirez pas: vous aurez la bastille de bref».

Видя льющуюся кровь свою, Жанна испугалась и заплакала, как маленький ребенок.[244]

Но «заговорить» рану не позволила, боясь «волшебства».

– Лучше, – говорила, – мне умереть, чем сделать что-нибудь противное воле Божьей…[245]

И, вдруг перестав плакать, вырвала стрелу из раны. Только что сделали ей перевязку, вернулась в сражение. Но монсиньор Батард велел трубить отбой. Жанна кинулась к нему и, плача, теперь уже не от боли, молила:

– Именем Божьим говорю вам: мы сейчас войдем в крепость… и ничего с нами англичане не поделают… Только отдохнем немного…[246]

Так и сделали: отложили приступ ненадолго. В это время Дева, сев на коня, отъехала одна в соседний на склоне холма виноградник и, сойдя с коня, села на землю между вьющимися по низким подпоркам и в косых лучах заходящего солнца прозрачно-зеленеющими лозами.

Та же была и здесь тишина, как в домремийском садике; тот же далекий звон колоколов или гудение пчел; та же крепкая свежесть – дыхание «Черной Девы», Матери-Земли.

Вдруг повеяло в воздухе как бы солнечно-теплым розо-

---

[244] Procès. I. 79; III. 109. – Chronique de la Pucelle. 293. – Michelet. 197. – «Timut, flevit».

[245] Procès. III. 109.

[246] Procès. III. 25. – «En nom de Dieu! vous entrerez bien bref dedans. N'ayez crainte, et n'auront les Anglaise plus de force sur nous». – Journal du siège d'Orléans. 85.

вым маслом от алых и белых цветов шиповника – благоуханием прославленных тел, и Жанна услышала Голос:

– Дочерь Божия, ступай, ступай! Я тебе помогу, – ступай!

Рана вдруг перестала болеть; тело чудесно укрепилось, и, вскочив на коня, Дева вернулась в бой.[247]

[247] Procès. III. 25.

XXXIV

Ужас напал на англичан, когда они увидели, что Жанна – «ведьма» неуязвимая – вернулась в бой. А французы закричали радостно:

– Вот она, вот она! Дева Жанна вернулась! И все за нею кинулись на приступ. Видя знамя свое вдали, по ту сторону рва, она закричала:

– Только что знамя прикоснется к стене, – все за мной!

– Жанна, знамя у стены! – ответил ей кто-то из рыцарей.

– Ваше, все ваше, – входите! – опять крикнула Дева, и все за нею кинулись в ров, влезли, точно сверхъестественною силою поднятые, на стену, сломали ворота и ворвались в башню.[248]

Старый английский военачальник, сэр Виллиям Глесдаль, давший клятву, что, если только войдет в Орлеан, перебьет в нем всех мужчин, женщин и детей, – медленно отступал под старым английским знаменем, развевавшимся над восьмидесятилетними победами, – перед знаменем семнадцатилетней девочки.

– Глассидá! Глассидá! Сдавайся же, сдавайся Царю Небесному, – кричала ему Жанна, щадя и в такую минуту честь

---

[248] Procès. I. 216. – Journal du siège d'Orléans. 86. – Chronique de la Pucelle. 293. – «Donnez-vous garde, quand la queue de mon étendard touchera contre le boulevard». – «Jeanne, la queue y touche». – «Tout est votre, et y entrez!».

врага и отличая победу Божью от своей. – Ты назвал меня «девкой продажной», а я души твоей и всех твоих жалею!

Так кричала она и плакала от жалости.[249]

Ядра летели на Турелльские башни с французских окопов. Кровельный желоб перекинули французы над рухнувшей мостовой аркой, чтоб перелезть через нее, а внизу на реке зажгли дощаник, с дегтем, серой, паклей, смолой, лошадиными костями и хворостом. Вспыхнувший деревянный мост рушился под англичанами. Все они вместе с Глесдалем, не выпускавшим знамени из рук, упали в реку и потонули. И Жанна, видя то, еще сильнее заплакала.[250]

---

[249] Journal du siège d'Orléans. 87. – William Glasdal. – Procès. V. 294; III. 110. – «Glassidas! Glassidas! rends-t'-y, rends-t'-y au Roi des Cieux. Tu m'a appelée putain… J'ai grande pitié de ton âme et de celle des tiens».

[250] Chronique de la Pucelle. 294. – Journal du siège d'Orléans. 17. – Procès. V. 294; III. 9, 25, 80, 110. – Michelet. 198. – «Incepit flere fortiter pro anima ipsius et aliorum submersorum».

XXXV

Взяты были Турелли, а главный английский военачальник, сэр Джон Тальбо, чьим именем французские матери пугали маленьких детей своих, так и не двинулся: сам был, как малое дитя, испуган.[251]

Все удивлялись тому, с какою чудесною точностью исполнились оба предсказания Жанны: «Завтра из тела моего прольется кровь» и «до наступления ночи мы войдем в Орлеан по мосту Турелльской бастильи».[252]

На следующий день, 8 мая, одержана была последняя, четвертая победа, больше всех остальных трех. Жанна плакала над теми, кровавыми, и радовалась только этой, бескровной.

«Ради святого дня Господня (воскресения), не будем сражаться сегодня, – говорила она. – Сами не нападайте; если же англичане на вас нападут, защищайтесь храбро и ничего не бойтесь: вы победите!»

В поле поставлен был алтарь, отслужили обедню, и все причастились. В то же время неприятель уходил из всех осадных окопов и башен: это было начало конца – ухода англичан из Франции.[253]

Так, в три дня, от 6 до 8 мая, с чудесной быстротой и лег-

---

[251] Perceval de Gagny. 147. – Chronique de la Pucelle. 295.

[252] Journal du siège d'Orléans. 88. – Chronique de la Pucelle. 295. – J. Chartier. I. 78.

[253] Procès. III. 9, 29. – Journal du siège d'Orléans. 89, 209.

костью освобожден был Орлеан. «В три дня все английское войско обращено было в бездействие или бегство, – скажет папа Мартин V в том же году. – Видя огромную силу этого войска, мужество английских ратных людей и мудрость военачальников, можно было думать, что соединенные силы мира не сделают в течение месяца того, что совершила Дева в три дня».[254]

[254] Leopold Victor Delisle. Nouveau document relatif à la mission fe Jeanne d'Arc. 1905, ap. Hanotaux. 155.

XXXVI

«Век мой будет короток, – говорила Жанна, – не больше года: надо спешить, чтобы воспользоваться мной как следует!»[255]

Однажды, постучавшись в дверь королевской палаты, – может быть, одной из тех опочивален, где спал Дофин, «покоясь на ложе между Безумием и Разумом», – вошла она, стала на колени и, обняв ноги его, сказала:

– Благородный Дофин, не собирайте стольких долгих советов, а ступайте прямо в Реймс на венчание!

Ласково выслушал ее Дофин, но ничего не ответил.

– Это ваш Совет вам говорит? – с усмешкой спросил один из сановников.

– Да, мой Совет, и очень меня торопит! – ответила Жанна.[256]

Всякое промедление в походе на Реймс ее возмущало или приводило в отчаяние. И в этом следовал за нею весь народ: множество ратных людей и бедных рыцарей, иногда почти безоружных, оборванных, на жалких клячах или даже

---

[255] Procès. III. 99. – «Je durerai un an, guère plus. Qu'on pense à bien besongner pendant cette année».

[256] Journal du siège d'Orléans. 93. – Chronique de la Pucelle. 299. – Procès. III. 12. – «Gentil daufin, n'assemblez pas tant et de si longs conseils, mais venez tout de suite à Reims recevoir votre digne sacre». – «Est-ce votre Conseil qui vous parle de telks choses?». – «Oui, et je suis beaucoup aiguillonee à cet endroit».

пеших, собиралось к ней со всех концов Франции, чтобы идти в Крестовый поход на Реймс, как бы вся Земля вставала на зов воплощенного в Деве Духа Земли.[257]

Но голос человеческого разума не заглушался в Жанне Голосами Божественными. «Я не хочу искушать Господа, – отвечала она судьям своим, испытателям в Пуатье, когда они требовали от нее „знамения“. – Дайте мне ратных людей: они будут сражаться, а Господь им дарует победу. – Делайте, и сделает Бог!»[258]

Так и теперь, в общем безумном порыве слушается она человеческого разума: прежде чем идти на Реймс, решает очистить Луару. Этот поход почти так же краток и, может быть, более чудесен, чем освобождение Орлеана.

---

[257] Chronique de la Pucelle. 310–312. – Michelet. 202.

[258] Procès. III. 205. – Petit de Julleville. 27–28. («Je ne veux pas tenter Dieu… Je demande des gens d'armes. Ils combattrons; Dieu donnera victoire». – Procès. I. 621, 154. – «Oeuvrez, et Dieu oeuvrera».)

XXXVII

Посланное из Парижа под начальством капитана Фальстафа вспомогательное войско пришло к бежавшему из Орлеана сэру Джону Тальбо слишком поздно. Французы погнались за ним и настигли его на великой Патейской равнине, где произошел 18 июня решительный бой.

– Будем драться сегодня как следует, и, если бы Годоны были к облакам небесным подвешены, мы и там их возьмем! – говорит Жанна, глядя на облака, восходящие над великой равниной. – Ладны ли шпоры у вас?

– Шпоры? Зачем? Разве мы бежим? – спрашивает герцог Аленсонский.

– Ни-ни, – отвечает Жанна весело. – Шпоры надобны вам для того, чтобы преследовать бегущих… Бóльшую победу одержит сегодня благородный король, чем когда-либо: это мне обещал мой Совет![259]

Бой был краток, почти мгновенен: едва успели французы напасть на англичан, как те уже отступили, и войско их было разбито наголову. Тысячи четыре взято в плен или перебито. Мертвыми телами покрыто все поле. Взят был в плен и сэр

[259] Chronique de la Pucelle. 306. – Bataille de Patay. – Procès. III. 98–99. – «En nom de Dieu, s'ils étaient pendus aux nuées, nous les aurons… Avez-vous de bons éperons?». – «Quoi! fuierons-nous donc?». – «Nenni, ce seront les Anglais qui fueront; mais il vous faudra des éperons pour les poursuivre… Le gentil roi aura aujourd'hui plus grande victoire qu'il eût longtemps. Et m'a dit mon Conseil qu'ils sont tous notres».

Джон Тальбо.[260]

Выехав верхом на поле сражения, где долго еще продолжалось избиение пленных, Жанна увидела, как одного из них ударил француз по голове так, что тот упал замертво, и, сойдя с коня, кинулась к нему, позвала священника, чтобы он его напутствовал, и, положив голову умирающего на колени свои, ласкала его и утешала, как мать, до последнего вздоха.[261]

[260] Mantellier. 139. – Gruel. 73–74. – Perceval de Gagny. 154. – Chronique de la Pucelle. 306. – J. Chartier. I. 86.

[261] Procès. III. 71. – «Habebat magnam pictatem de tanta occisione». – Michelet. 201. – «Tenendo eum in caput et consolando».

XXXVIII

После Патейской битвы все течение Луары было освобождено: путь в Реймс на королевское венчание открыт.

«Бог послал королю святую Деву Жанну… чтобы вести его на помазание, – говорил брат Ришар. – В тайны Божии проникает она, как никто из святых… и если бы хотела, то могла бы сделать так, чтобы ратные люди проходили сквозь стены крепостей, и многое еще другое могла бы сделать, больше этого!»[262]

Людям кажется в ней чудесным «предзнание-воспоминание» (в смысле платоновского anamnesis) о том, чему она никогда не училась.[263]

«Военачальники не могли надивиться тому, что она в военном деле так опытна, будучи во всех остальных делах простейшей поселянкой».[264]

«Простенькой маленькой девочкой была Жанна во всем, кроме военного дела: она умела не только отлично сражаться, но и располагать войска и готовить их к бою, особенно артиллерию. Старый капитан с 20–30-летним военным опытом не мог бы лучше сделать».[265] «Жанна ездит верхом и бьет-

---

[262] Procés. IV. 342.

[263] Chronique de la Pucelle. 312.

[264] Procès. III. 100. – «Hors des faits de guerre, elle était simple et jeunetle».

[265] Procès. III. 88.

ся копьем, как лучший из рыцарей; этому все ратные люди удивляются»,[266] – говорит о ней простой народ с восхищением и верит, что она побеждает чудом не только Годонов, Хвостатых, но и последнего врага, Смерть: в городе Ланьи просят ее воскресить умершего младенца.

Видя, что весь народ поклоняется ей, как святой, люди Церкви остерегают ее: – Вы нехорошо делаете, Жанна, принимая такое недолжное вам поклонение; берегитесь, вы вводите людей в идолопоклонство.

– Ваша правда, – отвечает она смиренно. – Я не могла бы уберечься от этого, если бы не хранил меня Господь.[267]

Истинное чудо Девы в том, что она убережется от этих мнимых «чудес», сохраняя в себе до конца равновесие между человеческими и божественными силами.

Узел, которого не могут развязать умнейшие политики, Жанна разрубает, объявив народу от лица Божия, что Карл VII – единственный законный наследник престола, и рассеяв в самом короле все сомнения. Быстрым походом на Реймс опередив англичан, обеспечивает она королю все выгоды царского помазания.[268] Мало веря политикам и военачальникам, слушается только Голосов своих, говорящих ей

---

[266] Michelet. 216. – Lagny.

[267] Procès. III. 84. – «En vérité, je ne saurais m'en garder, si Messire ne m'en gardait».

[268] Michelet. 165.

бесконечно простые слова.[269]

– Семи лет не пройдет, как англичане оставят нам больший залог, чем в Орлеане, и потеряют все во Франции, благодаря великой победе, которую Бог пошлет французам… Я это ***знаю***… так же несомненно, как то, что вижу вас перед собой! – скажет она судьям своим в Руане,[270] и, как скажет, так и будет: семи лет не пройдет от 1431 года, когда она это скажет, до 1437 года, когда французский король Карл VII вступит в освобожденный Париж.

[269] France. I. 389.

[270] Petit de Julleville. 121–122. – «Avant sept ans, les Anglais laisseront un plus grand gage qu'ils n'ont fait à Orléans. Ils perdront tout en France, par une grande victoire que Dieu enverra aux Français. Je le sais, par une revélation qui m'en a été faite; je le sais aussi assurement que je sais que vous êtes en ce moment devant moi».

XXXIX

17 июля 1429 года, через три месяца после того, как св. Дева Жанна явилась миру, Карл VII коронован был в Реймсе.

Стклянница с неистощающимся миром заключалась в золотом ковчежце в виде голубя Духа Святого, потому что миро для помазания первого христианского короля Франции принесено было некогда самим Духом Святым, и стклянница оставалась полной всегда, в знак вечности королевской власти во Франции.[271]

Маршал Жиль дё Ретц, тот самый, что служил на крови детей черные обедни дьяволу, отправлен был за Святейшей Стклянницей.[272] Жанна, видевшая скрытое не только в будущем, но и в сердцах человеческих, не ужаснулась ли, увидев Голубя Духа Святого в тщательно от детской крови омытых руках «благочестивого» маршала?

После венчания, войдя к королю, став перед ним на колени и обняв ноги его, Жанна сказала:

– Воля Божия, благородный король, ныне исполнилась: я сняла осаду с Орлеана и привела вас в город Реймс на свя-

---

[271] Froissart. 1. II. Ch. LXXIV. – Flodoart. Hist, ecclesiae Remensis, collect. Guizot. V. 41 et suiv. – Dom Marleot. Hist, de la ville de Reims. II. 48.

[272] Journal du siège d'Orlans. 113. – Chronique de la Pucelle. 321. – Pierre Varin. Archives administratives de la ville de Reims. Paris: Impr. de Crapelet, 1839–1853. II. 569; III. 555.

тое венчание, показав тем, что вы – истинный король, тот, кому королевство Франции должно принадлежать… А теперь я хотела бы уйти от всего и вернуться домой, к отцу и к матери, чтобы снова пасти в поле овец…[273]

И, так говоря, плакала она; и все, глядя на нее, тоже заплакали. Плачет, потому что знает – ***помнит*** все, что с нею будет:

я уже становлюсь жертвою (II Тим. 4, 5).

На следующий день после венчания Жанна писала бургундскому герцогу Филиппу Доброму: «Жанна Дева, от имени Царя Небесного, Повелителя своего единственного, призывает вас заключить нерушимый и вечный мир с королем Франции. Все простите друг другу от чистого сердца, как должно христианам. Если же хотите воевать, то идите вместе с королем на неверных…»[274]

В эти дни Жанна могла бы действительно считать дело свое исполненным: сила королевского венчания была такова, что все пути углаживались, все города открывались и все подъемные мосты опускались перед единственным закон-

---

[273] Chronique de la Pucelle. 322–323. – Journal du siège d'Orleans. 114. – «Gentil Roi, maintenant, est fait le plaisir de Dieu que je levasse le siège d'Orléans et vous amenasse en cette cité de Reims recevoir votre saint sacre, en montrant que vous êtes vrai Roi et celui au quel le royaume de France doit appartenir». – Procès. III. 14–15. – «Je voudrais bien qu'il plut à Dieu que maintenant je me retirasse, laissant là les armes, et que j'allasse servir mes père et mere, en gardant les brebis». – «In custodiendo oves ipsorum, cun sorore et frartibus meis qui multum gauderent videre me».

[274] Petit de Julleville. 70–71.

ным королем Франции, Карлом VII. Путь его по всей стране был победоносным шествием.

XL

«Я ничего не боюсь, кроме измены», – говаривала Дева, не называя короля, но, может быть, о нем уже думая задолго до того, как он ей изменил.[275]

– Мне вас жалко: вы очень устали, отдохните! – говорит ей король после Патейской битвы.

Жанна только молча плачет, чувствуя в ласке его равнодушие и недоверие; понимая, что «вы очень устали, отдохните» – значит: «я от вас очень устал, дайте мне отдохнуть!»[276] Знает она, что снова заснет он таким же сном смертным, каким спал до нее, и что она уже не разбудит его ничем, никогда.

Карл устал от Жанны, и снова захотелось ему в «опочивальные кельи и каморы». Так же ненавидит он ее, как спящий – того, кто будит его от сладкого первого сна.[277]

После Патейской битвы Дева была на вершине власти и святости в глазах простого народа, но не первых людей Франции, ближайших королевских советников или наушников. Сир дё Ла-Тремойль, королевский ростовщик, «ненасытное

---

[275] Michelet. 217. – «Je ne crains rien que la trahison».

[276] Procès. III. 116. – «J'ai pitiè de vous et de la peine que vous endurez». – France. I. 441. – «Et audivit ipsa ex ore regis multa bona de ea… Rex habuit peitatem de ea et de poena quam portabat».

[277] Hanotaux. 211, 216.

чрево», «бездонная прорва», пожирающая всю казну, ненавидит Жанну и боится ее. «Жанна никому не верила и делала все по-своему; за это Бог ее наказывает», – объявит во всеуслышание о Деве, взятой в плен Годонами, архиепископ Реймский, государственный канцлер Реньо дё Шартр.[278]

Жанну все еще выставляют люди Церкви и политики напоказ англичанам как пугало, но сами втайне уже боятся ее или сомневаются в ней. «Что это за существо под видом женщины, Бог знает… А что, если и вправду ведьма? Какой позор – дьяволом восстановленные святые Лилии Франции!» – так, может быть, искренне думают почти все ближайшие сановники Карла и он сам иногда больше всех.[279]

---

[278] Petit de Julleville. 60. – Sire de La Tremoille. – 94. – Regnault de Chartres. – «Elle ne voulait croire personne, mais faisait tout à son plaisir».

[279] France. II. 21.

XLI

Мир нужен был англичанам и бургундцам для того, чтобы остановить французского короля и Деву на пути в Париж – сердце Франции. 28 августа 1429 года, в тот самый день, когда Жанна вступит в Сэн-Дени, чтобы начать осаду Парижа, подписан будет мирный договор с англичанами, и все, сделанное Жанной для Франции, этим постыдным и нелепым договором будет уничтожено.[280]

После венчания Карл, по совету Реньо дё Шартра, вопреки Жанне, которая хочет идти прямо на Париж, – уходит за Луару, где снова король Франции делается «захолустным королем Буржа». В то же время Ла-Тремойль и дё Шартр заключают, без ведома короля, двухнедельное перемирие с герцогом Бургундским, под тем предлогом, что по истечении двух недель Париж будет сдан Карлу. Но на самом деле герцог Бургундский пользуется этим временем, чтобы укрепиться в Париже, а герцог Бедфорд, вызвав подкрепления из Англии, укрепляется там же, и английский король, малолетний Генрих VI, готовится вступить во Францию, чтобы венчаться в Реймсе. Герцог Бургундский объявлен наместником Парижа и всего французского Севера, «регентом Франции». Все зависит от него: он может сделать Францию какой ему

[280] Hanotaux. 200.

угодно – французской или английской.[281]

Жанна чувствует, что держат ее в стороне от всего; герцогу Бургундскому не верит и хорошо видит все его обманы-западни. «Этим перемирием я недовольна и не знаю, сохраню ли его; но если и сохраню, то только ради чести короля», – пишет она гражданам Реймса.[282]

«Мир мы добудем не иначе как на конце копья», – думает Жанна вместе с маленькой кучкой последних верных друзей своих – «войском Девы» – герцогами Аленсонским, Бурбонским, Барским и графом Вандомом – все очень молодыми людьми, почти мальчиками.[283] Все остальные этого не думают, и хуже всего то, что вернейшие слуги короля, лучшие люди Франции, жаждут «изменнического мира» с Англией. Все говорят королю о безмерных народных бедствиях и о «преступном безумии войны».

«Все мы верно служили вам, государь, но душа наша унижена до праха, и утроба наша прильнула к земле, – пишет Карлу Жювенель дэз-Урсин, будущий архиепископ Реймский. – Вырыть бы общую могилу и толкнуть нас всех туда… Видя в этом королевстве такое лютое тиранство, весь народ как бы лишился рассудка, ропщет и проклинает вас и всех, кто с вами… Если бы пришел какой-либо сильный государь

---

[281] Hanotaux. 200, 203–208, 218.

[282] Procès. V. 139–140.

[283] Hanotaux. 214. – «On ne trouverait point de paix, si ce n'etait par le bout de la lance». – France. II. 9–10.

и восстановил справедливость, то, будь он даже сарацином, обезумевшие люди отдались бы ему в подданство… Бедный и верный народ ваш, государь, ждет от вас справедливости… Но вы от него скрываете ваше лицо, и забыли его, и предали».[284]

Хуже всего было то, что лучшие люди Франции если еще не говорили, то уже думали: «Полно воевать, пора заключить мир; Бог велит прощать врагам… Жанна отныне только смутительница мира, обманщица народа: кончено ее призвание».[285]

– Знайте, меня уже предали и скоро убьют, – говорила Дева простому народу, верному ей до конца. – Молитесь за меня; я уже не буду в силах служить королю и благородному королевству Франции![286]

---

[284] Amiet. 31. – Lettre de Jouvenel des Ursins.

[285] Amiet. 32. – «Jeanne, pertubatrice de la paix, abuseresse du peuple».

[286] Michelet. 217. – «Je vous le dis avec assurance… je suis trahie et bientôt je serai livree à la mort. Priez Dieu pour moi, car je ne pourrai plus servir mon Roi, ni le noble noyaume de France».

XLII

«Только покажитесь под стенами Парижа, и ворота его перед вами откроются», – пишет Карлу, вскоре после его венчания, герцог Аленсонский. Карл обещает прийти, но дни проходят за днями, а он не приходит. Кое-как наконец дотащился или, вернее, позволил себя дотащить до Сэн-Дени и здесь опять остановился – «заснул».

Но, помимо или даже против воли короля и его ближайших советников, осада Парижа началась, по настоянию Жанны и «маленького войска Девы» – последних верных ей мальчиков.

8 августа сделан был первый приступ. Здесь, под стенами Парижа, так же как там, в Орлеане, Жанна, стоя на окопах, кричит осажденным: – Именем Божьим говорю вам: сдавайтесь![287]

Так же и здесь, как там, но уже не англичане, а французы отвечают ей бранью:

– Шлюха, девка продажная!

– Только бы король показался, и добрые французы в Париже сегодня же ночью что-нибудь да сделают! – говорит Жанна.

Дно глубокого рва щупает она копьем: слишком глубок,

---

[287] Perceval de Gagny. 167. – Procès. I. 148. – Journal d'un bourgeois de Paris. 245. – «Rendez la ville au Roi de France!». – «Rendez-vous, de par Jesus, à nous tot».

чтобы завалить хворостом. Но все-таки велит заваливать.

Тучей летят ядра и стрелы с окопов. Дева ранена стрелой из ножного арбалета; но еще сильнее кричит:

– На стену! На стену! Город будет наш![288]

Но сир дё Ла-Тремойль велит отступать. Жанна не хочет уходить. Ее уносят насильно, плачущую:

– Если бы мы не отступили, Париж был бы взят![289]

Рано поутру, на следующий день, Жанна снова идет в бой, несмотря на рану, и клянется, что не уйдет, пока город не будет взят. Но приходит тайный приказ короля прекратить осаду Парижа и отвезти Жанну в Сэн-Дени. Ночью мост на Сене разрушен, тоже по приказу короля, чтобы сделать новый приступ невозможным.[290]

Жанна в Сэн-Дени, выгоняя продажных женщин из лагеря, ударила одну из них мечом св. Катерины с такою силою, что старый, много лет пролежавший в земле, ржавчиной изъеденный меч сломался – лезвие, должно быть, отскочило от рукоятки. Это дурная примета: силу свою потеряет Дева вместе с чудесным мечом.[291]

---

[288] Gasquet. 118. – «Que le Roi se montre! Les bons Français qui sont a Paris feront quelque chose cette nuit».

[289] Procès. I. 57, 246. – Perceval de Gagny. I. 26, 168. – «En nom de Dieu! la place eût été prise». – Chronique de la Pucelle. 334. – J. Chartier. I. 109.

[290] Perceval de Gagny. 168–169. – Chronique de la Pucelle. 465. – Vallet de Virville. II. 120.

[291] Procès III 99 – J Chartier. I. 109, 112. – Journal d'un bourgeois de Paris. 246. – Perceval de Gagny. 170.

13 сентября король, покинув Сэн-Дени, снова идет отдыхать – «почивать» за Луару. Жанна, следуя за ним нехотя, перед отъездом снимает с себя и вешает свой рыцарский доспех в часовне Сэн-Дени, над ракой с мощами Святителя.[292]

Знает—***помнит***, что отступление от Парижа будет для нее роковым: «призвание Девы кончено».

[292] см. сноску выше.

XLIII

Зимние месяцы 1429–1430 года Жанна проводит в убийственной для нее праздности, при дворе короля, в замках Луары, или в ничтожных и большей частью неудачных, потому что с недостаточными силами, походах-вылазках.

При осаде городка Сэн-Пьер-де-Мутье, занятого бургундцами, Жак д'Олон, оруженосец Девы, видя ее, при отступлении покинутую всеми, спрашивает:

– Что вы тут делаете одна? Отчего не уходите, как все?

– Я не одна, – отвечает Жанна. – Пятьдесят тысяч ратных людей моих со мною, и я не уйду, пока не возьму города!

Эти «пятьдесят тысяч» – легионы Ангелов.[293] «Призраков я не боюсь!» – скажет о них герцог Бургундский.[294]

Раннею весною Жанна потихоньку уходит от короля, убегает, с «мальчиками» своими и горстью ратных людей, – в том числе, за недостатком французов, чужеземцами-наемниками, чтобы возобновить осаду Парижа.

16 апреля 1430 года, в Пасхальные дни, над Мелонскими высотами, Дева слышит Голос:

– В плен будешь взята, до Иванова дня!

---

[293] Procès. III. 217–218. – Saint-Pierre-de-Moustier. – «Je ne suis pas seule: j'ai en ma compagnie cinquante mille de mes gens. Et je ne partirai point d'ici jusqu'a ce que j'aie pris la ville».

[294] Amiet. 33. – «…Qu'il ne craint point les fantômes».

– Если так, пусть тотчас же, без долгих мучений, умру! – молит она, но Голос только тихо повторяет свое:

– В плен, в плен, в плен будешь взята!

И тише еще, ближе, внятнее, ласковее:

– Будь покойна, не бойся, радуйся: Бог тебе поможет!

Голос это повторяет упорно, неотступно, почти каждый день, но ни места, ни часа не называет.[295]

[295] Procès. I. 114, 253. – Aux faussées de Melun. – «Tu seras prise avant… Saint-Jean». – «Quand je serai prise, que je meure tout aussitôt, sans longue épreuve». – «Et les Voix lui répétaient qu'elle serait prise et qu'ainsi fallait-il qu'il fût fait». – «Ne t'ébanis pas et prend tout en grè. Dieu t'aidera». – Gabriel Leroy. Histoire du Melun depuis les temps les plus recules jusqu'à nos jours. Melun: Drosne, 1887. Ch. XVI.

XLIV

23 мая Жанна идет из Парижа в осажденный англичанами и бургундцами город Компьен и в пять часов пополудни того же дня, как входит в город, делает вылазку с тремя-четырьмястами ратных людей на бургундский лагерь, у Мариньи, где французы, захватив врасплох бургундцев, безоружных и рассеянных, избивают их жестоко и грабят лагерь. Но английский отряд, потихоньку подкравшись вдоль реки Уазы, ударяет в тыл французам. Медленно отступают они, отягченные награбленной добычей, и, вдруг увидев, что будут отрезаны, бегут-кричат:

– Спасайся кто может!

Кони англичан уже упираются наглавниками в спины бегущих, так что пушки с компьенских стен не могут стрелять по врагам, не попадая и в своих. Следуя за ними по пятам до подъемного моста у ворот Компьеня, англичане могли бы войти в город. Видя эту опасность, комендант Компьеня, сир Гильом дё Флави, велит, только что большинство французов вошло в город, запереть ворота, поднять мост и опустить решетку.

Дева с горстью ратных людей, покрывая отступление, продолжает биться с бургундцами, все еще надеясь победить.

– В город, Жанна, в город, или мы все погибли! – кричат ей, но она не слушает и все повторяет:

– Нет, победим, победим![296]

Жак д'Олон, взяв лошадь ее под уздцы, хочет повернуть ее силой, но поздно: англичане уже отрезали ведущую к мосту по низкому, болотистому лугу насыпную дорогу.

Жанна вместе со своими людьми загнана в угол между окопами и дорожною насыпью, где бургундцы, оттеснив последних защитников Девы, настигают ее. Юный пикардский стрелок Лионель, схватив ее за край золотой епанчи, стаскивает с лошади, и все окружают ее в бешеной свалке.

– На слово сдавайтесь, Жанна, клянитесь! – кричит ей Батард Вандомский, боясь, что ее не возьмут живою.

– Я клялась не вам, а Другому, и сдержу мою клятву! – отвечает Жанна.

Но ее наконец схватывают, и она сдается. Лионель «счастливее, чем если бы взял в плен самого короля Франции».[297]

Деву обезоруживают и отводят в Марнийский лагерь. Только что распространилась весть, что «ведьма» взята в плен, весь лагерь наполнился победными криками.

Герцог Бургундский пожелал видеть Жанну, и, когда она подошла к нему, кое-кто из рыцарей и духовных лиц похвалил его за благочестие и храбрость, удивляясь, что «могуще-

---

[296] Procès. IV. 458. – Compiègne. Margny. Ouase. Guillaume de Flavy. – A. Lorel. La prise de Jeanne d'Arc. 209. – Perceval de Gagny. 175–176 – «Mettez-vous en peine de regagner la ville ou nous sommes perdus». – «Allez en avant! Its sont à nous!».

[297] Perceval de Gagny. 175. – J. Chartier. I. 122. – Procès. V. 166. – Amiet. 36. – «La pressait de lui bailler sa foi, pour ce qu'il était gentil-homme». – «J'ai juré et j'ai donné ma foi à Autre qu'à vous et Lui en tiendrai mon serment!».

ственный герцог не испугался этого исчадия адова».[298]

[298] D'Achery. Specilegium. III. 823. – France. II. 174. – «…Que ce très puissant Due n'eût pas peur des Larves vomies par 1'enfer».

XLV

Что такое Компьень, поражение или победа Жанны?

Дверь в Париж, сердце Франции, – Компьень: это знает Жанна, и ложится на пороге двери, чтобы телом своим преградить путь врагу в это сердце. Победоносное сопротивление осажденного Компьеня сломит волю герцога Бургундского и Бедфорда, уничтожит главный замысел их – идти в Реймс; английский король Генрих VI не будет венчан в короли Франции, и если бы даже был, то это второе венчанье могло быть в глазах всех народов только пустым и смешным обрядом, жалкою тенью первого; сколько бы ни венчали Годоны своего короля, единственным законным королем Франции останется Карл VII.

«Мира мы не добудем иначе как на конце копья», – это предсказание Жанны исполнилось. Снова здесь, в Компьене, как там, в Орлеане, поднят павший дух Франции, и этим спасается все. Темная, тайная победа, Компьен, может быть, больше явной, лучезарной, – Орлеана.

Дева знает – ***помнит***, что будет взята в плен. Голоса теперь уже молчат о победах; говорят только о страданиях: «Так должно быть… будь всему покорна и радостна». – «О дне же и часе плена мне Голоса не говорили ничего, – вспомнит Жанна на суде. – Часто я об этом спрашивала их, но они не отвечали… Если бы, впрочем, я знала день и час…

я все-таки пошла бы в Компьень, что бы со мною ни случилось»…[299]

Дочери Божьей «должно пострадать» так же, как Сыну Божию: это знает – помнит она и вольно идет на страдание.

Здесь, в Компьене, уже загорается костер св. Девы Жанны – Огненный Крест.

[299] M. Duff et N. Hope. 191–194. – «Elles (les Voix) ne me dirent pas 1'heure a la quelle je serais prise. Souvent je leur demandais de la faire connaitre, mais elles ne répondirent. Si j'avais su… j'y serais allé, quoi qu'il dût advenir».

XLVI

Жанну, пленницу свою, пикардский стрелок Лионель уступил за небольшую плату своему начальнику, Батарду Вандомскому, а тот, уже за плату бóльшую, – сюзерену своему, Жаку Люксембургскому, под чьею стражею и осталась она в Марнийском лагере. Но так как местечко Марни находилось в приходе епископа Бовезского, Пьера Кошона, то, явившись в лагерь, потребовал он выдачи пленницы. Жанна была ему и личным врагом, потому что вся паства его, только что явилась Дева, предалась королю Франции, лишив епископа митры и всех церковных доходов.[300]

В выкуп за Жанну обещает он не свои, а чужие, английские деньги, и торгуется бесстыдно, как цыган на ярмарке; сначала предлагает 6000 ливров золотом, а потом – 10 000: «цену такую дают, по французскому обычаю, только за королей».[301]

В то же время Парижский университет, эта великая Школа, «мать всех наук», «солнце христианского мира», посылает герцогу Бургундскому требование выдать Жанну, «еретицу» и «ведьму», главному Инквизитору Франции. Но гер-

---

[300] Procès. I. 13. – Albert Sarrazin. Pierre Cauchon, jude de Jeanne d'Arc. Paris: H. Champion, 1901. P. 26, 58, 108. – Evêque de Beauvais. – Vallet de Virville. Procès de condamnation de Jeanne d'Arc. 10.

[301] Procès. I. 14. – Michelet. 230–231.

цог, предпочитая остаться верным английскому королю, не соглашается выдать пленницу французам и отправляет ее из Марнийского лагеря в глубь страны, в замок Больё. Здесь обращаются с нею все еще «рыцарски-вежливо», и оруженосец ее, мессир Жак д'Олон, взятый вместе с нею в плен, продолжает ей служить.[302]

Только простой народ во Франции будет верен ей до конца, и это чувство народа – малых людей в миру – выразит только один великий человек в Церкви, архиепископ Эмбренский, Жак Желю. «Я советую вам ничего не жалеть для выкупа Девы, чтоб не заслужить упрека в неблагодарности», – скажет он королю Франции.[303] Карл будет пытаться выкупить Жанну, но вяло, робко и так же, как делает все, – точно во сне. Все остальные советники его рады будут освободиться от Жанны. «Бог попустил, чтобы Дева взята была в плен за то, что она возгордилась… и не исполняла воли Божьей, но делала все по-своему», – скажет королю архиепископ Реймский, Ренью дё Шартр, и уверит его, что вместо Жанны-пастушки послан ему Богом пастушок из Жеводана, говорящий и делающий все то же, что Жанна, но еще гораз-

---

[302] Procès. I. 8–10. – Chateau de Beaulieu. – Fanon. Hist, des tribunaux de 1'inquisition de France. Ch. II. – Henri Denifle et Émile Chatelain. Chartilarium Universitatis parisiensis. Parisis, ex typis fratrum Delalain, 1889. IV. 510. – Perceval de Gagny. Ill.

[303] Marcellin Fornier. Histoire générale des Alpes Maritimes on Cottiènes, et partieulière de leur métropolitaine Ambrun. Paris: H. Champion, 1890–1892. II. 319–320.

до лучше.[304]

[304] Procès. V. 168. – Pastourel de Géraudan.

XLVII

В первые дни августа герцог Люксембургский отправляет Деву из недостаточно надежного Больеского замка еще дальше в глубь страны, в замок Боревуар, близ города Камбрэ, где заключение становится строже и «рыцарская вежливость» уже кончается».[305]

«Я просидела около четырех месяцев в Боревуарской темнице, когда дошел до меня слух, что осажденные в Компьене будут истреблены огнем и мечом, все до семилетнего возраста, и мне захотелось лучше умереть, чем жить после такой гибели добрых людей», – вспомнит Жанна на суде.[306]

Чтобы идти на помощь Компьеню, решает она бежать из тюрьмы.

– Этого не делай, – остерегают ее Голоса. – Бог поможет тебе и людям в Компьене.

– Если им поможет Бог, я хочу быть с ними! – отвечает Жанна.

– Нет, должно тебе все принять и всему покориться. Ты не будешь освобождена, пока не увидишь короля Англии.

---

[305] Procès. I. 109–110; II. 298; III. 121. – E. Gomard. Jeanne d'Arc au château de Beaurevoir. 1865, passim.

[306] Amiet. 99. – «Je fus quatre mois environ à Beaurevoir. J'avais oui dire que ceux de Compiègne tous, jusqu'a l'âge de sept ans, devaient être mis à feu et à sang. Et moi, j'amais mieux a mourir que de vivre après une telle destruction de bonnes gens».

– Я ***не хочу*** его видеть! Лучше было бы мне умереть, чем попасться в плен к англичанам…[307]

Так в первый раз возмутилась Жанна против Голосов.

Дело идет для нее о спасении не только Компьеня и даже не только Франции, но и всего христианского мира. По тому, как простые люди к ней идут, верят ей и надеются на нее, чувствует она, что может сделать с ними все, что хочет. Спасши Францию, – а ее уже почти спасла, – начала бы главное дело свое – Крестовый поход всех христианских народов в Святую Землю – «царство Божие на земле, как на небе»; начала бы то, что Иоахим называл «великим переворотом в Третьем Царстве Духа», а мы называем «всемирной социальной революцией». И вот это ею начатое дело погублено. Кем? – этого ум ее спросить не смеет, спрашивает сердце, но Голоса молчат.

Всю свою жизнь, только что начала помнить себя, – что-то делала. И вот вдруг все дела кончились. Но так же невозможно было ей ждать конца, ничего не делая, как заживо погребенному не стучаться в крышку гроба.

Вот почему возмутилась она против Голосов. «Этого не делай», – говорили Они; но она все-таки сделала.

---

[307] Procès. I. 150–151. – «Dieu vous aidera et pareillement ceux de Compiègne». – «Puisque Dieu aidera ceux de Compiègne, j'y veux etre». – «Sans faute, il faut que vous preniez tout en grè. Et vous ne serez point delivrée tant que vous n'aurez vu le roi des Anglais». – «Vraiment, je ne le voulusse point voir; j'amaisse mieux mourir que d'être mise en la main des Anglais».

XLVIII

Однажды, узнав, что приехал епископ Бовезский, Пьер Кошон, и предлагает за нее «цену крови», Жанна прикрепила несколько связанных и скрученных жгутом старых одежд или простынь к железному крюку оконной ставни (не было, должно быть, решетки в окне, потому что оно казалось слишком высоким, чтобы узница могла из него выпрыгнуть) и, держась за это подобие веревки, начала спускаться на тюремный двор. Но, может быть, больше, чем на веревку, надеялась на Ангелов, «Братьев своих небесных»:

> Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею.

Кем и Кому это сказано, и Кто кому ответил на это:

> Господа Бога твоего не искушай (Лк. 4, 12), —

забыла или слишком поздно вспомнила, когда уже то, на чем висела, оборвалось, и она упала с высоты шестидесяти футов на мостовую двора.

Страшно разбитая, полуживая, но все еще надеясь бежать, доползла до тюремных ворот, где увидели ее сторожа.

– До смерти убилась, до смерти! – закричали они, подбегая к ней.

Жанна казалась бездыханной, но была жива.

– Будешь жива, не бойся; только исповедуйся, причастись

и попроси у Бога прощения! – сказали ей Голоса.

Так она и сделала. Три дня была больна, не пила, не ела, а потом поправилась.[308]

Против Голосов уже не возмущалась; лучше поняла, что значит: «Должно тебе пострадать». Но, может быть, на дне души оставался вопрос без ответа, как на дне чаши – капля яда: кем и для чего не она, а дело ее – Божие дело – погублено?

[308] Procès. I. 110, 151, 166. – Journal d'un bourgeois de Paris. 268. – Morosini. III. 301–303.

XLIX

Герцог Филипп Бургундский по просьбе сира Люксембургского, который, боясь внезапного нападения французов, не был спокоен за пленницу, велел в конце сентября отвезти Жанну еще глубже в страну, в город Аррас.

Новый торг начался о выдаче Девы. Тщетно герцогиня Люксембургская, кинувшись перед мужем на колени, умоляла его не бесчестить себя предательством. После долгой торговли согласился он на предложенную «цену крови» – 10 000 ливров золотом и в середине ноября выдал Жанну англичанам, а те отвезли ее в Руан, где заключили в старый замок короля Филиппа Августа, на склоне Буврейльского холма. В том же замке жил в те дни и английский король Генрих VI, больной девятилетний мальчик, тоже невинная жертва.[309]

Очень умно решили англичане судить Жанну не военным и не гражданским, а церковным судом, за «ересь» и «колдовство». «Если, – думали они, – Церковь признает, что вела войска и венчала в Реймсе Карла Валуа в короли Франции одержимая бесами ведьма, – какой будет для него и для всей

---

[309] Procès. III. 136–137. – Albert Sarrazin. Jeanne d'Arc et la Normandie au XV-e siècle. Rouen: L. Gy, 1896. Ch. V. – Vallet de Virville. Hist, de Charles VII. Vol. II. 198. – François Valentin Bouquet. Notice historique et archéologique sur le donjon du château de Philippe-Auguste, bâti a Rouen en 1205, aujourd'hui tour Jeanne d'Arc. Rouen: E. Auge, 1877. P. 7 et suiv. – Bouvreuil.

Франции позор!»[310]

[310] Valerandus Varanius. De gestis Joannae Virginis, Francae egregiae bellatricis; poeme de 1516 remis en lumière, analysé et annoté par E. Prarond. Paris: Picard, 1889. Civ. IV. 100. – France. II. 201–202.

L

«In nomine Domine. Amen. – Incipit processus in causa fidei contra quondam quamdam mulierem, Johannam, vulgariter dictam la Pucelle».

«Во имя Господне. Аминь. – Суд начинается, по делу веры, над неким – некоей, в народе именуемой Девою».[311] «Некий – некая» значит: «неизвестного пола существо под видом женщины».

Этот приказ был подписан 3 января 1431 года королем Англии, больным девятилетним мальчиком: жертва судит жертву, невинный – невинную.

Два главных судьи – епископ Бовезский, Пьер Кошон, которому обещают англичане архиепископскую митру в Руане, и доминиканский приор, брат Жан Лемэтр, наместник великого Инквизитора Франции.[312]

«Мы хотим, чтобы суд наш был образцовым», – говорит епископ Бовезский, предвкушая то, что будет.[313]

«Это не наших рук дело, а Божьих: Бог покарал французов за грехи», – говорил английский король Генрих V, после страшной Азинкурской бойни, глядя на груды голых окровавленных тел. «Я вел святую войну с благословения Церк-

---

[311] Amiet. 3.

[312] Amiet. 66.

[313] Duff et Hope. 226. – «Nous avons intention de faire un beau proces».

ви», – скажет он и на смертном ложе.[314]

Надо было англичанам осудить и казнить Жанну, «во имя Господне», чтобы доказать, что с ними Бог, а не с французами. Если король Франции с Жанной – от дьявола, то король Англии – от Бога, и наоборот.[315]

Франции душа бессмертная – Дева Жанна – в цепях у англичан; но ошибка их в том, что эту бессмертную душу могут они умертвить.

– Если меня англичане убьют, – говорила Жанна, – то я, после смерти, буду вредить им больше, чем при жизни, и, сколько бы меня ни убивали, все, для чего я пришла, – исполнится![316]

---

[314] Hanotaux. 126. – Azincourt. – «Ce n'est pas nous qui avons fait cette tuerie, mais Dieu tout-puissant pour les péchés des Français». – Rabbe. Jeanne d'Arc en Angleterre. 13. – «Ma guerre est été appronvée par les saints prêtres».

[315] Michelet. 226, 235.

[316] Amiet. 103. – «…Si les Anglais la faisaient mourir, elle leur nuirait plus après sa mort que durant sa vie, et… malgrè sa mort, tout ce pourquoi elle été venue, s'accomplirait».

LI

Очень боялись англичане, чтобы французы не освободили Жанну внезапным нападением или хитростью; но, может быть, еще больше боялись, что «ведьма» знает освобождающее от цепей волшебное «слово», «заговор».[317] Жанна в цепях была им так же страшна или даже страшнее, чем на полях сражений. Вот почему посадили ее, как хищного зверя, в железную клетку, такую низкую, что в ней нельзя было стоять, и еще приковали к ней цепями за шею, за руки и за ноги.[318] И потом, когда уже выпустили из клетки, – днем надевали ей на пояс, а ночью на ноги двойную, прикрепленную к стене тюрьмы железную цепь.[319] И глаз не спускали с нее пять тюремщиков из тех английских ратных людей, настоящих разбойников, которых французы называли «кошелерезами», спавших в той же тюремной келье, где Жанна.[320]

Английские вельможи и рыцари обращались с нею не лучше, а может быть, и хуже этих разбойников.

Когда герцогиня Бедфордская, вместе с другими «опытными» женщинами, исследовала девство Жанны (по той же причине, как некогда пуатьерские судьи: потому что дьяво-

---

[317] Amiet. 46–47.

[318] Procès. III. 155; II. 132.

[319] Procès. II. 18.

[320] Amiet. 73. – «Houcepaillers».

лом растленное девство – несомненный признак «ведьмы»), то герцог Бедфордский, регент Англии (конечно, не без ведома супруги, потому что оба были слишком добродетельны, чтобы могло быть иначе), подсматривал в щелку.[321] А когда Жанна, не на суде, а в тюрьме, забывши, должно быть, с кем имеет дело, однажды воскликнула: «Будь во сто раз больше Годонов, они не получат Франции!» – то один из английских «благородных людей», «джентельменов», сэр Гемфри, констебль Англии, выхватив из ножен шпагу, ударил бы скованную девушку, если бы другой «джентельмен», граф Варвик, военный градоначальник Руана, главный тюремщик Жанны, не удержал его за руку, потому что за нее было «слишком дорого заплачено», не английской кровью, а золотом.[322]

[321] Procès. III. 155, 163. – Sarrazin. 40.

[322] Procès. III. 121–123. – Sir Humfrey. Comte Warwik. – «Quand ils seraient cent mille Godons de plus… ils n'auront pas le Royaume».

LII

21 февраля 1431 года, в восемь часов утра, в часовню Руанского замка, в присутствии монсиньора епископа Бовезского, Пьера Кошона, брата Лемэтра, наместника главного Инквизитора Франции, Генриха, герцога Бедфордского, архиепископа Винчестерского и кардинала Англии, а также множества французских и английских епископов, аббатов, священников, архидиаконов, каноников, мѐонахов бенедиктинского, доминиканского, францисканского и других орденов, докторов и бакалавров богословия и законоведения, – введена была для первого допроса Жанна, с цепями на ногах, в мужском платье, казавшемся судьям ее невиданным «бесстыдством и мерзостью».[323]

– Жанна, думаете ли вы, что посланы Богом? – спрашивает ее епископ Бовезский.

– Лучше бы я хотела быть четвертованной, чем прийти к людям, не будучи посланной Богом, – отвечает Жанна так, как будто не судима, а судит. – Вы говорите, что вы – мои судьи. Но берегитесь… ибо я воистину послана Богом… Я знаю, что англичане будут изгнаны из Франции… я это знаю так же несомненно, как то, что вижу вас перед собой… Если бы этого Господь не говорил мне каждый день, – я умерла

[323] Procès. I. 35, 40–42. – Amiet. 71–73. – «Difformitate habitus».

бы давно![324]

[324] Procès. I. 74–75. «J'aimerais mieux être tirée à quatre chevaux que d'être venue en France sans congé de Messire». – Procès. I. 62, 154. – «Vous dites que vous êtes mon juge; faites attention, car je suis, en verité, envoyée de par Dieu». – Procès. I. 84. – «Les Anglais perdront tout en France… je le sais aussi bien que je vous sais maintenant devant moi».

LIII

Дольше, упорнее и хитрее всего, со множеством судейских и богословских ловушек, допрашивали ее о посланном королю «знаке» и об открытой ему Жанной «тайне» в их первом Шинонском свидании. Сразу поняла Жанна, что судьям нужно об этом допытаться для того, чтобы обвинить не только ее, но и короля в крайнем отступлении от Церкви и в ереси злейшей – колдовстве. Тонко и твердо отличая «тайну» от «знака», говорила она только о нем, чтоб оправдать короля, а о тайне молчала, слова не проронила до конца.

– Не был ли тот знак венцом золотым, серебряным или из драгоценных камней? – спрашивали судьи, пытаясь подойти через «знак» и к «тайне».

– Этого я вам не скажу, – отвечала Жанна и, как будто смеясь над ними и дразня их, прибавила: – Знак вам нужен один, – чтоб освободил меня Господь из ваших рук: это и будет для вас вернейшим знаком![325]

– Не было ли Ангела над головой короля, когда ваши Голоса указали вам на него? – подходят судьи с другой стороны.

– Будет об этом! – отвечает Жанна так спокойно и властно,

---

[325] Procès. I. 120–122. – «Quel est le signe qui vint à votre roi?.. Est-ce or, argent ou pierre precieuse, ou couronne?». – «Je ne vous en dirai autre chose… Le signe qu'il vous faut, à vous, c'est que Dieu me délivre de vos mains, et est le plus certain qu'il vous sache envoyer».

как будто не судьи, а она сама ведет допрос.[326]

– Вы должны говорить все, что знаете, – настаивают судьи.

– Нет, всего я вам не скажу, лучше отрубите мне голову! – говорит она так, что все чувствуют: как говорит, так и будет; умрет, а всего не скажет.[327]

[326] Gasquet. 146. – «Passez outre!».

[327] Procès. I. 93. – «Il faut dire ce que vous savez». – «Plutôt de dire tout ce que je sais, j'aimerais que vous me faissez couper le cou!».

LIV

Множество законоведов и богословов ученейших, – всего Парижского университета и всей Римско-католической церкви цвет, – собралось на эту безграмотную сельскую девочку, почти ребенка, и ничего не может с нею сделать. Ловят ее, в каждом вопросе ставят ей западню; но она неуловима для них, как птица – для гончих.[328]

– Говорит ли св. Маргарита по-английски?

– Как могла бы она говорить по-английски, не будучи на стороне англичан?

– Значит, святые англичан ненавидят?

– Любят они тех, кого любит Бог, и ненавидят, кого Бог ненавидит.

– Значит, Бог англичан ненавидит?

– Этого я не знаю; знаю только, что англичане изгнаны будут из Франции!

– Не являлись ли вам св. Катерина и св. Маргарита, у Фейного дерева?[329]

В этом вопросе, как будто невинном, – тоже западня: мнимые святые, – может быть, действительные Феи, духи нечистые.

---

[328] Procès. I. 178. – «De 1'amour ou haine que Dieu a pour les Anglais… je ne sais rien. Mais je sais bien qu'ils seront boutés hors de France». – Amiet. 96.

[329] Amiet. 94.

– Как от них пахло, хорошо или дурно?

Это значит: «Не пахло ли адскою серой?»

– Очень хорошо пахло, очень хорошо! – отвечает Жанна детски просто и доверчиво. – Я их обнимала и целовала…

И вдруг опять, как будто смеется над судьями, дразнит их:

– А больше я вам ничего не скажу!

– Был ли Архангел Михаил одет или гол?

– Думаете ли вы, что Богу нечем его одеть?

– Как же вы узнавали, кто вам является, мужчина или женщина?

На этот вопрос, гнусный и глупый, – жалкий лай гончих на улетающую птицу, – Жанна могла бы совсем не ответить, но отвечает опять детски просто и невинно:

– Я узнавала это по голосам, лицам и одеждам.

– Длинные ли у них волосы или короткие?.. Нет ли чего-нибудь между волосами и венцами?

Это значит: «нет ли у них бесовских рогов?» Искренне, может быть, думают святые отцы-инквизиторы, что это ***могло быть***; не знают наверное, было или не было; ставя ей западню, сами в нее попадаются, а она только смеется над ними.[330]

---

[330] Amiet. 94–95. – «…Fleuraient-elles bon?». – «…Elles fleuraient bon… Je les ai accolees… Mais vous n'en aurez autre chose…». – Procès. 97. – «Saint-Michel était-il nu?». – «Pensez-vous que Dieu n'ait pas de quoi le vétir?». – Procès. 98. – «Comment savez-vous si ce qui vous apparait est homme ou femme?». – «Je les reconnais a leurs voix… Je vois leurs faces, et toujours dans le même habit…». – Procès. 95. – «Leurs cheveux sont-ils longs?.. Y a-t-il quelque chose entre leurs couronnes et leurs

chevelures?».

LV

Вот когда эти мудрые старцы могли бы понять, что значит: «из уст младенцев устроил хвалу»; «утаил сие от мудрых и открыл младенцам».

Этот почти непрерывный шестимесячный допрос, поединок Юной, Безумной, Святой, с грешными, умными, старыми, – как бы непрерывное, воочию перед нами совершающееся чудо Божие.

Так же неуязвима и радостна Жанна под огнем перекрестных вопросов, как под огнем пушек на поле сражения, и радость эта искрится в ее ответах, как светлое вино родных шампанских и лоренских лоз.

Эта «простенькая», «глупенькая» девочка приводит этих всегда молчаливых, спокойных и сдержанных людей в такую ярость, что вдруг вскакивают они и говорят все вместе, перебивая друг друга, не слыша и не понимая сами, что говорят.

– Тише, отцы мои любезные, тише! Не говорите же все вместе, – останавливает их Жанна, с такой веселой улыбкой, что все они, вдруг опомнившись и застыдившись, умолкают.[331]

– Слыша Голоса, видите ли вы свет? – спрашивает кто-то.

– Свет исходит не только от вас, мой прекрасный сеньор! –

---

[331] Gasquet. 160. – «Ne parlez pas tous à la fois, beaux pères!». – Amiet. 79. – «… Faites 1'un après l'autre…».

отвечает Жанна так быстро и живо, что многие невольно усмехаются.[332]

– Я уже на это раз отвечала… Поищите в ваших бумагах, – говорит она одному из письмоводителей.

Тот ищет и находит.[333]

– Ну вот видите. Будьте же впредь внимательней, а не то я вам уши надеру, – шутит она так весело, как будто это не суд, а игра.

– Жанна, хорошо ли, что вы дрались под Парижем, в день Рождества Богородицы?

– Будет об этом! – отвечает она, потому что знает, что они все равно не поймут, что это было хорошо.[334]

– Видели вы, Жанна, как льется английская кровь?

– Видела ли? Как вы осторожно говорите! Да, конечно, видела. Но зачем же англичане не уходили из Франции?

– Вот так девка, жаль, что не наша! – восхитился кто-то из английских рыцарей.

– Молчите! – кричит на него епископ Бовезский и продолжает, обращаясь к Жанне:

– Вы и сами убивали?

– Нет, никогда! Я носила только знамя.[335]

---

[332] Procès. I. 74–75. – «Toutes les lumières ne viennent pas à vous, mon beau seigneur!».

[333] Petit de Julleville. 124. – «Ne vous trompez plus comme cela, ou bien je vous tirerai les oreilles!».

[334] Gasquet. 156. – «Passez outre!».

[335] Gasquet. 152. – «Vous avez done vu le sang anglais se repandre?». – «En nom de

Почему в Реймсе, на королевском венчании, не было ни одного знамени, кроме вашего?

– Кому труд, тому и честь, – отвечает она, и все на минуту умолкают, точно ослепленные молнией: так прекрасен ответ.[336]

Dieu! si je 1'ai vu? Comme vous parlez doucement! Que ne partaient-ils de France et n'allaient-ils dans leur pays?». – «La brave fille! Que n'est-elle Anglaise!» – «Silence! Mais vous. avez-vous frappé?». – «Jamais! Je portais ma bannière…».

[336] Petit de Julleville. 133. – «Pourquoi votre étendart fut-il porté au Sacre, plutôt que ceux des autres capitaines?». – «Il avait été à la pleine… il fut à 1'honneur!».

LVI

Многие ответы ее на самые темные и сложные вопросы богословской схоластики – чудо детской простоты. Кажется иногда, что не сама она говорит, а Кто-то – через нее:

> Будет вам дано, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух (Мт. 10, 19–20).

– Будете ли вы, Жанна, в раю или в аду? Что вам говорят об этом Голоса?

– Буду, говорят, спасена, и я этому верю так, как будто я уже сейчас в раю!

– Эти ваши слова большого веса, Жанна.

– Да, это для меня великое сокровище![337]

– Думаете ли вы, что находитесь в состоянии благодати? – спрашивает ученейший доктор Парижского университета, мэтр Жан Бопэр.

Ропот возмущения проносится между судьями. Кто-то из них замечает, что подсудимая может не отвечать на такие вопросы.

– Молчите, черт вас побери! – кричит епископ Бовезский.

Но Жанна отвечает так, что все удивляются:

– Если я еще не в состоянии благодати, – да приведет меня

---

[337] Procès. 156 – «Je crois… ce que mes Voix m'ont dit que je serai sauvée, aussi fermement que si j'y fusse déjà (au Paradis)». – «…C'est là une répouse de grand poids». – «Qui, et c'est pour moi un grand trésor!».

к нему Господь, а если я уже в нем, – да сохранит. Я была бы несчастнейшим в мире существом, если бы не надеялась на благодать Божью.[338]

«Сам дьявол внушает этой бестыжей девке такие ответы», – полагают судьи.[339] Дьявол или Бог – в этом, конечно, весь вопрос.

– Я полагаю, – говорит один из судей, – что Жанна в таком трудном деле против стольких ученых законоведов и великих богословов не могла бы защищаться одна, если б не была вдохновляема свыше.[340]

«Жанна слишком хорошо отвечает», – думает все с большей тревогой мессир Пьер Кошон. В самом деле, юность, слабость ее и беззащитность внушают к ней судьям такое участие, что во время допросов они потихоньку делают ей знаки, как отвечать.

– Зачем ты помогаешь ей знаками? – кричит граф Варвик в бешенстве на доминиканского монаха, брата Изамбера. – Если не перестанешь, негодяй, я велю тебя бросить в Сену![341]

---

[338] Procès. I. 65. —Jean Beaupère: «savez-vous si vous êtes en grâce de Dieu?». – Amiet. 163. – «Taceatis in nomine diaboli!». – «Si je n'y suis pas, Dieu m'y mette, et si j'y suis, Dieu m'y garde. Je serais la plus dolente du monde, si je savais ne pas etre en grâce de Dieu».

[339] Gasquet. 149. – «C'est le Matin qui se mêle de dicter les résponses de 1'effrontée ribaude».

[340] Duff et Hope. 235. – Guillaume Manchon: «à mon avis, il était impossible que, dans une cause aussi difficile, Jeanne suffit a se défendre elle même contre si grands docteurs, si habiles maitres, si elle n'eût été inspirée».

[341] Petit de Julleville. 126–127. – «Pourquoi done aides-tu à cette méchante en lui

– Этот суд недействителен… я не хочу больше на нем присутствовать, – говорит мэтр Жан Логиэ, именитый клерк Нормандский, покидая Руан. И многие другие признавались впоследствии: «Мы хотя и были на суде, но все время думали только о том, как бы убежать.[342]

– Что ты думаешь, сожгут ее? – спрашивает один из певчих замковой часовни тюремного пристава, священника Жана Массие.

– Я ничего не видел от нее, кроме доброго и честного, но каков будет конец, не знаю, – отвечает тот.

Варвик, узнав об этом ответе, остерегает Массие:

– Берегитесь, чтоб не дали вам напиться воды в Сене![343]

---

faisant tant de signes? Par la morbleu, vilain, si j'aperçois plus que tu mettes peine de la deliver… je te ferai jeter en Seine!».

[342] Procès. III. 138. – Jean Lohier. – Procès. II. 359. – «Nous assistâmes au proces, mais nous fûmes dans la pensée de fuir».

[343] Gasquet. 155–156. «Que te semble, sera-t-elle arse?». – Massieu: «jusque ce jour, je n'ai vu que bien et honneur en elle, mais je ne sais quelle sera la fin». – «Prenez garde… qu'on ne vous envoie pas (à la Seine) boire de 1'eau plus que de raison…».

LVII

«Верные и ловкие люди должны выманивать у еретика признания, обещая ему избавление от костра», – советует папа Иннокентий III судьям Святейшей Инквизиции.[344] Этому совету следуют и судьи Жанны.

Мэтр Никола́ Луазолёр, руанский каноник, особенно хитер и ловок в выманивании у Жанны признаний. Переодевшись мирянином, входит он к ней в тюрьму, выдает себя за ее земляка из Лорены, башмачника, верного друга французов, взятого в плен Годонами, сообщает ей мнимые вести от короля и ловко расспрашивает ее о Голосах; или исповедует под видом священника, и спрятанный тут же писец записывает исповедь. В городе уверяют, будто бы мэтр Луазолёр является Жанне и ряженым, то св. Катериной, то св. Маргаритой, с той целью, чтобы выманить нужные для суда признания.[345]

Дня через четыре после первого допроса Жанна, поевши присланной монсиньором Кошоном рыбы, так внезапно и тяжело заболела, что думала – отравлена.

– Подлая девка, продажная, должно быть, какой-нибудь

---

[344] Nicolas Eymeric. Directorium inquisitorum. Venetiis: Apud Marcum Antonium Zalterium, 1595. III. – Cautelae inquisitorum contra haereticorum cavilationes et fraudes.

[345] Procès. II. 342; III. 140, 156, 160, 181. – Nicolas Loisoleur. – Amiet. 133.

дряни наелась! – кричит на нее, догадываясь об ее подозрении, главный судебный обвинитель, промотор, мэтр Жан д'Эстивэ.

– Сделайте все, чтоб вылечить ее, – говорит граф Варвик врачам. – Слишком дорого купил ее король, чтобы дать ей умереть естественной смертью![346]

Выздороветь едва успела, как возобновились допросы, но не с большим успехом, чем прежде. Сжечь «еретичку нераскаянную» было очень легко, но непочетно, а довести ее до раскаяния казалось невозможным. Судьи пришли бы в отчаяние, если бы епископу Бовезскому не дано было «свыше», как он думал, найти уязвимое место в Жанне – «непослушание Церкви».

– Есть Церковь Торжествующая, в которой пребывает Бог, Святые и Ангелы и души праведных; есть и Церковь Воинствующая, в которой находятся Святейший Отец наш, папа, и прелаты, и клир, и все добрые христиане-католики. Церковь эта непогрешима, потому что Духом Святым водима. Согласны ли вы, Жанна, быть послушной Церкви Воинствующей? – спрашивают судьи.

– Я пришла к королю Франции от Бога, от Пресвятой Девы Марии и от всех Святых на небе – от Церкви Торжествующей… Только ей одной я хочу быть послушна во всем, что

---

[346] Procès. III. 49. – Jean d'Estivet, promoteur: «putain, paillarde!.. c'est toi qui as mangé harengs et autres choses à toi contraires». – «Le roi ne veut pour rien au monde qu'elle meurt de mort naturelle… 1'ayant chérement achetée».

делаю, – отвечает Жанна.

– Но если бы Церковь Воинствующая сказала вам, что ваши Голоса – от дьявола, покорились ли бы вы ей?

– Я покорюсь только Богу… Лучше мне умереть, чем отречься от того, что велел мне сделать Бог…

– Значит, вы Церкви Земной непокорны?

– Нет, покорна, но Богу послуживши Первому![347]

Твердо стояла на этом Жанна; но что-то, может быть, промелькнуло в глазах ее, от чего у монсиньора Кошона сердце вдруг радостно ёкнуло, как у птицелова, когда на тихое кликанье дудочки отвечает перепел. В первый раз за все время суда почувствовал он Жанну во власти своей, как пойманную в крепко зажатой горсти трепещущую птицу.

«Будет наша вся, до последней косточки!» – подумал он радостно.[348]

---

[347] Procès. I. 174–176 – «Je suis venue au roi de France, de par Dieu, de la Vierge Marie et de tous les benoîts Saints et Saintes du paradis et de 1'Eglise victorieuse de lahaut. Et à cette Eglise-là je soumets… tout ce que j'ai fait ou à faire». – Hanotaux. 306. – «Si 1'Eglise militante vous dit que vos révélations sont… choses diaboliques, vous en rapporterez-vous a 1'Eglise?». – Procès. I. 178. – «J'aime mieux mourir que de révoquer ce que Notre-Seigneur m'a fait faire». – Hanotaux. 306. – «Ne vous croyez-vous donc pas soumise a 1'Eglise… qui est sur la terre?». – «Oui, je me crois soumise, mais Dieu premier servi».

[348] Amiet. 217. – «Elle sera prise… On 1'aurat jusqu'à 1'os!».

LVIII

В двадцать пять дней – пятнадцать допросов на суде, длившихся иногда по три, по четыре часа, и множество – в тюрьме. Как ни велико было мужество Жанны, телесные силы ее истощались, и наконец она заболела снова, и на этот раз так тяжело, что казалась при смерти.[349]

18 апреля епископ Бовезский и наместник Инквизитора Франции Жан Лемэтр в сопровождении нескольких докторов богословия входят к ней в тюремную келью.

– Церковь никогда не закрывает лона своего для тех, кто в нее возвращается, – говорит ей епископ.

– Я так больна, что могу умереть… Дайте же мне исповедаться и причаститься, – просит Жанна.

– Будьте покорны Церкви во всем, и вас причастят.

Жанна молчит, и по тому, как молчит, видно, что отказывается от причастия.

– Я прошу вас об одном, – говорит после молчанья, – если я умру в тюрьме, похороните меня в освященной земле. Но если вы и этого не сделаете, я все-таки надеюсь на Господа…

– Жанна, скажите нам причину, хоть одну причину того, что вы не хотите быть послушны Церкви, – говорит Пьер Кошон.[350]

---

[349] Procès. II. 350, 365; III. 51.

[350] Procès. I. 36–378. – «Il me semble, vu la maladie que j'ai, que je suis en

Жанна молчит, но епископ чувствует снова, что пойманная птица трепещет у него в горсти.

---

grand danjer de mort… Je vous requiers de me faire avoir confession et le Corps de mon Seigneur…». – «Si voulez avoir les Sacrements, vous devez vous soumettre à 1'Eglise». – «Si mon corps meurt en prison, je m'attends à vous que vous le fassiez mettre en terre sainte; si vous ne 1'y faites mettre, je m'en attends à Notre-Seigneur».

LIX

3 мая, в день Воздвижения Креста Господня, явился Жанне Архангел Гавриил, может быть, в том виде, в каком изображен был на знамени Девы с белыми лилиями Франции, и, может быть, сказал ей так же, как Деве Марии:

радуйся, Благодатная!

И так же «смутилась» она, «убоялась» от слов его; и так же услышала: «Не бойся, Жанна, ибо ты обрела благодать у Бога»; и так же ответила:

се, раба Господня!

С этого дня ей сделалось легче и начала она выздоравливать с такой чудесной быстротой, что все удивлялись: точно мертвая вставала из гроба.[351]

Утром 9 мая привели ее в главную башню тюремного замка, где находилась пыточная палата с дыбами, раскаленными жаровнями, железными клещами, ручными и ножными тисками, ногтяными иглами и другими орудиями пытки. Тут же стояли наготове два палача.

Монсиньор Бовезский в присутствии наместника главного Инквизитора Франции Жана Лемэтра и девяти докторов богословия, трижды прочтя подсудимой вопросы, на которые уже много раз отказывалась она отвечать, угрожал ей

[351] Procès. I. 384. – Amiet. 192.

пыткой, если она и теперь не ответит.

– Члены мои все растерзайте и душу из тела выньте, – я вам больше ничего не скажу, а если бы даже и сказала, то отреклась бы потом от слов моих и объявила бы, что они у меня вынуждены пыткой! – ответила Жанна так бесстрашно, что судьи, отойдя в сторону, долго совещались, прибегать ли к пытке, и наконец решили не прибегать, во-первых, потому что дьявол мог сделать с нею то же, что с другими колдунами и ведьмами во время жесточайших пыток, – послать ей «дар немоты»; а во-вторых, потому что «суд был такой образцовый, что пыткой испортить его было бы жаль». Кроме этих двух явных причин, была и третья, тайная: поняли судьи, что пытка духовная больше телесной, потому что муки тела кончаются смертью, а мука души бесконечна.[352]

Снова подойдя к Жанне, начали они увещевать ее «с милосердием», доказывая многими богословскими доводами, что Голоса ее – от дьявола: «св. Катерина – бес Велиар, св. Маргарита – бес Бегемот, а Михаил Архангел – сам Сатана».[353] Но так «ожесточилось» сердце ее, что все эти доводы были для нее, как об стену горох.

---

[352] Procès. I. 399–400. – «Vraiment, si vous me deviez arracher les membres et faire partir 1 âme hors du corps, je ne dirais autre chose et, si je vous disais quelque chose, après dirais-je toujours que vous me 1'avez fait dire par force». – Procès. I. 402–404. – «C'est un procès bien fait; la torture le gâterait». – France. II. 338. – «Donum taciturnitatis».

[353] Procès. I. 414. – Jacques Paul Migne. Dictionnaire des sciences occultes. Paris: Chez 1 èditeur, 1846–1852.

– Нет, – повторяла она, – Бог был во всем, что я делала; дьявол не имеет надо мной никакой власти… Мне Голоса говорят, что я буду освобождена великой победой… И еще говорят: «Все принимай с радостью, пострадать не бойся, – будешь в раю!» И твердо верю я, что Господь не покинет меня и скоро поможет мне чудом!

– Жанна, дочерь наша возлюбленная, – воскликнул монсиньор Бовезский, чуть не со слезами на глазах, – если вы не покоритесь святой нашей Матери Церкви, вас сожгут на костре!

– Пусть сожгут! Я больше ничего не скажу и в огне костра! – ответила Жанна и, помолчав, прибавила: – Спрашивала я Голоса мои, должно ли мне покориться людям Церкви, и они ответили мне: «Если хочешь, чтоб Господь тебе помог, Ему одному покорись!»[354]

Но лучше бы этого не прибавляла она; только что сказала: «Церковь», – как что-то опять промелькнуло в лице ее, от чего епископ понял, что не ошибся, предпочтя телесной пытке духовную: так же ясно, как видит палач, что стальные, раскаленные докрасна иглы входят под ногти пытаемой жертвы, – увидел он, что в сердце Жанны входит мука о Церкви, бо́ль-

---

[354] Michelet. 263. – «Dieu a toujours été… en ce que j'ai fait; le diable n'a jamais eu puissance en moi». – Procès. I. 154, 156. – «Les Voix me disent que je serai délivree par grande victoire. Et après, elles me disent: „prends tout en grè, ne te chaille de ton martyre; tu t'en viendras enfin dans le royaume de Paradis…". – Amiet. 190. Procès. I. 441–442. – „Si je voyais allumer les bourrées… et moi étant dans le feu, je n'en dirais autre chose".

шая, чем сердце человеческое может вынести.

Пьер Кошон, может быть, не был злым человеком и Жанну втайне жалел, но был уверен, что делает Богу угодное дело, и совесть у него была так же спокойна, как у всех тогдашних судей-инквизиторов, «потому что, – говорили они, – сам Бог, осудивший Адама и Еву в раю, был первым Судьей-Инквизитором».[355]

[355] Ch. Lea. De origine Officii S. Inquisitionis. 457.

LX

Три кардинала, четырнадцать епископов, десять аббатов, множество священников и весь Парижский университет утвердили приговор суда над Жанной. «Пастырский подвиг ваш удостоится венца нетленного», – писали доктора Парижского богословского факультета монсиньору епископу Бовезскому.[356]

24 мая, рано поутру, вошел в тюремную келью Жанны мэтр Жан Бопэр, знаменитый доктор богословия, бывший ректор Парижского университета, вместе с мэтром Никола́ Луазолёром, тем самым, который так чудесно рядился то лоренским башмачником, то св. Катериной, и объявил Жанне, что ее поведут сейчас на эшафот для выслушания приговора.

– Жанна, если вы – добрая христианка, – сказал мэтр Бопэр в заключение, – то будьте послушны во всех ваших делах и словах святой нашей Матери Церкви в лице ваших судей.

– Так я и сделаю! – ответила будто бы Жанна.[357] Если бы она действительно ответила так, то монсиньор Бовезский мог лишний раз убедиться, что не ошибся: мука о Церкви

---

[356] Procès. I. 409. – «Le Prince des Pasteurs accordera, certainement, à votre révérée sollicitude pastorale une couronne de gloire immarescible».

[357] Procès. 21. – Jean Beaupère: «se vous êtes bonne chrétienne, vous direz que vous soumettez tous vos faits et dits à notre sainte mère 1'Eglise et, specialement, aux juges écclésiastiques». – «Ainsi ferai-je!».

была для нее бóльшею, чем сердце человеческое может вынести. Сердце «дочери Божьей» сказало Отцу так же, как сердце Сына Божия: «Авва Отче… пронеси чашу сию мимо меня».

– Верьте, Жанна, вы еще можете спастись, – прибавил мэтр Луазолёр, – только сделайте все, что вам скажут, и вас отдадут в руки Церкви, и все будет хорошо…[358]

Но чтó с нею сделает Церковь, об этом он умолчал.

Жанну повезли в телеге, под конной и пешей английской стражей, в предместье Бур-л'Аббэ, на Сэнт-Уэнское кладбище, где ожидала ее огромная толпа англичан и французов, взвели на один из двух эшафотов, а на другой взошел епископ Бовезский и мэтр Гильом Эрар, «муж именитый, священной теологии доктор», кардинал Винчестерский, граф Варвик и другие английские сановники.

– Не было никогда еще во Франции такого чудовища, как Жанна, ведьма, еретица и раскольница, – начал мэтр Гильом увещание милосердное. – А какова она, таков и кощунственно ею венчанный король… О, как ты жестоко обманут, благородный некогда и христианнейший дом Франции! Карл, именующий себя королем, участвуя в словах и делах еретицы сей, сделался и сам подобным ей еретиком… Слышите, Жанна, я вам говорю: ваш король – еретик…

---

[358] Procès. III. 146. – «Jeanne, croyez-moi, il ne tient qu'à vous d'être sauvée… Faites ce qu'on décidera… Il vous arrivera tout bien… Vous serez mise entre les mains de 1'Eglise».

– Нет, мессир, – воскликнула Жанна, – не в обиду будь сказано вашей милости, мой король – не то, что вы говорите, а христианин, из всех христиан благороднейший и больше всех любящий святую веру нашу и Церковь… Если же я в чем виновата, то не он за то отвечает, а я…

Мэтр Гильом, приказав ей молчать, продолжал увещание.

– Жанна, согласны ли вы отречься от ваших дел и слов? – спросил он ее в заключение.

– Я дам ответ во всем Богу и Святейшему Отцу нашему, папе.

– Этого мало. Папа слишком далеко. Всякий епископ имеет право судить в своем приходе. Вы должны подчиниться суду святой нашей Матери Церкви, считая за истину все, что постановили ваши духовные пастыри… Отрекаетесь ли вы, Жанна, от всех ваших дел и слов? – трижды спрашивает он, и трижды она отвечает:

– Нет, все мои дела и слова от Бога![359]

---

[359] Procès. II. 351; I. 456–457; II. 15, 17, 335, 345, 353, 367. – Bourg-l'Abbé. Le cimitière Saint-Ouen. Guillaume Erard. – «Par ma foi, messire, reverance gardée, je vous ose dire… que c'est le plus noble de tous les chrétiens, et qui le mieux aime la foi et 1'Eglise, et n'est point tel que vous le dites…». – Procès. I. 145. – «…Et s'il y a quelque faute, c'est à moi et non a autre.». – Procès. I. 444–446. – «Quant aux dits et faits que j'ai faits, je les ai faits de par Dieu».

LXI

– Именем Господним, мы все, пастыри Церкви, имея усердное о пастве нашей попечение… – начинает читать приговор епископ Бовезский.

– Жанна! – вдруг заговорили Голоса. – Мы тебя жалеем. Сделай же, сделай, Жанна, то, что тебе говорят: не убивай себя, отрекись!

Что это за голоса, – те же ли, что слышала она всегда, или другие? От Бога или от дьявола?

– …Мы, судьи, – продолжал читать епископ, – имея пред очами нашими самого Христа, дабы суд наш исходил от лица самого Господа, говорим тебе и объявляем, Жанна, что ты – лгунья, мнимых откровений и видений Божественных изобретательница, обманщица народа, во множестве заблуждений погрязшая, пагубная, гордая, дерзкая лжепророчица, против Бога и Святых Его кощунница, Таинств Святейших презрительница, закона Божия преступница, против Церкви мятежница…[360]

---

[360] Procès. I. 474–475. – «Nous, juges, ayant devant les yeux le Christ el 1'honneur de la foi ortodoxe, afin que notre jugement émane de la face du Seigneur, nous disons et décretons que tu as été mensongère, inventrice de révélation et apparitions prétendues divines; séductrice pernicieuse, présemtueuse, témeraire… blasphematrice envers Dieu, les saints et les saintes; contemprice de Dieu même dans ses Sacrements, prévacatrice divine… séditieuse… engagée en mille erreurs…». Procès. III. 123. – Les Voix: «Jeanne, nous avons si grande pitié de vous! Il faut que vous révoquiez ce que

Время идет. Бóльшая часть длиннейшего приговора уже прочитана. Палач ждет, готовясь отвезти Жанну обратно в тюрьму.

– С Церковью, с Церковью, я хочу быть с Церковью! – вдруг воскликнула она, складывая руки с мольбой.[361]

Чтение приговора прервано. Слышится ропот в толпе английских ратных людей и придворных, незнакомых с обычаями Святейшей Инквизиции. Несколько камней брошено в судей. Среди сидящих на помосте английских сановников слышатся жалобы и брань за то, что судьи допускают Жанну к отречению и покаянию.[362]

Мэтр Гильом читает ей заранее изготовленную грамотку с пятью-шестью строками отречения, где говорится, что, подчиняясь приговору суда и всем постановлениям Церкви, Жанна признает себя виновной во лжи и соблазне народа.

– Что вы такое читаете? Я ничего не понимаю, – говорит Жанна, – дайте подумать… Я должна спросить Голоса…

– Жанна, поймите же, если вы этого сейчас не подпишете, вас сожгут, – шепчет ей на одно ухо главный тюремный пристав Массие. – Мой совет: послушайтесь Церкви Вселенской, подпишите, и дело с концом!

– Ох, как вам хочется меня соблазнить! – шепчет Жанна.

---

vous avez dit ou que nous vous abandonnions… Jeanne, faites ce qu'on vous conseille. Voules-vous vous faire mourir?».

[361] Procès. I. 473, note; III. 65; II. 323. – «Jeanne cria, es mains jointes, quelle voulait bien obéir a 1'Eglise».

[362] Procès. II. 137, 376, 356; III. 157, 178; II. 55.

– Да, Церковь, Церковь Вселенская пусть решит, что мне делать! – произносит она громким голосом. – Как Церковь решит, так я и сделаю…

– Нет, Жанна, вы сами должны решить и подписать отречение тотчас же, если не хотите быть сожженной! – шепчет ей на другое ухо мэтр Гильом.

– Жанна, Жанночка милая! – кричат ей из толпы добрые люди, не только французы, но и англичане. – Мы тебя любим! Сделай, что тебе говорят, не убивай себя!

– Ну хорошо, давайте я подпишу…

– Я сначала прочту еще раз, а вы за мной повторяйте, – говорит Массие и читает, а Жанна повторяет за ним слова Отречения.[363]

Вдруг лицо ее искажается тихим, странным, как будто безумным смехом. Те, кто это видит, не могут понять, над кем она смеется – над собой или над судьями.[364]

– Что ж это за отречение? Наглая девка только смеется над ними! – негодуют англичане.

Брань становится все громче; камни все чаще летят, и мечи обнажаются. Судьи бледнеют.

---

[363] Procès. III. 99, 147; II. 323, 331. – «Comprenez bienque si vous allez à 1'encontre… de ces articles, vous serez brulée». – «Je veux que 1'Eglise délibère sur les articles. Je m'en rapporte à 1'Eglise Universelle, si je dois abjurer ou non…». – «Faites le maintenant, sinon vous serez brulée aujourd'hui même». – Gasquet. 189. – «Jeanne petit Jeanne, fais ce qu'on, te conseille… ne te laisse pas mourir… Jeanne, on t'aime!». – Procès. III. 157. – «J'aime mieux signer que d'être brulée…».

[364] Procès. II. 388; III. 55, 147.

– Вы не должны принимать такого отречения; это издевательство! – кричит епископу Бовезскому капеллан кардинала Винчестера.

– Лжете вы! – возражает епископ. – Я – судья духовный и должен думать больше о спасении души ее, чем о смерти…

– Воры, изменники! Плохо служите вы королю: девка сожжена не будет! – кричит граф Варвик.

– Будьте покойны, мессир, мы ее поймали, – говорит епископ. – Будет наша вся, до последней косточки![365]

Быстрым и ловким движением мэтр Массие подсовывает Жанне вынутую из рукава грамотку, вкладывает ей в пальцы перо, и, не умея писать, ставит она вместо подписи крестик.[366]

– Жанна, вы хорошо сделали: вы спасли душу свою! – шепчет ей мэтр Никола́ Луазолёр.[367]

Монсиньор Бовезский под яростную брань Годонов читает второй, более «милостивый» из двух заранее изготовленных приговоров:

– Так как, с помощью Божьей, отрекшись от всех своих

---

[365] Procès. II. 338; III. 147. – «C'est une pure Irufferie! Jeanne n'a fait que se moquer…». – Procès. III. 156. – «Vous faites mal d'accepter une abjuration pareille, c'est une dérision». – Amiet. 209. – «Traîtres! Voleurs!». – Procès. II. 376 – «Le roi va mal, la fille ne sera brulée!». – «Messire, n'ayez cure, nous la rattraperons bien!». – Amiet. 217. – «Nous 1'aurons jusqu'à 1'os!».

[366] Procès. II. 17; III. 164.

[367] Gasquet. 190. – «Jeanne, vous avez fail une bonne journee, vous avez sauvé votre âme!».

заблуждений и покаявшись, возвратилась она в лоно святой нашей Матери Церкви, то, дабы исходил наш суд от лица Господня, мы властью церковною разрешаем ее от уз отлучения, коими была она связана, и осуждаем на вечную тюрьму с хлебом печали и водой покаяния…[368]

– Ну, теперь я в ваших руках, отцы святые, – говорит Жанна, обращаясь к судьям. – Ведите же меня в вашу тюрьму, чтоб мне больше не быть в руках англичан!

Это было ей обещано, но сами обещавшие знали, что это невозможно, потому что англичане, каков бы ни был приговор суда, потребуют выдачи Жанны.

– Ведите ее туда, откуда привели! – отдает приказ епископ Бовезский, и Жанну отводят обратно в ту же тюрьму.[369]

---

[368] Procès. I. 450, 452. – «…Puisque, Dieu aidant, elle revient au giron de la Sainte Eglise, que d'un coeur contrit elle abjure ses erreurs… et afin que notre jugement soit comme un rayon de la face de Dieu… nous la délious par les sanctions ecclesiastiques des liens de 1'excommunication dans lesquels elle était enchâtée… Nous la condamnons finalement et déinitivement à la prison perpétuelle avec le pain de douleur et 1'eau de 1'angoisse…». – Amiet. 332. – «Ad perpetuam carcerem muri… in pane doloris et aqua tribulationis».

[369] Procès. II. 14. – «Or ça, entre vous, gens d'Eglise, menez-moi en vos prisons, et que je ne sois plus entre les mains des Anglaise». – Procès. II. 1. – «Menez-la où vous 1'avez prise». – Hanotaux. 313. – «Je suis absolument sûr que la celude lue à la Pucelle n'était pas celle dont il est fait mention au Procès, car celle-ci est differente de celle que j'ai lue a Jeanne et qu'elle a signée! Я совершенно уверен, что прочитанное мной и подписанное Жанной отречение было вовсе не то, что объявлено было потом, на суде: это весьма отлично от того», – засвидетельствует впоследствии Жан Массие, или, другими словами, совершен был подлог. Что именно произошло, трудно понять, но нет никакого сомнения, что Жанна отреклась действительно, потому что и сама она, через несколько дней, в этом признается.

LXII

Главным внешним знаком Отречения Жанны, Renunciatio, было переодевание ее из «чудовищного противоестественного и богопротивного» мужского платья в женское. Нет никакого сомнения, что в тех, не дошедших до нас, подлинных, прочитанных ей мэтром Массие, на Сэнт-Уэнском кладбище, и кое-как подписанных ею пяти-шести строках Отречения она согласилась на это и, тотчас по возвращении в тюрьму, переоделась. Но, вероятно, под любопытными и насмешливыми взглядами тюремщиков не раздевалась донага, а только накинула поверх мужского платья женское.[370] Что же произошло затем, трудно понять, по слишком противоречивым, а может быть, и подложным показаниям свидетелей. Ночью будто бы тюремщики, унесши потихоньку женское платье Жанны, положили вместо него мешок с мужским, а утром, когда, вставая, она потребовала женского, то не дали его, так что, после долгого спора, она вынуждена была надеть мужское.[371] Так – по одному свидетельству, а по другому – когда ее спросили: «Зачем вы снова надели мужское платье? Кто вас принудил к тому?» – Жанна будто бы ответила:

– Никто. Сама надела. Я люблю мужское платье больше,

[370] Amiet. 363.

[371] Procès. II. 18.

чем женское…

– Но ведь вы обещали и поклялись его не надевать?

– Нет, никогда не клялась… Мне среди мужчин пристойнее быть в мужском платье…

И, помолчав, прибавила:

– Я еще и потому надела его, что вы не сделали того, что обещали: не причастили и не освободили меня из рук англичан…[372]

Судя по этому второму показанию, Жанна согласилась надеть женское платье, потому что не сразу поняла, что́ сделала или что с нею сделали на Сэнт-Уэнском кладбище: отреклась бесполезно; душу погубила и жизни не спасла. А когда поняла, то снова надела мужское платье. Если главным внешним знаком Отречения было переодевание из мужчины в женщину, то переодевание обратное, из женщины в мужчину, было знаком того, что она отреклась от своего Отречения.

Мнимое «увещание милосердное» на эшафоте – действительная и жесточайшая пытка – не тела, а души. И Жанна делает то самое, о чем предупреждала судей-палачей своих в застенке: «Если б я сказала что-нибудь под пыткой, то отреклась бы потом от слов моих и объявила бы, что они у меня вынуждены пыткой».

– Что же говорят вам Голоса? – спрашивают ее судьи

[372] Procès. II. 5; I. 455–457. – «Onques n'entendis que j'eusse fait serment de ne le point prendre… Il m'est plus licite… d'avoir habit d'homme, étant entre les hommes… Je 1'ai repris pour ce qu'on ne m'a point tenu ce qu'on m'avait promis, c'est asavoir que j'irais a la messe et recevrai mon Sauveur et qu'on me mettrait hors les fers».

утром 27 мая, после допроса о перемене платья.

– Очень дурно, говорят, я сделала, согласившись на отречение, чтобы спасти мою жизнь, – отвечает Жанна, «вся в слезах и с искаженным лицом». – Я отреклась, потому что боялась огня…

– Но когда вы отреклись на эшафоте перед судьями и всем народом, то признались, что ложно хвастали, будто бы ваши Голоса от Бога, – обличает ее епископ Бовезский.

– Нет, в этом я не признавалась и не признаюсь никогда… Сказанного в грамоте той об Отречении я не поняла… и не думала вовсе отрекаться от того, о чем вы сейчас говорите… Против Бога и веры я никогда ничего не делала… и душу погубила бы, если бы сказала, что не Богом послана… Мне Голоса говорят о великой низости моего отречения… Лучше бы мне умереть, чем мучиться так!

«Вот ответ убийственный, responsio mortifera», – отмечает на полях слова ее записывающий клерк.[373]

Монсиньор Бовезский, выходя из тюрьмы и встретив графа Варвика с многочисленной свитой, сказал ему, будто бы смеясь:

– Farewell![374] Поздравляю: дело кончено – Жанна пойма-

---

[373] Amiet. 215. – Procès. I. 455–457. – «J'avais fait grande mauveseté… De peur du feu, j'ai dit ce que j'ai dit… Se qui était en la cedule de 1'abjuration je ne 1'entendais point… Je ne fis onques chose contre Dieu et la foi… Si je disais que Dieu ne m'a envoyée je me damnerais… Elles (les Voix) m'ont dit la grande pitié de la trahison que j'ai consentis… pour sauver ma vie… J'aime mieux mourir!».

[374] До свидания! (англ.)

на![375]

Так Жанна, только что вернувшись в лоно Церкви, «снова от нее отпала», relapca, а по законам Святейшей Инквизиции снова отпавшие были покидаемы Церковью и «ввергались во тьму кромешную, где плач и скрежет зубов».[376]

«Так как Жанна снова отпала от Церкви, то мы должны предать ее власти мирской решают судьи.[377]

[375] Procès. II. 5, 8, 305. – «Faites bonne chère! C'est fait, elle est prise!».

[376] Amiet. 214.

[377] Procès. I. 463. – «Jeanne est relapse… Ceci fait, à nous juges… de 1'abondonner à la justice séculière».

LXIII

Утром, 30 мая, два молодых доминиканца, бакалавра теологии, брат Мартин Лавеню и брат Изамбер дё ла Пьер, посланные епископом Бовезским, входят в тюрьму к Жанне.

– Жанна, вы сегодня… – начал брат Мартин и не кончил, увидев, что она поняла. Вдруг вся побледнела, закрыла лицо руками и заплакала, как маленькие дети плачут; завопила, как старые крестьянки вопят над покойниками:

– Ох! Ох! Ох! Девичье тело мое будет в огне сожжено! Черным углем почернеет белое тело мое! Лучше бы мне сто раз быть обезглавленной… Праведным, Боже, судом Твоим суди их за все![378]

Плачет, бьется головой об стену, рвет на себе волосы, царапает руками лицо. Это ли великая Святая, спасительница Франции? Да, это. Если бы не страдала, как все, – не могла бы жертвой быть за всех. Девы Жанны, «дочери Божьей», Страсти подобны во всем – и в этом – Страстям Сына Божия: так же и она, как Он, «находилась в борении смертном»; так же у нее, как у Него, «был пот, как падающие на землю капли крови».

---

[378] Procès. II. 3–4, 8. – Martin Ladvenu, Isambert de la Pierre. – «Helas! me traîtra-t-on aussi horriblement et cruellement qu'il faille que mon corps net et entier qui ne fut jamais corrompu, soit aujourd'hui consume et reduite en cendres? Ah! Ah! j'aimerais mieux être decapitée sept fois que d'être ainsi brulee… Oh! j'en appelle devant Dieu, le Grand Juge, des grands torts et ingravances qu'on me fait!».

LXIV

– Вот мой убийца! – закричала Жанна, увидев вошедшего в тюрьму епископа Бовезского.

– Нет, Жанна, не я вас убил, а вы сами себя, – не сделав того, что обещали, и снова отпав от Церкви, – ответил епископ, может быть, с непритворною жалостью. – Что же ваши Голоса? Помните, вы говорили, что они обещают вам освобождение? И вот, обманули, видите?

– Да, обманули! – сказала будто бы Жанна.[379] Может быть, хотела сказать: «Я обманулась, не поняла Голосов; думала, что они обещают спасти меня от смерти, а теперь вижу, что должна умереть». И если бы даже сказала: «Обманули», – что из того? Если на кресте Сын Божий сказал Отцу: «Для чего Ты Меня оставил?» – то это могла сказать и «дочерь Божия». Сделалась «проклятой» и она, так же как Он:

> Христос искупил нас от проклятия закона, сделавшись за нас проклятием, katara, ибо написано: «проклят… висящий на древе» (Гал. 3, 13).

«Братья небесные», Ангелы, покинули Жанну; все Голоса

---

[379] Procès. II. 34. – «Evêque, je meurs par vous!». – «Ah! Jeanne… vous mourrez parceque vous etesretournee a votre premier malefice». – Procès. I. 481–482. – «Or ça, Jeanne, vous nous avez toujours dit que vos Voix vous promettaient votre délivrance, et vous voyez maintenant comment elles vous ont deçue…». – «Vraiment, je vois bien qu'elles m'ont deçue».

вдруг замолчали, кроме одного, никогда еще ею не слыханного, но чей он, – она не знала ***наверное***. Что, если не Его, а Другого?

Жанна была против всего мира – всей Церкви, одна с Ним или не с Ним, а с Другим, – этого тоже не знала наверное, и в этом была ее крестная мука – вечный вопрос без ответа: «для чего Ты меня оставил?»

LXV

Жанна просит, чтоб ее причастили.

– Дайте ей все, чего она просит, – разрешает епископ Бовезский.

Брат Мартин причащает Жанну.

– Верите ли вы, что сие есть, воистину, Тело Христово? – спрашивает он, вынимая частицу из дароносицы.

– Верю, – отвечает Жанна. – Только Он, Христос, – ***Освободитель*** мой единственный![380]

«Господи, благодарю Тебя за то, что умираю *свободным* от всего!» – могла бы сказать и Жанна, умирая, так же как сказал св. Франциск Ассизский; в Третье Царство Духа – Свободы – вступает и она, как он.

---

[380] Amiet. 218. – Procès. I. 482–484. – «Croyez-vous que ce soit le corps du Christ?». – «Oui, et Celui-la seul qui put me délivrer».

LXVI

Было около девяти часов утра, когда Жанну вывели из тюрьмы, посадили вместе с духовником ее, братом Мартином, и главным тюремным приставом, Массие, на телегу и под охраной восьмидесяти английских ратных людей повезли на площадь Старого рынка, у церкви Христа Спасителя, где приготовлены были три высоких деревянных помоста: первый – для последнего «увещания милосердного»; второй – для судей и третий, выше всех, покрытый гипсом, с правильно сложенной поленницей дров, – для костра. Тут же, на третьем помосте, был столб с прибитой к нему доской, а на доске – надпись: «Жанна, рекомая Дева, лгунья, злоковарная, пагубная, обманщица, колдунья, кощунница, в Иисуса Христа не верующая, идолопоклонница, служительница дьяволов, отступница, еретица и раскольница».[381]

Площадь охранялась ста шестьюдесятью английскими ратными людьми. Множество любопытных теснилось на площади, и в окнах, и на крышах домов.

Жанну взвели на первый помост. Мэтр Никола́ Миди, доктор богословия, взойдя на тот же помост, произнес по-

[381] Sarrazin. Jeanne d'Arc et la Normandie. 369. – Amiet. 217. – Procès. IV. 459. – «Jehanne qui s'est faict la Pucelle, menteresse, pernicieuse, abuseresse du peuple, divineresse, superstitiuse, blasphameteresse de Dieu, presumptueuse, malcreant de la foi de Jhesuscrist, vanteresse, ydolatre, cruelle, dissolue, invocateresse de diables, apostate, scismatique et hérétique».

следнее «увещание милосердное», кончавшееся так:

– В мире, Жанна, гряди! Церковь больше не может тебя защищать и предает власти мирской.

А со второго помоста, судейского, монсиньор епископ Бовезский начал читать приговор:

– Именем Господним… мы объявляем тебе, Жанна, что должно тебе, как члену гнилому, быть из Церкви исторгнутой, дабы всех остальных членов не заразить… ибо вновь, отцом лжи соблазненная, отпала ты от Церкви и вернулась к злым делам твоим, как пес на блевотину… И мы исторгаем, извергаем тебя и предаем власти мирской, прося ее, умерив свой приговор, пощадить тебя от смерти и членовредительства…[382]

Этой просьбой Церкви к власти мирской «милостиво поступить с осужденною» (потому что сожжение на костре считалось милостью по сравнению с другими, более жестокими казнями, например четвертованием) – Церковь, осуждая преступника на смертную казнь, очищалась от крови казнимого, ибо «Церковь от крови отвращается», Ecclesia abhorret

---

[382] Procès. III. 159. – «Au nom du Seigneur… nous déclarons que toi, Jeanne, membre pourri dont nous voulons empêcher que 1'infection ne se communique aux autres membres, tu dois etre rejetee de 1'unité de 1'Eglise; tu dois être livrée à la puissance séculiere… Attendu que… séduite par le démon, prince du mensonee, tu es retomblée dans tes erreurs et tes crimes, tel le chien qui retourne à son vomissement… Et nous te rejetons, nous te retranchons, nous t'abandonnons, priant cette meme puissance séculière de vouloir modérer envers toi sa sentence, en deçà de la mort et de la mutilation des membres…».

a sauguine.[383] Милует Церковь – государство казнит.

Но знали, конечно, все, чего эта просьба стоит: если бы мирская власть исполнила то, о чем просила Церковь, то оказалась бы такой же еретицей и богоотступницей, как осужденный, и навлекла бы на себя такой же приговор церковных властей. Все это знали, но делали вид, что не знают. Церковью возлагалась вина на государство, а государством – на Церковь, и оба были невинны: казнь совершалась, но никто не казнил.

Знали это все, и всем было тяжело, – мирянам так же, как людям Церкви, потому что перед этим простейшим и правдивейшим в мире существом – не могучей и страшной «ведьмой» и не великой Святою Девою, а грешною, слабою, маленькой девочкой Жанной эта ложь и лицемерие слишком были очевидны: надо было ее убить, сжечь на костре, свято, милосердно исполняя заповедь любви Христовой, и это было сверх сил человеческих.

[383] Eymeric. III. 554. – Bernard Gui. Practica inquisitionis hereticae pravitatis. III. 144.

LXVII

После приговора и отлучения осужденной от Церкви все духовные лица сошли с помоста, потому что дело их было кончено: отлученная предана в руки властей мирских, и теперь начиналось их дело.[384]

Жанна стала на колени, сложила руки на груди и подняла глаза к небу. Многие англичане плакали, а другие смеялись или только делали вид, что смеются, и кричали священнику-тюремщику, мессиру Массие, продолжавшему увещевать Жанну:

– Что же, попы, здесь нам и обедать, что ли?[385]

Участь Жанны, отлученной от Церкви, надо было решить, согласно с церковными законами, представителю власти мирской – городскому голове Руана, байльи, мэтру Жану Ле-Бутельэ, который тут же присутствовал, окруженный членами городского правления, асессорами. Но, слишком усердный слуга англичан, он так спешил или так растерялся, что забыл, что прежде, чем виновную казнить, должно ее осудить и произнести над нею приговор.

– Делай, что надо! – крикнул он палачу, кивнув ему головой на Жанну, и тот повел ее на белый гипсовый помост с

---

[384] Petit de Julleville. 164.

[385] Procès. II. 19; III. 177, 186. – «Quoi donc, prêtres, nous ferez-vous diner ici?».

поленницей дров для костра.[386]

Женская, длинная, белая, серою густо пропитанная рубаха была на Жанне и картонная, тоже пропитанная серою, остроконечная, желтая на бритой голове, митра – шутовской, ведьмин колпак, с такою же, как на столбовой дощечке, надписью большими черными буквами: «Еретица, Вероотступница, Идолопоклонница».[387]

Белая Дева на белом помосте – белая Лилия Франции или самого Благовещения:

Радуйся, Благодатная!

– О, Руан, Руан! Как бы тебе за меня не пострадать! – воскликнула Жанна, взойдя на высокий помост, откуда виден был город.[388] И «дочерь Божия» заплакала о городе своем так же, как Сын Божий о своем Городе плакал:

> Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица – птенцов своих под крылья, и вы не захотели! (Лк. 13, 34).

Слезы были на глазах у кардинала Винчестера, того самого, что «никогда не входил в церковь без того, чтоб не пожелать в молитве смерти врагу». Сам епископ Бовезский, «убийца» Жанны, вытирал глаза от непритворных, может

---

[386] Petit de Julleville. 165. – Bailli, Jean de Bouteiller. – «Fais ton affaire!».

[387] Procès. III. 53. – «Hérétique, relapse, apostate, idolâtre».

[388] Procès. III. 53. – «Ah! Rouen, j'ai grand'peur que tu n'aies a souffrir de ma mort!».

быть, слез.

– Я хотел бы, чтоб душа моя была там же, где ее душа! – тяжело вздохнул мэтр Жак Алеспэ, ученый богослов и каноник.[389]

[389] Procès. II. 6, 191, 375. – Jean Alespée: «Je voudrais que mon âme fût où je crois qu'est 1 âme de cette femme». – Shakespeare. Henry VI. I. 1. – Michelet. 282. – «Episcopus Belvancensis flevit».

LXVIII

– Крест, дайте мне крест! – просит Жанна.

Кто-то из англичан, вынув два сучка из приготовленного для растопки хвороста и сложив их в виде креста, подал ей, и, благоговейно поцеловав их, она положила их себе под одежду, на грудь. Брат Изамбер побежал и принес ей из церкви настоящий крест. Жадно схватив его и прижав к груди, она не выпускала его из рук, пока руки были свободны, а когда привязали их к столбу, просила держать крест перед нею так, чтобы могла видеть его до конца.[390]

Брат Изамбер и брат Мартин взошли с ней на костер и стояли на нем до той минуты, когда в подожженном хворосте затрещало пламя.

– Что же вы стоите? – крикнула им Жанна, думая и в эту последнюю минуту не о себе, а о других. – Сходите же, сходите скорей! Крест только держите, чтобы мне видеть его до конца!

Братья сошли, но стали тут же, у самого костра, и брат Изамбер поднял крест так высоко, что Жанна могла его видеть.

– Нет, Голоса не обманули меня! Бог меня послал! – воскликнула она, глядя сквозь дым и пламя на крест.

Чтобы сократить и облегчить муки сжигаемых, палач

[390] Procès. II. 6, 20; III. 186.

обыкновенно подбавлял к сухим дровам зеленых веток или соломы так, чтобы жертва задохлась в густом дыму прежде, чем сгореть в огне. Но Жаннин палач этого сделать не мог, потому что костер был слишком высок, а может быть, и потому, что, помня совершенные «ведьмой» или Святой чудеса, побоялся это сделать, так что Жанне предстояло не задохнуться в дыму, а сгореть в огне.

– Иисус! – воскликнула она, видя, как вспыхнул огонь. И когда пламя уже охватило ее, возопила снова громким голосом:

– Иисус! Иисус! – так, как будто уже видела Иисуса Грядущего, Освободителя.[391]

[391] Petit de Julleville. 167. – «Non, mes Voix ne m'ont pas trompée… Elles étaient de Dieu!». – Michelet. 285. – «Quod voces… erant de Deo… nec per has fuisse deceptam».

LXIX

Кто-то из английских ратных людей, кидая в огонь охапку хвороста, упал без чувств. Люди подняли его и отвели в питейный дом, чтобы подкрепить стаканом вина. Долго не мог он прийти в себя и все повторял в невыразимом ужасе:

– Голубь, Голубь… белый Голубь вылетел у нее изо рта с последним вздохом!

Может быть, это был изображенный на знамени Девы голубь Духа Святого.

Многие видели также начертанное в пламени костра имя «Иисус».[392]

Длинной кочергой раскидал палач, по приказанию байльи, мэтра лё-Бутельэ, горящие дрова и хворост так, чтобы пламя раздвинулось и все могли убедиться, видя обугленное тело Жанны, что «ведьма» не спаслась, не вылетела из пламени, с помощью дьявола, а сгорела, как следует.[393]

Весь день пылал, а потом тлел костер. К вечеру кардинал Винчестер отдал приказ кинуть пепел в реку. Тщательно собрали обгоревшие кости и пепел в мешки, отнесли их на реку и бросили в воду.[394]

Ночью напившийся с горя и страха палач, зайдя в доми-

---

[392] Procès. III. 398. – Michelet. 286.

[393] Journal d'un bourgeois de Paris. 270–296. – Procès. III. 191.

[394] Amiet. 222. – Procès. 159–160. – Basin. Hist. de Charles VII. I. 83.

никанскую обитель, тяжко стонал и плакал:

– Душу свою погубил я, сжег Святую! Этого Бог мне ни за что не простит![395]

– Ох, пропали, пропали мы все: Святую сожгли! – говорил будто бы и кое-кто из англичан, возвращаясь, после казни, с площади.[396]

[395] Procès. II. 366.

[396] Michelet. 287. – «Nous sommes perdus: nous avons brule une sainte!».

LXX

Английские власти разослали письма, на латинском и французском языке, во все концы мира всем сановникам Церкви и всем христианским государям, – королям, герцогам, графам, владетельным князьям и всем городам Франции, – извещая их, что английский король Генрих VI и советники его, «весьма жалея Деву, все же казнили ее, по усердию к вере Божией и ко благу всего христианского мира».[397]

То же писал и Парижский университет императору и папе. Это послание кончалось так: «В смерти этой несчастной девушки обнаружилось до очевидности, сколь опасно и пагубно слишком легко доверять сим новым, в христианском королевстве нашем, с недавнего времени не только этой женщиной, но и многими другими, подобными ей, рассеваемым бредням… Всех добрых сынов Римской католической Церкви должен бы остеречь этот столь наглядный пример от того, чтобы слишком полагаться на свой собственный разум, и научить прилепляться к учению Церкви… больше, нежели к басням суеверных жен. Ибо если мы когда-нибудь, по причине наших грехов, дойдем до того, что легковерие народное будет внимать мнимым пророчицам более, нежели пастырям Церкви, коим самим Господом сказано: „идите, научите все народы“, – то, в скором времени, все благочестие иссякнет,

[397] Procès. I. 485, 496; IV. 403.

вера погибнет, Церковь будет под ногами безбожных попрана и воцарится во всем мире беззаконие сатанинское».[398]

Нет никакого сомнения, что если не все, то кое-кто из писавших это послание был так же непоколебимо убежден, что, предав огню Жанну, против государства и Церкви «возмутительницу», совершили они святое и богоугодное дело, как законники иудейские, распявшие Иисуса Возмутителя, убеждены были, что дело их свято. Правы были по-своему эти так же, как те: и всеми нашими доводами, разумными и нравственными (а других у нас нет), так же было бы нам трудно разубедить и этих, как тех. Суд мира сего, суд иудео-христианской Синагоги над обоими – Иисусом и Жанной, Сыном Божиим и «дочерью Божией», – один и тот же доныне: древний, деревянный, Римский; или новый, огненный, тоже Римский, крест. «Все мы согрешили, воистину все!» – по слову одного из римских первосвященников о великом, от Огненного Креста Девы вспыхнувшем пожаре всего христианского Запада – Протестантстве-Реформации и обо всем, что было за нею. Все мы согрешили и не искупили нашего греха доныне.

«О, Руан, Руан! О, Рим, Рим! – весь мир – как бы тебе не пострадать за меня!» – все еще говорит на вечном Огненном Кресте своем распятая Жанна, «дочерь Божия».

Все еще суд мира над Ним: «Распни!», а над нею: «Сожги или утопи!» Так и сделали тогда: пепел от горевшего тела ее

---

[398] Procès. I. 409.

и несгоревшее сердце кинули в Сену. Там оно и доныне, никакими водами неугасимое, сердце Жанны, Святой или Окаянной, – Святой или Окаянной Франции, – этого тогда никто не знал и сейчас еще никто не знает.

LXXI

В 1432 году, через полгода после казни Жанны, папа Евгений IV пишет судье-палачу ее, Пьеру Кошону, поставляя его в епископы Лизьёские: «Добрых дел твоих благоухание да распространяется все далее».[399] Главное из этих «добрых дел» – «богооступницы», «мятежницы против Церкви», Жанны: «С помощью Божьей осуждена та… чьим ядом отравлен был почти весь христианский мир». А в 1433 году архиепископ Реймский, Жювенель-дез-Урсин, произнося в городе Блуа, откуда начат был Крестовый поход Девы, торжественную речь, в память полководцев, освободивших Францию от английского нашествия, одну только Жанну нечаянно или нарочно забыл.[400]

Церковь ее забыла, но помнил мир. Около 40-х годов XV века прошел слух по всей Франции, что Дева чудом спаслась из огня, жива и снова явится.[401]

Вспомнил ее и король. В 1449 году, взяв Руан и желая снять с королевской чести своей пятно, оставленное на ней приговором 1431 года над Жанной, решил он добиться его

---

[399] Père Henri Denifle et Émile Chatelain. Mémoires de la Société de 1'histoire de Paris et de l'Île-de-France. Paris, 1897. XXIV. 14. – «Vade ac bonae famae tuae odor ex laudabilibus actibus tuis latius diffundatur».

[400] Amiet. 208.

[401] France. II. 429.

отмены, чтобы доказать себе и всему христианскому миру, что не был помазан на царство «еретицей» и «ведьмой». Только Церковь и папа могли постановить пересмотр дела. Но ссориться с англичанами не желал никто из тогдашних пап.[402] Чтобы избегнуть этой трудности, найден был искусный обход: мать Жанны, Изабелла Ромея, и братья ее, Пьер и Жан, пошли с ходатайством к духовным властям о пересмотре дела. Папа Каликст III в 1455 году благословил несколько французских епископов вместе с главным Инквизитором Франции, Жаном Брегалем, начать пересмотр. Всю вину свалили на безответных, потому что тогда уже скончавшихся, епископа Бовезского, Пьера Кошона и промотора Жана д'Эстивэ, чьими будто бы ложными доносами все остальные судьи были «обмануты».[403] Кажется, главным доводом в пользу Девы было то, что эта «смрадная нищенка, слабоумная во всем, кроме своего предназначения», послана была Богом на помощь Франции только «благодаря добродетелям короля Карла VII».[404]

16 июня 1456 года совершилось торжественное «Оправ-

---

[402] Ayroles. Ch. IV. – Charles Marie de Robillard de Beaurepaire. Les Etats de Normandie sous la domination anglaise. Évreux: Impr. de A. Hérissey, 1859. P. 185–188.

[403] Procès. V. 276, 112; II. 82, 91. – Ayroles. 607. – Jean Bréhal. – Amiet. 279.

[404] Procès. 314. – Ayroles. 402–403. – Lanéry d'Arc. 247. – «Elle (Jeanne) était abjecte et tres pauvre, et paraissait presque idiote en tout ce qui ne concernait sa mission… Ce n'est qu'aux vertus de son Roi que le Seigneur accorda le secours de la Pucelle».

дание Жанны, Rehabilitatio: приговор 1431 года, объявленный „несправедливым и неосновательным, подлежащим отмене и уничтожению“, был на мелкие клочки разорван. Но вместе с жертвой и судьи-палачи оправданы.[405]

Там, где был костер Жанны, в Руане, на площади Старого Рынка, поставлен большой каменный крест.[406] Но, может быть, только тогда, когда этот крест каменный снова сделается Огненным, совершится истинное оправдание св. Жанны – Святой Души Франции.

[405] Procès. III. 355. – Amiet. 279. – «Le jugement déclare injuste, mal fondé, inique… cassé et frappé de nullité».

[406] Amiet. 279.

LXXII

Слушай, в ночи,
Франция плачет:
«Вспомни!
Снова приди и спаси, кроткая мученица Жанна!
Видишь, руки мои – в цепях…
Лицо закрыто, очи заплаканы…
И величие мое унижено…
Все это сделали дети мои,
Мать свою они покинули…
Снова приди,
Цепи мои разбей,
Освободительница Жанна!»

Эта молитва св. Терезы Лизьёской звучит в наши дни, как еще никогда.

Многие умные и честные люди во Франции уже и сейчас понимают, и, вероятно, понимающих будет с каждым днем все больше, – что заключенный будто бы ради общеевропейского мира военный союз Франции с русскими коммунистами – одно из самых неумных и недобрых дел, когда-либо совершенных не Францией, а теми, о ком она говорит в пророческой молитве св. Терезы как о своих поработителях: «Руки мои – в цепях».

Слишком часто в политике прощается подлость, реже – глупость, но никогда – подлость, соединенная с глупостью, а попытка Европы включить русскую коммунистическую партию как законное русское правительство и равноправную великую державу в систему европейского мира и есть именно такое соединение глупости с подлостью.

Дьявольское чудо Великой войны – то, что побежденная Германия чувствует себя, как победившая Франция, и наоборот. Не надо в тысячный раз повторять бесполезно и безнадежно, что поиски европейского мира в союзе с русскими коммунистами – то же, что страховка от пожара в шайке поджигателей; что никогда не откажутся они от всемирной революции: с этим пришли в мир – с этим и уйдут из мира. А путь к всемирной революции для них вернейший – вторая война. Что же их вдруг испугало в войне? Почему захотели они мира? Если бы не нравственное помешательство Европы, не надо было бы повторять в тысячный раз, что русским коммунистам нужен мир с Европой для войны с Россией, потому что слишком хорошо знают, что если еще не вся Россия, то уже огромная и с каждым днем все большая часть ее хочет войны не с внешним врагом, а с внутренним, ждет ее как знака не для всемирной, а для русской революции; что всякий внешний враг будет для России желанным союзником-освободителем и что нет такой цены, которой она не заплатила бы за свободу.

Да, все это повторять бесполезно: сколько ни повторяй,

душа послевоенной Европы тянется к русским коммунистам, как рука старого пьяницы – к водке. Первая потянулась Германия; последняя – Франция.

LXXIII

Чтó будет, если немцы войдут в Париж, знают они; а если русские коммунисты войдут, что будет – этого не знают и об этом не думают, потому что это кажется им невозможным. Да, невозможно, до второй всемирной войны, а что будет после нее – кто знает?

Гибелью всей европейской цивилизации будет вторая всемирная война, – это сознание, может быть, последний проблеск разума в общем безумьи Европы. Но есть нечто более страшное, чем гибель европейской цивилизации, – ее дальнейшее движение по тому же пути, который довел ее до такого умственного и нравственного помешательства, в каком находится она сейчас. Кажется иногда, что нужно и Европе, чтобы прийти в разум, сделать тот же ужасающий опыт, какой сделала Россия. Будет ли он сделан?

Слишком легко, в наши дни, быть зловещим пророком, легче всего отчаяться, – надеяться труднее всего. Но, может быть, об этой труднейшей для нас надежде и сказано:

> люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную… Когда же начнет сбываться то, тогда всклонитесь и поднимите головы ваши, ибо приближается избавление ваше (Лк. 21, 26; 28)

LXXIV

«Жанна, смерть твоя спасает Францию», по вещему слову св. Терезы Лизьёской.

Все явление Жанны мгновенно, как молния в ночи; но и этого мгновенного света достаточно, чтобы увидеть, чем святая душа Франции, воплощенная в Жанне, могла бы спасти не только Францию, но и всю Европу. Вот почему все, кто это видит, говорят с такой надеждой на чудо спасения, как еще никогда, в эти, не только для Франции, но и для всей Европы, для всего христианского человечества, страшные дни:

Святая Жанна, моли Бога за нас!
Sancta Iohanna, ora Deum pro nobis!